

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 18

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2022

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ ФНИСЦ РАН);

С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);

О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);

К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);

К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ ФНИСЦ РАН);

Н. В. Колесник, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);

С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт здоровья
и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)

Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);

Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);

И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент (Карлов университет, Прага, Чехия).

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Периодическое печатное издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Индивид, семья, общество

<i>А. Г. Щёлкин</i> «Отцы и дети» — социологический портрет поколений в онтологическом интерьере	5
--	---

Социология культуры

<i>Сергеева О.В.</i> Как мы читаем гипертекст? (ответы феноменологической теории В. Изера)	35
<i>Мизиряк Н.А.</i> Компьютерные игры в условиях медиаконвергенции: мемы и фан-арт к играм серии The Witcher 3	41

Социология города / человек и среда обитания

<i>Е. Н. Рассолова, К. А. Галкин</i> «Город тысячи смыслов». Размышления социологов об идентичностях российского индустриального города	60
<i>А. С. Мищенко</i> Опыт изучения социально-экологической ситуации в малых монопромышленных городах России	69

Социально-политические исследования / социология религии

<i>Н. В. Колесник, А. В. Корниенко, С. Д. Хосуева</i> Политическая социализация, социальные сети и коммуникации: основные направления исследования	86
<i>В. Д. Дмитриева</i> Глокализация политической доктрины современного католицизма: сравнительный анализ поездок Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска	101

CONTENTS

Individual, Family, Society

<i>Shchelkin A. G.</i> “Fathers and children” — a sociological portrait of generations in an ontological interior	6
---	---

Sociology of culture

<i>Sergeyeva O. V.</i> How do we read hypertext? (answers of W. Iser’s phenomenology)	35
<i>Miziryak N. A.</i> Computer games in a frame of media convergence: memes and fan art inspired by the Witcher 3 games series	42

Sociology of the city / Man and environment

<i>Rassolova E. N., Galkin K. A.</i> “The City of a thousand meanings”. Sociologists’ reflections on the identities of the Russian industrial city	60
<i>Mishchenko A. S.</i> The experience of studying the socio-ecological situation in small mono-industrial cities of Russia	69

Socio-Political Studies / Sociology of Religion

<i>Kolesnik N. V., Kornienko A. V., Khosueva S. D.</i> Political socialization, social networks and communications: the main directions of research	87
<i>Dmitrieva V. D.</i> Glocalization of the political doctrine of modern Catholicism: a comparative analysis of the travels of John Paul II, Benedict XVI and Francis	101

А. Г. Щёлкин

«ОТЦЫ И ДЕТИ» — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЙ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Смена поколений — это старая тема в художественной и даже философской литературе, но относительно новая для социологии. Большие социологические надежды на эту тему возлагал Т. Шанин. Другие известные отечественные социологи, как Ю. Левада и Вл. Ядов оценивали более осторожно и даже критически возможности «молодого поколения» быть маркером «прогрессивных» изменений в жизнеустройстве человеческого общества. Вместе с тем феномен «отцов» и «детей» остается «индекативен» как собственно в семейном, так и социетальном масштабе. Состояние межпоколенческих отношений является живым свидетельством социума в его цивилизационном измерении. К сожалению, сегодня многие западные и отечественные социологи сводят проблему «отцов» и «детей» в духе М. Вебера к рационально-«цифровой» компетентности/некомпетентности тех и других. Очевидно, что традиционный дуализм «отцов» и «детей» на этом техноцентристском маршруте исчезнет сам собой, но онтологический (бытийный) человеческий и цивилизационный смысл сосуществования «отцов» и «детей», безусловно, останется как «программа» самосохранения социума. И кому, как ни социологам, эта забота не ближе всего в силу их профессионализма и социальной ответственности

Ключевые слова: «эпистемологические возможности» поколенческих категорий, критерии современных поколений, «онтология для социума», социальная ответственность социологов.

ALEXANDER G. SHCHELKIN

“FATHERS AND CHILDREN” — A SOCIOLOGICAL PORTRAIT OF GENERATIONS IN AN ONTOLOGICAL INTERIOR

Generational change is an old topic in fiction and even philosophical literature, but relatively new in sociology. T. Shanin placed great sociological hopes on this subject. Other well-known domestic sociologists, such as Yu. Levada and Vl. Yadov assessed more cautiously and even critically the opportunities of the “young generation” to be a marker of “progressive” changes in the life order of human society. At the same time, the phenomenon of “fathers” and “children” remains “indicative” both on the family and societal scales. The state of intergenerational relations is a living evidence of society in its civilizational dimension. Unfortunately, today many Western and domestic sociologists reduce the problem of “fathers” and “children” in the spirit of M. Weber to the rational-“digital” competence/incompetence of both. Obviously, the traditional dualism of “fathers” and “children” on this technocentric route will disappear by itself, but the ontological (existential) human and civilizational meaning of the coexistence of “fathers” and “children” will certainly remain as a “program” for the self-preservation of society. And to whom, no matter how sociologists, this concern is not closest because of their professionalism and social responsibility.

Key words: “epistemological possibilities” of generational categories, criteria of modern generations, “ontology for society”, social responsibility of sociologists.

Принято считать, что феномен «отцы и дети» связан с попыткой взглянуть на кризисное состояние общества с позиции поколенческого конфликта, когда взгляды «отцов» и «детей» на текущую ситуацию и предстоящее будущее сильно расходятся: с этой точки зрения «молодежь» стоит за «перемены», «взрослые» — за status quo. Это довольно устойчивая умственная парадигма безусловно имеет свои основания. Не предвзято окончательных выводов, попробуем коснуться этих оснований с целью понять, что здесь соответствует реальности, а что представляет собой, скорее, «идейный» фантом. Но законы жанра требуют начинать с начала, начинать с терминов. Это тем более важно, что на этом пути нас поджидает, так сказать, эпистемологический сюрприз: оказывается, что исторически первоначальный смысл выражения «поколение» был принципиально другим, чем сегодня.

Этимология не спасает от коварства терминов

Во всех этимологических словарях слово «поколение» означает в целом одно и то же. Смысл этого выражения идет от существительного «колено» в значении «род, племя». Иначе говоря, язык сам артикулирует главное генетическое содержание этого термина — «родственники одной степени родства по отношению к общему предку, люди одного колена». В традиционном социуме «родственность» может пониматься, действительно, буквально. Но в обществе современного типа «родственность» можно трактовать как некая «общность», которая, конечно, не предполагает биологически «общего предка». Речь может идти о «родстве», организованном параметрами другого порядка — ОБЩНОСТЬЮ возраста, жизненного опыта, присутствием в ОБЩЕМ «историческом времени» (эпохе), СОВПАДЕНИЕМ «жизненных миров», ТОЖДЕСТВОМ языка, на котором описывается среда обитания данной когорты людей, ЕДИНСТВОМ самосознания и т. д., и т. д. Эта социальная атрибутика поколения, действительно, может быть дополнена множеством других характеристик. Так что доминанта, формирующая «социальную физиономию» того или иного поколения, действительно бывает самой разнообразной. Значимым может быть религиозный фактор — как, напр. вслучае с отцами-пилигримами, не согласными англиканской церковью и переселившиеся в XVII веке в Северную Америку (В наши дни десятки миллионов жителей США имеют хотя бы одного предка из числа отцов-пилигримов). Столь же сильной доминантой, формирующей поколенческую общность, выступает и система политических представлений людей. Отдельный и набирающий силу фактор, интегрирующий индивидов в поколенческие «когорты», — это современный класс технических средств и, в первую очередь, ИТ. Огромная армия «аййтишников», которых сегодня не спутаешь с представителями традиционных профессий, поневоле заставляет думать о превратностях и надеждах современного общества, открытого навстречу «техно-цифровому детерминизму».

Одним словом, у феномена «поколение» — и этимология это подтверждает — сущностная характеристика состоит в референции, отсылке к «общности», «общему корню» чего бы эта «общность» и «типичность» ни касались, будь то сфера труда и профессий, сфера политических предпочтений, или сфера моды, языка, культуры и даже анти-культуры.

Но понимание «поколения» в аспекте указанной референции к «общности» для социума современного типа является едва ли

методологически значимым и социально продуктивным. Квинт-эссенция феномена «поколение» для нетрадиционного общества лежит в таком неизбежном и полном двигательной энергии факте «поколенческого разлома», и не всегда очевидной, но всегда коварной диалектике «отцов и детей». Уже автора романа «Отцы и дети» это обстоятельство ставило в тупик. Достаточно напомнить эпиграф к книге, который И. Тургенев в окончательном варианте текста, однако, снял: «Отцы — содержание без силы, дети — сила без содержания».

«Молодое поколение» как социальный факт

Можно принять за точку отсчета: сюжет под названием «отцы и дети, обследован довольно давно и достаточно заинтересованно. Тема в художественной литературе присутствовала задолго до знаменитого романа И. Тургенева, а в истории социальной мысли признаки этой проблематики наблюдаются чуть ли не с античности. Тем не менее, в полном объёме драматизм и «борьба противоположностей» «отцов» и «детей» обнаруживают себя где-то с эпохи «Просвещения», когда эпоха становится «современностью», а социум — «современным» (историки, как известно, предпочитают пользоваться термином «Новое/Новейшее время»). С этого исторического момента общество как бы живёт интенцией «современности», то есть, в конечном счете, «выходом» на зрелые формы демократии, экономики, государства, институтов гражданского общества, и «сущностные» (онтологические) ожидания общества связывают именно с «детьми» понимание и реализацию такой перспективы.

По сути дела, памятуя об онтологическом подходе к сущности «молодого поколения», уже можно конкретизировать этот подход так: насколько «молодежь» как социальный субъект выполняет свою «миссию», свое «предназначение», так сказать, монопольно? Или она в это плане ничем не оригинальнее, чем «отцы» и даже хуже — она легко оказывается в роли не субъекта, а объекта («жертвы») «несовременных» обстоятельств?

Кроме того, едва ли нужно делать принятую оговорку. В обществе «досовременного» типа» проблемы «отцов и детей» в означенном смысле не существует: молодые люди социализируются в культуре старшего поколения и живут по заветам предком в неальтернативном «традиционном социуме». Интересно в этой связи, например, отметить, что даже социализм, который строился в СССР, только на первый взгляд, не подпадает под категорию «традиционного общества». Казалось

бы, при советском социализме до отчаяния сильно был представлен «инновационный» мотив. Но — прежде всего и если не исключительно — этот мотив относился к технологической и научной областям. Экономической сферы это касалось в меньшей степени, а изменения в политической жизни и вообще были под полным запретом. Поэтому в целом официальная «поколенческая» политика декларировалась в духе известного лозунга — «молодежь продолжает традиции своих отцов и дедов». В общем, доктринально и на практике гражданская и политическая социализация молодежи строилась по лекалам чисто «традиционного сообщества».

Итак, если императив «современности» действует с неотвратимостью исторической необходимости, то вопрос в терминах «поколенческой» парадигмы формулируется сам собой: насколько «молодое поколение» как демографический и социальный фактор является самодостаточным и эксклюзивным основанием для вступления в эту «современность»?

Есть хрестоматийно известное выражение и оценка того, что представляют собой молодежь и её социальный потенциал. Речь идет о высказывании графа де Габино, датированное 1843 годом: ««Молодые — одна из величайших опасностей, какие угрожают нашей цивилизации ... Единственная политика, которую надлежит к ним применять, — это политика террора» (цит. по: Дольто 1997: 162). Этот пассаж, выдержанный в духе абсолютной неполиткорректности, отражает ту точку зрения, что «дети» в отличие от «отцов» могут выступать заметным и даже опасным игроком в жизнеустройстве общества. Если у консерватора и фактически реакционера графа де Габино мы отмечаем скандально-криминальный рецепт против «молодежи», то всегда найдутся, с другой стороны, и варианты использования «молодежного фактора» в интересах тех или иных политических групп и деятелей. В последнем случае богатая на подобные примеры история XX столетия полна драматических иллюстраций. Это и отчаянная ставка на молодежь как на «барометр революции» Льва Троцкого в середине 1920-х годов в России, и авантюрная «культурная революция» хунвейбинов в Китае (1966–1967), и «красные кхмеры» в Кампучии (конец 1970-х), и «Красные бригады» в Италии (1970–1980-ые) и проч. эксцессы «революции студентов» в Европе и Америке.

Новейшая история знает не мало примеров, когда молодежь принимала участие не только и не столько в экстремистских и леворадикальных движениях, но и в достаточно осмысленной борьбе за демократию и правовое государство в странах Восточной Европы

в период окончания холодной войны. Как бы ни оценивать характер «цветных революций» в мире, однозначно можно сказать, что их основной контингент — это молодежь.

Эти и подобные факты не могут не производить на наблюдателей впечатление, будто бы феномен «отцы и дети» означает, так называемый, «поколенческий разлом», в котором молодые люди выступают не только инициаторами этого «разлома», но и представляют собой постоянное и самостоятельное образование, которое не нуждается ни в каком обосновании и причинности, то есть, являются, выражаясь на философском наречии, «причиной самого себя» (*causa sui*). Если допустить, что это так, то вполне понятно, откуда берется у многих наблюдателей и исследователей склонность объяснять «поколением детей» как таковым самый механизм инновационной и творческой эволюции всякого социума.

Когда «поколение» становится маркером исторической динамики социума

По причине широкой известности можно было бы не упоминать здесь икону американской культурной антропологии М. Мид. В своей классификации внутripоколенческих отношений (по такому критерию как, «кто у кого учится своему будущему») она выделяет не только случай «традиционного общества», когда передача знаний идет почти исключительно от взрослых к детям (в мидовской классификации это «постфигуративное общество»), но и тот вариант, который отвечает природе «современного общества», где убедительно присутствует передача знаний от детей к взрослым (в редакции, предложенной М. Мид, это — кейс «префигуративного общества»). Сегодня у многих есть желание и даже вполне обоснованное поспорить с подобной хрестоматией в истории культурной антропологии. Здесь же лишь подчеркнем, что пафос и интерес М. Мид тоже сводится к идентификации «молодости» как источника, ответственного за «дизайн современности» человеческого общества. (В скобках только заметим, что М. Мид была настолько увлечена своей собственной идеей, что чуть ли неумышленно приписала традиционному укладу жизни племен Самоа (1920-е) либерально-современные черты сексуального поведения тамошней молодежи. К слову сказать, это «осовременивание» традиционных институтов сделало М. Мид непререкаемым авторитетом среди молодых борцов за «сексуальной революции» в 1960-ые годы и за «гендерное равенство» на рубеже XXI столетия)

Проф. Теодор Шанин в своей статье «История поколений и поколенческая история» полагает, что вполне возможным и убедительным способом понять историю обновления, в частности, российского общества, именно через «смену поколенческих серий» (Шанин 2005: 9), проще говоря, через смену поколений. Вслед за Ортегой-и-Гассетом он исходит из того, что «поколение и общность осознания им действительности выступают поэтому как важнейшие категории исторического процесса и общества как такового» (Шанин 2005: 25). Доверие к понятию «поколение» настолько прочно, что автор готов озадачить читателя вопросом: почему это понятие («поколение»), будучи «широко распространенной категорией языка повседневности, беллетристики и СМИ [...] менее популярно в науке?» (Шанин 2005: 19). Как бы исправляя эту ситуацию многие авторы, включая и нашего автора, готовы признать, что всякое (другое) поколение наглядно демонстрирует наблюдателю как собственно через категорию «поколение» «важнейшие элементы «цивилизации», механизмы репродукции культуры [...] возможности их трансформации» манифестируют себя не сами по себе, не абстрактными «институтами-учреждениями-структурами», а именно «на уровне индивидуумов» (Шанин 2005: 27), на уровне индивидуальных биографий, на уровне «человеческого материала». Надо согласиться, что любая современная социальная теория ищет «задающее начало» не только в анонимных, объективных структурах, но в мышлении и действиях живых людей. Этой артикуляцией отличается, например, «активистская школа» П. Бурдьё. Симптоматично прозвучал опять же ответ (если не упрёк), одного французского студента антропологу-структуралисту Леви-Строссу в памятные майские дни 1968 г.: «Структуры не выходят на улицы!». Одним словом, попытка увидеть в «поколении» то человеческое «агентство», через которое «работает» История и Современность, — такая попытка будет оставаться постоянным соблазном для социолога и историка.

Если исходить из «поколения» как самодостаточной сущности...

В этой части обзора, не рискуя исказить новейший интерес к обсуждаемой категории «поколение», можно подтвердить, что этот пробудившийся интерес к феномену «поколение» и гносеологически, и онтологически более, чем значим. Вопрос только один. Не перегружаем ли мы в нашем исследовательском энтузиазме всё ту же категорию «поколение» теми объяснительными возможностями, на которые она

едва ли может претендовать? И, наоборот, не упускаем ли мы из виду сущность «поколения», которая может оказаться лежащей «этажом ниже» или просто во «внешнем контексте»? — Ответы (или попытка ответить) на эти вопросы впереди, а пока посмотрим, что говорит социологическая и художественная мысль о феномене «поколение» как самодостаточным фактором, отвечающим чуть ли не за весь социальный портрет общества в период существования того или иного поколения. С этой целью вернемся к замыслу проф. Т. Шанина рассмотреть историю социума через «смену поколений».

Здесь уважаемый автор готов даже опереться на некоторую закономерность, которую можно отметить в «цивилизационных» изменениях «от отцов к детям», наблюдаемых в обществе. В качестве примера Т. Шанин приводит рассуждения Ибн Халдуна (XIV в.) о том, как работает «поколенческая причинность» на Востоке. Конкретно, речь идет о династиях бедуинов, их переходу с воинственного на оседлый образ жизни в завоеванных городах, далее к материальному обогащению и неизбежной утрате воинского духа и последующим завоеванием их новыми пустынными племенами. (Шанин 2005: 20).

Это старая история. Успехи нового поколения могут оборачиваться не приобретением, а потерей в целом. Лукрециевское «Нынче к упадку идут времена» начало звучать чуть ли не с первых дней человеческой цивилизации.

«Динамика будденброков»

Древний Китай и Античность знала проблемы, возникающие внутри поколения между его молодыми и взрослыми «когортами». Достаточно вспомнить, например, даосскую легенду о «механическом сердце», рассказанную Чжуан-цзы (IV в. до н. э.). Пафос этой притчи состоит в убеждении, что «новое поколение», делающее приоритетную ставку на «облегчающий» эффект от применения всякого рода «механизмов», в своей жизнедеятельности, довольно быстро обнаруживает коварство этого «облегчения» — сердце человека становится «механическим».

В Новое время стали отмечать эту «негативную динамику» на примерах «фамильных» (семейных) историй. Причем, если в эпоху Просвещения семейно-поколенческая динамика видится еще как-то через оптику разума и надежды, то в дальнейшем настроение меняется чуть ли не на прямопротивоположное. По одной из версий, третьему американскому президенту Т. Джефферсону (1743 — 1826 гг.) принадлежат слова о том, что история семьи — это о том, что отец становится

воином, чтобы его сын мог стать фермером, а сын его сына — поэтом. Однако уже с конца XIX столетия область «прекрасного и поэтического» как характеристика общества воспринимается едва ли не как синоним декаданса и деградации. А значит, смена профессионального статуса в такой поколенческой эволюции — это ни что иное, как «дорога в никуда». Любимая и настойчивая идея Шпенглера, Ницше др. авторов этого направления — это уже знакомая утрата мотивационной жизнестойкости в обществе по мере роста его цивилизационной утонченности. «Закат Европы» (О. Шпенглер), «Европе угрожает «нового буддизма»» (Ф. Ницше). Вот модные и характерные прогнозы и понимание «судьбы человека» в этот период.

Наиболее характерно этот драматизм «зрелой» цивилизации зафиксирован философским и художественным сознанием на примерах «семейных хроник», включающих в себя историю нескольких поколений. После выхода романа Т. Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) появилось устойчивое выражение «динамика Будденброков», которое как раз и описывает поколенческую деградацию, когда-то могущественного семейства. Отец-основатель Иоганн Будденброк сделал карьеру на поставках зерна прусской армии. Ганно Будденброк — последний представитель рода, хрупкий и болезненный юноша, влюблённый в музыку и одержимый тягой к искусству. В русском литературном творчестве есть аналог «динамики Будденброков». Это романы М. Горького «Фома Гордеев» и, прежде всего, «Дело Артамовых». Вспоминая свои встречи с Л. Н. Толстым в Крыму в конце 1901 — начале 1902 годов в очерке «Лев Толстой», Горький писал: «Я рассказал ему историю трех поколений знакомой мне купеческой семьи, — историю, где закон вырождения действовал особенно безжалостно; тогда он стал возбужденно дергать меня за рукав, уговаривая: — Вот это — правда!» (Горький). В другой работе, «Беседах о ремесле», (1930) Горький рассказывает о потере интереса к жизни и настоящей эпидемии самоубийств отпрысков из крупнейших купеческих семей («железных людей») в Нижнем Новгороде и в Казане.

Какое социологическое резюме напрашивается после воспроизведенных здесь вариантов поколенческого видения истории накануне XX века? В любом из них — особенно ницшеанско-шпенглеровском — много правды, как много правды (но не всей) в «законе возрастания энтропии». Но как «закон возрастания энтропии» не действует в «открытых системах», так и упадок цивилизаций до варварского саморазрушения в «открытом» пространстве социума и истории не может быть абсолютизирован, то есть, такой концепт не может быть

адекватным описанием. В этом смысле интересно отметить визионерство поколенческой драмы, как мы его наблюдаем у Александра Блока. Поэт смотрит на коллизию «отцов» и «детей» совсем по-другому. Это видение, хотя и контрастно шпенглеровскому пессимизму, но в то же время и не благостно. Казалось бы, контрастом мог бы быть некий, как сейчас говорят, «позитив», который был бы как-то реабилитировать декадентские сюрпризы цивилизации. Ничего подобного. А. Блок говорит в первую очередь о трагедии «отцов» перед лицом «отпрысков». Поэт берет за исходный пункт знаменитый ибсеневский приговор, выносимый «юностью» старшему поколению: «Юность — это возмездие». О. Шпенглер считал, что мир-цивилизация деградирует каждые 30 — 40 лет. Столько времени требуется молодому поколению, чтобы беспечно забыть ужасы и варварство, которые сопровождали участие нации в очередной «войне народов». У русского поэта иной вектор диалектики поколений. А. Блок, не будучи сторонником плоской «теории прогресса» видит не только трагедию дворянского поколения (с его «культурой сантиментов», но и — в первую очередь — шанс, когда «последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо истории, которым движется история человечества ... Путем катастроф и падений [в России] постепенно освобождаются от русско-дворянского education sentimentale» «уголь превращается в алмаз», Россия — в новую Америку; в новую, а не старую Америку» (Блок). Одним словом, символизм А. Блока ближе к гетевскому реализму: «возмездие» — это не чистое злорадство одних над другими. Оно есть формула, начертанная мефистофелевским подчерком: «творю добро, всему желая зла». И тут мы ближе к истине, чем в случае с шпенглеровским фатализмом.

Первые редакции «поколенческого подхода» к социальной истории всегда производили заметное впечатление. Но для социологов всегда оставался открытым вопрос: насколько «поколение» обладает субъектностью и способностью быть агентом воздействия на окружающую социальную среду. Например, О. Шпенглер, объясняя упадок новейшей европейской цивилизации «фамильной деградацией» элиты, похоже, явно преувеличил детерминистский потенциал поколенческого фактора. Об этом свидетельствует и сам шпенглеровский прогноз «заката Европы к 2000 году». Случилось обратное: Европа стала к прогнозируемой дате «крушения» такой конструкцией, которая сама формирует поколения современников с заметным универсализмом экономических, правовых и политических стандартов. Поэтому если кто и возьмется сегодня предсказывать «закат» современной цивилизации на основе «поколенческой

инволюции», то разве что ценой потери своей научной репутации. (Да и вообще сокрушительные прогнозы о полной потере социального иммунитета у современной цивилизации и её неизбежной катастрофе и деградации (напр., в книге Р. Вакка «Приближающее Средневековье», 1973, где, прогнозировался к периоду между 1985 и 1995 гг. полный коллапс промышленности и гибель 450 млн жителей. Или, как у С. Хантингтона — высокая вероятность Третий мировой войны между исламским Востоком и христианским Западом. — Все эти прогнозы оставляют сегодня впечатление прямолинейности, если не курьеза).

Тем не менее попытки понимать «поколение» как некую самостоятельную целостность, которая может так или иначе формировать портрет данного исторического этапа того или иного общества, — такие попытки мы наблюдаем. Сегодня наиболее характерный пример — лонгитюдный проект двух американских авторов В. Штрауса и Н. Хоува, посвященный феномену «поколение» в истории и не только американской.

Поколения с анонимной аббревиатурой — Икс, Игрек, Зет, Альфа etc.

За последние три десятилетия оба исследователя выпустили с десятком книг на данную тему. Авторы начинают с совсем не очевидного, но вполне совпадающего с их логикой тезиса: «если рассматривать поколение как социальную общность, мы увидим, что оно, по крайней мере, столь же могущественно (а мы считаем, что и более могущественно), как экономические и социальные классы, расы, пол, религия и политические партии» (Штраус, Хоув). Сравнивая «поколение» по силе могущества с экономическими и социальными классами, В. Штраус и Н. Хоув, можно сказать, претендуют на концепцию «поколенческого детерминизма». В этом смысле история развития общества трактуется ими не как «эволюция» (буквально «развертывание»), «разворачивание» всех социальных возможностей социума в творческой неопределенности и непредсказуемости своей диахронии, а скорее как циклическое повторение «поколенческих биографий», как повторение, напоминающее картину, «беличьего колеса жизни», как говорят в таких случаях.

О концепции В. Штрауса и Н. Хоува уже много написано, поэтому достаточно напомнить главное. По мнению авторов, полный поколенческий цикл составляет 80 — 90 лет. За этот цикл на свет появляются четыре поколения. И каждое их этих 4-х поколений внутри цикла переживает 4-е сменяющих друг друга «состояния» — подъем, пробуждение,

спад и кризис. Авторы задокументировали на американском материале, что начиная с конца 16 века, это колесо-цикл катится по стране, воспроизводя внутри себя указанную смену «состояний».

Думается, однако, что подход к «циклическому» существованию поколений как фактору и источнику циклов в самой социальной реальности не совсем в ладу причинно-следственной зависимостью. И это даже при том, что причина и следствие часто диалектически могут меняться местами. Конечно, Поколение, творит Эпоху, но горе тому Поколению, которое сопротивляется духу и смыслу Эпохи.

Но дело даже не в том, что «профиль» поколения детерминируется задачами и характером будущего, которое бросает вызов социуму на любом данном его этапе. Если поколение называется «потерянным» или «молчаливым», то это значит, что эта генерация является не столько субъектом и творцом, сколько объектом и жертвой обстоятельств. И собственно поколение «начинается» в этом случае только с момента появления в нем представителей, олицетворяющих «фермент» сопротивления и борьбы с этими «обстоятельствами».

Удручающий момент во многих современных «поколенческих концепциях» состоит в том, что в них по-настоящему не отрефлексирован в «человеческих» терминах характер того вызова, который формирует *modus vivendi* и *modus operandi* поколения, рожденного в атмосфере этого вызова. Ведь одно дело, когда молодежь вступает в жизнь в обстановке кризиса или катастрофы, необходимость и формы борьбы с которыми очевидны или почти очевидны. Такова, например, жизнь в условиях жестокой диктатуры или экологической трагедии. И совсем другое дело, когда мы имеем дело с вызовом, который скорее и не воспринимается как нечто «ужасное» и несовместимое с «природой» человека. Понятно, что речь идет о той «мягкой» (soft) силе, которая сегодня представлена «цифровой технологией». Биотехнологии и соцсети — вот два входа в мир «постчеловеческой» реальности, где «искусственное» вытесняет «естественное». Вступать в этот мир есть род искушения, стоящего перед чередой новых поколений. Здесь нужен свой *vade mecum*, свой проводник-спутник, который прокладывает маршрут под знаком различия между «достаточным» и «необязательным», под знаком вольтеровского императива: «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!» В историю входят те поколения, которые ориентируют социум как бы «из будущего».

Сегодня же социологи для обозначения современных и обозримых поколений придерживаются в основном анонимной классификации. Используются буквы латинского и греческого алфавита — «поколение:

X, Y, Z, Alfa, Beta, Gama». Предметные и качественные названия — «Потерянное», «Великое», «Молчаливое» и проч. поколения — теперь уже в прошлом. В этих именах еще звучат намёки на субъектность и оценку именуемых генераций. Поколения же с латинской и греческой «нумерологией» находятся в пространстве и времени «техно-информационного триумфа» как естественной среде обитания. Картина же «социальных» и «экзистенциальных качеств» этих поколений оставляет довольно противоречивое впечатление. Например, о поколении X (рожденные в 1965–1980) говорят как о «пофигистах», «сочетающих иронию по отношению к обществу с беспомощностью перед его лицом, неприятие никаких ценностей — с полным отсутствием установки на протест» (Кормильцев).

«Компьютерная фамильярность на фоне атрофированных «социальных качеств»

Онтологический подход, как уже говорилось, предполагает подход к явлению на этапе его полного развития-расцвета. «Цифровая цивилизация» еще далека от этого успеха, поскольку ее развитие сопровождается заметным эрозией тех «социальных» и «человеческих» качеств, которую (эрозию) цивилизация не должна предполагать. Этот факт не ускользает уже от многих наблюдателей. Ниже приведены (собранные на щедрых просторах Интернета) оценки «обратной стороны», если можно так выразиться, «цифровой социализации» последних компьютерных поколений. Эти наблюдения и оценки имеют, понятно, значение «feedback» для поэтапной корректировки нашего путешествия в «сетевое» и «цифровое» будущее.

«Поколение Y» (1981 — 1996). «Склонны оттягивать переход во взрослую жизнь на более длительный срок»; «Это первое поколение, у которых нет героев, но есть кумиры»; Культ «самовыражения», «выделиться» на фоне остальных как самоцель, «Быть не как все»; «Блезненная забота о своей частной жизни»; «Фокус решения проблем смещен в личное пространство даже тогда, когда, когда осознается их глобальная природа»; «Игреки хотят получить от жизни максимум удовольствия»; «Представители поколения Y не умеют думать на большую перспективу».

«Поколение Z» (1997 — 2012). Китайцы нашли своему аналогу поколения Z своё название — «клубничное поколение». Дети этой генерации «легко мнут» под первой тяжестью социального давления или тяжелых жизненной ситуации, если таковая случается.

Болезненное отношение к критике. Выгорание — при первой же неудаче теряют интерес, разочаровываются. Неумение общаться — потребность в реальных и непосредственных контактах не такая острая, как у предыдущих поколений.

«Поколение Альфа»(начало 2010-х — середина 2020-х):

«Предыдущие поколения давно привыкли к законам виртуального мира ... Альфа пойдут еще дальше — сотрут границу между жизнью и виртуальной вселенной окончательно. Выражение «Перестань сидеть в интернете» теряет смысл — невозможно отказаться от части своей идентичности».

Слабые стороны: 1) Виртуальная реальность грозит стать тюрьмой, за пределами которой обнаружится реальный жестокий мир. Будут ощущать скуку и тревожность без привычного смартфона»; 2) Жизненные ситуации перестанут быть источником опыта. Будут с легкостью менять друзей, избегая привязанности; 3) Сокращение реальных контактов с людьми приводит к эмоциональной бедности.

«Поколение Бета» (рожденные после 2020-х). О нем говорят, прежде всего, что это — первое «искусственное поколение», то есть, каждый из его представителей уже не жил в докомпьютерную эпоху. Факторы, формирующие поведенческие привычки, лежат собственно в «искусственной», «цифровой» среде, если не считать доживающих свой недолгий срок дожития «докомпьютерных аборигенов». «Специалисты» из числа тех же «цифрацентристов» практически ничего не говорят о социальных и экзистенциальных характеристиках этого поколения, сосредоточив свои прогнозы на новейших параметрах симбиоза «человек — машина». Ссылаются, например, на программы интерфейса M2 H (Machine to Human). Как результат, приходят к выводу, что виртуальная реальность будет существовать не параллельно с реальной жизнью, не различимо с ней. «Это и будет реальной жизнью в прямом смысле этого слова [...] Generation B переопределит человеческую идентичность» (Жиганов).

Конечно, не подвергая сомнению, роль «искусственных средств» в жизни людей (будь то хрестоматийные «орудия труда» или компьютерные «нейросети»), можно постулировать как аксиому: человеческое Я нередуцируемо до статуса «искусственного» образования, оно по мере той же биороботизации просто в качестве *ultima veritas*, высшей реальности, отодвигается на более достойное место. Не отождествление, а отделение «искусственного» от «естественного» также безусловно, как скажем, «разделение властей» в сфере политики. Что же касается модного постмодернистского воззвания к «переопределению», как мы

это недавно наблюдали в истории с «гендерным переопределением», то алогичность последнего очевидна, кажется, и самим инициаторам, радикальным феминисткам. Сегодняшний «трансгуманизм» делает ту же онтологическую ошибку.

Это в принципе. Пока же по поводу даже еще не полностью «отцифрованных поколений» исследователи ставят диагноз, после которого неминуемо возникает вопрос, а что делать с подобными последствиями «цифровизации». В качестве иллюстрации сошлемся на работу Дж. Твенге «Поколение обладателей айфонов». Книга имеет говорящий подзаголовок «Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало менее требовательным и еще менее счастливым — и абсолютно не готово к взрослой жизни и что это значит для всех остальных?» (Твенге 2021).

Автор говорит о состоянии подростков, не расстающихся с iPhone'ом 24 часа в сутки. Об очевидном даже не стоит много повторяться. Они спят меньше 7 часов при необходимости 9-часового сна. Они не общаются голосом, а быстро набирают друг другу «тексты». Живая речь, предполагающая и тренирующая достаточно заметный диапазон чувств и мыслей, заменяется с позволения сказать сиюминутным «письмом» в пределах «закрытого» опыта подростков-сверстников. Оторвавшись от «мира взрослых», они упоены легкостью такого общения, очень дорожат своей «сетевой» песочницей и болезненно реагируют на нарушение внешних границ. Вместе с тем, вступая в «мгновенное» сообщество, они открывают «ящик пандоры»: подростки, предоставленные сами себе совсем не обязательно «реконструируют» цивилизационные отношения. В мрачной утопии У. Голдинга «Повелитель мух» описан мир «без взрослых». В «цифровой» повседневности этот «мир» девиантен по-своему: из мести выкладывают доверительную видео-информацию, распространяют «компромат» на выбранную жертву и преследуют ее, часто доводя, подростка до суицида и т. д. Если такое «поколение обладателей айфонов» становится отцами детей, погружающихся «искусственный» и «герметичный» мир «цифры», то на извечный вопрос «Quovadis?», можно с известной ностальгией сказать, что движущего конфликта по имени «отцы и дети» больше не существует: по принципу — «что отцы, что дети». И это не тот случай социальной стабильности общества, который мы связываем с исчерпанием конфликтов. Сама Дж. Тенге на неизбежный вопрос «что делать?» дает ответ, на который напрашивается законный вопрос: «а как это сделать, чтобы не испортить и без того критическую ситуацию». Рецепт от автора книги «Поколение обладателей айфонов»: «Советов

всего два — самоограничение и понимание происходящего». В общем, приходится солидаризироваться с этим выводом, если только «самоограничение» не ассоциируется с некоей практикой «неолуддизма», а, напротив, иметь в виду, что «самоограничение» есть отличительный признак цивилизации (Элиас 2001).

Даже беглый обзор «поколенческой» темы в работах ряда современных авторов, сориентированных на «цифровой детерминизм» показывает, что эти авторы просто покидают тему сущности всякого нового поколения, которая с онтологической точки зрения, раскрывается именно в конфликте и противостоянии «отцов» и «детей». Другими словами, эти авторы рассматривают теперешние поколения с анонимной буквенной нумерацией «X, Y, Z, Alfa и т. д.» совсем не в плане их субъектности и ориентированности на «злобу дня», а скорее, как «исполнительные органы» большой машинной цивилизации, выстроенной на «цифровой платформе» промышленной революции 5.0. Единственный аспект «субъектности» этих «оцифрованных» поколений состоит, так сказать, в «сопротивлении человеческого материала», в ряде тревожных несовместимостей и последствий, которые описывают некоторые спохватившиеся исследователи, как, например, Дж. Твенге, книгу которой один рецензент назвал «черным зеркалом современного общества».

Поколение и общество: кто кого детерминирует?

Теперь, когда мы, так или иначе, зафиксировали, что в последнее время исследования поколенческого феномена сконцентрировались в основном, если не исключительно, на том выводе, что цифровая технология не оставила выбора и переинформативировала «социальный профиль» современных поколений (поколение Y, Z, Alfa и проч.), вернемся к той части нашего обзора, когда вопрос ставился, можно сказать, в противоположной плоскости. Иначе говоря, насколько, поколение в своей «субъектной» потенции может само формировать характер общества на том или ином этапе его развития и быть маркером, эмблемой и т. д. общественной эпохи (идея проф. Т. Шанина)? Попробуем подойти к ответу на данный вопрос с позиций онтологических принципов, то есть, в нашем случае всё время имея в виду, а в чем смысл и сущность поколений, представленных в дилемме «отцы и дети» — другими словами, в чем состоит не столько наблюдаемая реальность-фактичность «поколения» («отцов» ли, «детей» ли), сколько их настоящая «подлинность», «призвание», «функция» и т. д.

Объяснять Историю и Современность «поколенческой причинностью» имело бы смысл только в одном случае, если бы мы увидели в работе американских и других авторов указание или доказательства, что «поколение» как субъект «угадывает» в чем состоит повестка дня современного ему общества и участвует в её реализации. Говорить же о том, что характер поколения («обманутое», «безмолвное», «потерянное», «декадентствующее», «прагматическое» и т. д. или, наоборот, «героическое», «протестующее», «романтическое», «контркультурное» и проч. дает не только название соответствующим эпохам, а еще и формирует их сущность, — говорить так значит сильно преувеличивать детерминистский потенциал феномена «поколение».

Поколение — это, в первую очередь, образ мыслей и характер поведения людей, принадлежащих к данной генерации. И этому «образу мыслей» и этому «характеру поведения» не избежать диктата «внешних условий» и «среды обитания». Поэтому ряд авторов, пишущих сегодня о таком выпуклом и ярком феномене, как «поколение», закономерно сомневаются в «самодостаточной» природе той или иной «генерации». Каждое поколение — дитя своего времени и отражение его. К этому ходу мысли следует добавить, что в этом и есть «механизм обеспечения» общества именно «своим», так сказать, «обслуживающим» поколением. И, как уже было сказано ранее, в каком-то смысле, продуктивнее подойти к поколению, поискав его сущность не в произвольной и даже фантастической «самостоятельности», а в реалиях и нуждах современного данному поколению социума.

Вот почему возникают и законные вопросы: не поторопились ли социологи, придав категории «(новое) поколение» явно широкие объяснительные полномочия? Не важнее ли опираться на те объективные условия, которые сами «заказывают» повестку дня вступающего в жизнь поколения. «Понятие «поколение», — пишет один автор, — безусловно занимает свое место в логическом инструментарии, с помощью которого анализируется процесс общественного развития. Однако оно не сопоставимо с такими логическими категориями, как стадия исторического развития, общественная формация, цивилизация, экономический базис общества, государство, сословия, классы и прочие категории, выражающие движение человеческой истории от первобытности к современному миру. Демографическая же картина любого общества, соотношение в нем разных возрастных слоев и их роль в общественном развитии определяются его экономическим и социальным состоянием в каждое время». (Данилов 2005: 101). Если же вспомнить, какими видят масштабы влияния «поколенческого фактора» его сторонники — оно «столь

же могущественно (а мы считаем, что и более могущественно), как экономические и социальные классы, расы, пол, религия и политические партии» (Штраус, Хоув), — то, похоже, мы имеем случай употребления термина «поколение» в его явно неподлинном значении.

Здесь самое время вспомнить замысел проф. Т. Шанина, предложившего попробовать понять историю обновления, в частности, российского общества через «смену поколенческих серий», проще говоря, через смену поколений. По-видимому, не случайно другой проф., Ю. Левада, не готов был пойти так далеко, чтобы связывать с «поколенческим подходом» большой объяснительный успех (Левада 2005: 235). Более того, Ю. Левада такие конструкции, как «поколение», претендующие на большой эпистемологический эффект, назвал «фантомными категориями». «Само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения «фамильной» преемственности, приводит к ряду мнимых конструкций. Таковыми, например, являются «смена», «конфликт», «разрыв» поколений. «Временная» организованность общества [...] обеспечивается, прежде всего, системой его социальных институтов» (Левада 2005: 235). По этой же причине Ю. Левада с известным скепсисом относится к выводам уже упоминавшейся М. Мид: «По известной характеристике М. Мид современная цивилизация «проспективна», обращена к будущему, поэтому в ней старшие поколения ка бы учатся у младших. Последнее соображение, видимо, нуждается в определенных оговорках ... Дело не столько во взрослении сегодняшних молодых, а во «взрослении», формировании институциональной зрелости общества» (Левада 2005: 242). «Фактор всемогущества» молодости у М. Мид явно переоценен. Её дальнейшая профессиональная эволюция это подтверждает. Она с таким же энтузиазмом вышла за рамки разумной защиты и оценки требований радикального феминизма и однополых браков в Америке 1970-ые. В это же время появились критические голоса, обвинившие её в некорректной интерпретации поведения туземной молодежи, представленной в её первых работах

Сходные сомнения находим и у В. Ядова. Комментируя тезис в духе «молодежь — мотор социальных изменений», он пишет: «между тем, здесь остается немало вопросов для размышления» (Ядов 2005: 253).

Действительно, в молодежной среде мы можем наблюдать в добровольном исполнении и убедительных масштабах такой феномен, как конформизм, карьеризм, социальный индифферентизм и проч., что идет в разрез с утверждением о якобы «пионерской» и «дизайнерской» природе молодежи. «Молчалины блаженствуют на свете» (А.

Грибоедов); «Этот сорт народа тих//И бесформен, словно студень. // Очень многие из них// В наши дни выходят в люди» (В. Маяковский). Есть и прямые политические причины, парализующие гражданский «футуризм» молодого поколения. Как пишет, Ю. Левада, «Претензионно пошлые лозунги типа: «Молодежь — наше будущее!» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее — это то, что сделают с бывшими молодыми социальные институты и обстоятельства. И только в условиях развитого, социально «зрелого» общества подростковый или юношеский примитивизм (всё равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности» (Левада 2005: 242).

Всё это говорит, что «молодежный фактор» не работает с неизбежностью социального рефлекса и автоматизма. «Общество» может по-разному блокировать «протестантский дух» молодой генерации. В экономически развитых странах мы наблюдаем практику «соблазнения» и «включения» в доминирующую «систему» своих «непокорных детей». Так, в США на рубеже 1980-х на смену поколению бунтующих «хиппи» пришло поколение карьерных «яппи». В авторитарных режимах, например в КНДР, молодежь удерживают в рамках действующего порядка системой репрессивных мер.

Еще раз об онтологической модели «поколения»

Это, конечно, не значит, что нельзя спрашивать, а в чем состоит подлинная суть «поколение». Но в таком случае мы покидаем область восприятия всякого поколения как некой данности и фактичности и вступаем в область онтологического(сущностного) восприятия фактов (в нашем случае — «фактического» поколения). В онтологическом плане это означает, что сущность, миссия, природа «поколения» характеризуется способностью поколения рефлексировать по поводу «насущных проблем» социума, его «потребного будущего». Действительно, этот образ мыслей группы людей, составляющих «поколение», как правило, относится к будущему. Но не обязательно. К будущему можно и возвращаться. На этот счет существует совсем несофистическое выражение: есть такое прошлое, которое еще не наступило. Интенции «поколения» могут относиться, например, и к «удачному» опыту прошлого, от которого по разным причинам социум отклонился и отстал от «современности». Например, в России декабристы в своем

«проекте будущего» ориентировались, не в последнюю очередь, в том числе и на эпоху «древнерусского веча».

Одним словом, с «новым поколением», с «детьми», как они представлены в феномене «разлома поколений», всегда связывается «образ будущего», во всяком случае «образ того, чего сейчас нет». Как рождается подобное видение — это не простая задача, стоящая перед социологом, берущимся изучать призвание новой генерации.

Характеризуя природу/миссию «нового поколения» в терминах «будущего», мы фактически переходим на новый, онтологический язык, от которого социология, в значительной степени, отыкла, не успев к нему привыкнуть, когда сама онтология еще почетно присутствовала в корпусе высокого теоретизирования. Конечно, онтологические реликты общественной мысли мы еще находим в классической социологии политической науке. Например, такие концепты, как «солидарность» (М. Ковалевский, Э. Дюргейм), «семья», «гражданское общество» и «государство» (Гегель), «права человека» (политические декларации Нового времени) и проч. — представляют собой то, что называют «онтологическим минимумом», «реперными точками» и т. д. всякого «нормального» общества. Есть признаки того, что после «релятивистского» увлечения «плюрализмом нормы» начинает расти интерес к этому феномену «онтологического минимума». Вот пример, имеющий прямое отношение к нашей теме, к «межпоколенческим отношениям»: «Сохранение и даже возрастание эмоциональной направленности всех семейных контактов говорит о межпоколенческой интимности, понимаемой как симпатия, расположенность, признательность, практическая забота, эмоциональная привязанность и поддержка. Её растущая значимость, по-видимому, связана с тем, что она является практически неотчуждаемой функцией современной семьи, которую невозможно передать другим социальным институтам» (подчеркнуто нами. — А. Щ.) (Нечаева, Бурмыкина 2020: 19).

Детерминация «будущим»: онтологический смысл

«Кейс», когда образ мыслей поколения связан с «будущим», наиболее адекватно поддается объяснению именно в онтологических терминах. Как раз здесь «поколение» («дети») выступает в ипостаси субъекта, субъектности. Такое «поколение», так или иначе, таргетирует социум на «будущее». «Я хочу будущее сегодня», — скажет В. Маяковский. М. Ломоносов однажды выразился в том духе, что Петр I есть ничто иное, как весточка нам из «будущего». Интересно отметить, что отечественные

социологи, описывающие атрибутику российских поколений нескольких последних десятилетий, выделяют на фоне конформистских, традиционалистских, патерналистских и т. д. поколений такие генерации, «которые ориентированы на ожидания от будущего» (Семенова 2005: 96). При этом выясняется, что этим генерациям соответствуют и такие значимые качества, как высокая образованность, способность к рефлексии и значительный уровень самокритичности. Так что называть «нормой» (в духе «множественности норм») поколение «конформистов», «карьеристов», «терпил» и т. д., как говорится, не приходится.

Такое «футурологическое» целеполагание близко по духу к онтологическому подходу к «судьбе» всякой веномена. Когда Гегель говорит, что «вещи нет, когда она начинается», тем самым имеется в виду, что всё дело за «будущим»: сущность вещи раскрывается не в начале пути, а тогда, когда она достигает расцвета, своего «акмэ» (Здесь отправляем читателя за подробностями на «интеллектуальную кухню» М. Лифшица, которому и принадлежит приоритет в реабилитации «социальной онтологии» в рамках российской общественной мысли). Или что онтологически то же самое: «поколение», которое ориентирует своих современников держаться такого «потребного будущего» (если его нет «сегодня»), где вещи соответствуют (!) своей природе, своей норме, своему понятию. Эта формулу можно назвать своего рода «онтологическим предупреждением», посылаемое действительностью. Для социолога, берущегося за поколенческий сюжет, оно крайне ценно, поскольку ориентирует, с каким поколением он имеет дело — «жертвой» обстоятельств, объектом социализации и т. д. или субъектом, понимающим «повестку/злобу дня» для времени, в которой этому поколению выпало жить. В этой связи уместно повторить, что собственно феномен «поколение» раскрывает свое содержание только в социуме современного типа, в развивающемся обществе, когда появляется дилемма «отцы и дети» и когда динамика этого общества, по меткому выражению Айзенштада, идет «от поколения к поколению».

Похоже, однако, что большинство исследований по поколенческой тематике лежат, так сказать, в страдательном, а не в активном залоге. Иначе говоря, социологическая мысль работает в традиционной «детерминистской парадигме»: отвечает на вопрос, как и откуда у поколения появились те или иные черты, а не в том, в чём состоит интенция данной генерации.

Когда-то один немецкий классик, критикуя своих французских предшественников, выразился в том духе, что не представляет большого интеллектуального труда свести человеческое сознание к эмпирическим

детерминантам. С этой точки зрения, вопрос, по-настоящему научный и имеющий практическое значение, должен выглядеть по-другому: как сознание активно внедряется в жизнь, чтобы поддержать лучшее и недостающее в этой жизни, то есть содействовать социуму в том, что на языке онтологии называется, повторим еще раз, «соответствием своему понятию»? Эволюция социума во времени не есть «обрастание» любыми атрибутами и артефактами. В «историческом путешествии» общества есть своя логика и неизбежность: достраиваясь до своего «зрелого состояния» (экономика, политика, культура), общество достраивается до «равенства самому себе», до той устойчивости, для характеристики которой «истина/истинность», «разум/разумность», «добро/добродетель, «нравственность», «гуманизм» употребляются как «конъюнктивные» и «конвертируемые» друг в друга понятия, проще говоря, как синонимы.

Чтобы ни говорили, Ф. Фукуяма, говоря о «конце истории», был прав. Как до этого были правы, говоря на эту тему А. Кожев, К. Маркс, Г. Гегель и корифеи средневековой и античной мысли. Ф. Фукуяма просто переместил это «равное самому себе» и «самовоспроизводящее» общество слишком близко к «сегодня». У всякого поколения есть цели «ситуационные», но маячат и цели большого порядка — большие «дезидераты», «то, чего не хватает», то, что выстраивается по принципу «дополнительности до целого». Исторически человечество не изобрело ничего лучше, чем «метод проб и ошибок», поисковую технологию «итерации», когда попадаешь в искомую точку принципиально «не с первого раза».

В плане поколенческого сюжета фундаментальное значение имеет вопрос: всё-таки где «начинается» или, наоборот, «заканчивается» поколение? Не «начинается» ли оно с обретения статуса субъектности и роли агента действия? И соответственно, не «заканчивается» ли оно, когда ограничивает себя функцией «хорошо социализированной» общности и добровольной жертвы «текущих обстоятельств»?

Известно, что в самой социологии имеет место укоренившаяся традиция объяснять сознание и поведение людей их социальной средой обитания в самом широком смысле слова («идеологией века», господствующими экономическими, техническими, политическими «форматами», «модами» в социуме и т. д. Такой объяснительный подход к феномену «поколения» сегодня нельзя назвать удовлетворительным. Идет слишком быстрая смена факторов — особенно технологических, конкретно, информационных — чтобы безмятежно оставаться (социологам не в последнюю очередь) в состоянии «естественной», а не

«критической установки» по отношению к происходящему «прогрессу», который с легкой руки К. Ясперса был назван «парализующим триумфом средств над [человеческими] целями».

Вот почему принципиален социологический вопрос к самой социологии — сводима ли тема «поколения» к «позитивистской» фиксации «фактов» присутствия поколений, детерминированных всё теми же «внешними» силами и доминантами? Можно ли назвать «сциентистскую» классификацию/хронологию поколенческих воплощений, как мы это часто видим в концепциях «ПОКОЛЕНИЙ X, Y (миллениалы), Z, A (альфа), B (бета) и проч., — назвать последним словом в социологии?

Считается, например, что авторы этих концепций показали, что сегодняшние подростки и молодые взрослые пересматривают понятие молодости; на смену пессимизму и отчужденности их родителей приходят оптимизм и активная жизненная позиция, что поколение Миллениума предъявляет высокие требования к миру; его представители менее жестоки, вульгарны и сексуально озабочены, чем та подростковая культура, которую взрослые создают для них.

После предложенной характеристики «поколения Миллениум хочется спросить. А собственно кому мы обязаны такой метаморфозой? Собственно поколению «Миллениум», и тогда это аргумент в пользу субъектности этого поколения с его обещаниями описанного авторами будущего. Или «поколение» не так могущественно, чтобы выступать творящим, «пламенеющим» (М. Лифшиц) субъектом? Или мы обязаны этим другому фактору — тем новым экономическим и политическим (в общем материальным) условиям, которые возникли в логике указанного материального прогресса доброжелательным отражением, в лучшем случае, это поколение «Миллениум» (и далее по списку) и является? И тогда это слабый аргумент в пользу «Миллениума», а скорее повод задуматься о работе онтологических механизмов, о логике «(социального) бытия». И всё «благородство» и «достоинство» упомянутого поколения, состоит в том, что оно принимает (а не отвергает) эти новые условия существования как «судьбу», «дар» или «дезидерату» (того, чего не хватает) — кому как угодно. В связи с этим можно добавить, а точнее, повторить, что само поколение Millenium к «производству» собственного содержания, другими словами, к этим новым условиям существования прямого отношения не имеет. Их, как правило, закладывают, провоцируют, проектируют и т. д. предыдущее поколение.

Онтологический подход имеет то преимущество, что позволяет ответить на вопрос, обладает ли данное поколение многожды упомянутой

субъектностью, выступает как самодостаточный и активный субъект, или оно только испытывает, как объект, на себе воздействие разных детерминирующих факторов.

Видимо, не случайно ряд авторов заговорили о феномене поколения в подобном, новом, — онтологическом — ключе, заговорили в терминах «значимого поколения»

Что такое «значимое» поколение?

Прежде, чем отвечать на обозначенный в заголовке вопрос о том, что есть «значимое» поколение в отличие от (надо так полагать, «незначимого»), есть смысл обратить внимание на еще недавнюю социологическую моду. Дело в том, что на многих поколенческих концепциях лежит тень постмодернизма с его ведущим принципом «равнозначности» и «суверенности» множества социальных реальностей, в нашем случае «равнозначности» и «суверенности» всех поколений, так сказать, «плюрализма поколений» (См. вышеприведенный «список»: поколение «обманутое», «безмолвное», «потерянное», «декадентствующее», «прагматическое», «героическое», «протестующее», «романтическое», «контркультурное/хиппи», «яппи» и проч., проч.). В этом смысле делаемое многими серьезными исследователями акцентирование на поколениях «значимых», «задающих тон», «ключевых», «универсальных», «востребованных временем» или, как удачно выразился Ортега-и-Гассет, «олицетворяющих зрелость своей эпохи» в отличие от просто «присутствующих» (которых В. Шкловский называл «синхронистами», а легендарный Гераклит про которых говорил, что «присутствуя, они отсутствуют») и уж, тем более, в отличие от «отцов», застрявших «во времена очаковских и покоренья Крыма», — такой акцент как раз и подчеркивает появление и закрепление, повторим, именно «сущностного», а не «эпифеноминального» подхода к поколенческой реальности.

Еще один аргумент в пользу «значимого», а, не просто всякого «нового» поколения состоит в том, что «значимое поколение» — это не обязательно демографическая когорта, то есть, сообщество людей, например, рожденных в один период времени по календарю, скажем, в один год. «Значимое поколение», смотрящее на «сегодня» с высоты «нормального», «подлинного», «идеального» «завтра» всегда имеет своих сторнников-единомышленников среди людей другого возраста, другого «сословия» и т. д.. Например, «шестидесятники» — это не только, родившиеся в 1930-ые годы, но и раньше, много раньше. «В общественном плане не менее значимо и понятие «разновозрастное

поколение» [... когда] разновозрастные поколения сливались в единое общественное поколение» (Данилов 2005: 110). То же самое у Я. Басиной: «Знаменитое поколение «шестидесятников» в СССР, никогда не бывшее поколением, в возрастном смысле, так как к нему принадлежат люди разных возрастов, начавшие в шестидесятые «оттепельные годы» проявлять различного рода нетривиальную в условиях СССР социальную активность» (Басина 1994). Или, когда людей из разных социальных страт, объединяет общий «оппонент»: «кающиеся дворяне» рядом с поколением «разночинцев» и вообще всяческие «попутчики» в рядах «мейн-стримного» поколения. И если обобщить: феномен «разно-возрастности», — классовости, — религиозности, — этничности и проч.» в составе «значимого поколения» лишний раз показывает (доказывает), что по своему существу, с онтологической точки зрения, «поколение» начинается не «из настоящего», а «из востребованного будущего», потому что только «будущее» может объединить столь разные социальные общности, синхронизировать их действия.

«Значимое поколение» не обязательно значимо масштабом своего физического представительства. Значим их строй мысли, образ «потребного будущего» и соответственно критика «настоящего». Другими словами, значим, не «физический», а «ментальный» и «волевой» планы. Физически такое поколение может быть даже очень уязвимо. По сокрушительному признанию Ю. Тынянова: «На очень холодной площади в декабре месяце 1825 года перестали существовать люди двадцатых годов» (Цит. по: Отцы и дети 2005: 214). К теме уязвимости «мыслящего поколения» присоединяются такие социологи, как В. Ядов и Ю. Левада. В частности В. Ядов пишет: «Верно, что молодые поколения принимают на себя ответственность за судьбы своих стран и народов, но с поправкой — не во всех странах, а лишь в тех, в которых политико-социально-культурные условия допускают это, а социальные структуры разных стран различаются по их «разрешающим способностям» (формула М. Арчер), причем западноевропейские институциональные структуры обладают высокими, тогда как российские, напротив, невысокими разрешающими способностями. И еще — государственные структуры в России всеильны, гражданские пребывают в эмбриональном состоянии (Ядов 2005: 259).

«И отцы, и дети»

Когда читающая Россия получила в руки новый роман И. Тургенева, то у многих из тех, кто принадлежал к творческой и культурной части дворянства, равно как и к «безбожным» реалистам из думающих

разночинцев, были основания согласиться со словами одного рецензента — «Ни отцы, ни дети». Для одних неприглядность в изображении «отцов» выглядела в избыточной иронии над сентиментализмом, практической беспомощностью и неуместным романтизмом «отцов», а для других, возможно, такой же избыточностью были изображенная суровость и бесчувственность Базарова. И это при том, что сам Тургенев одновременно оставался и ценителем лучших сторон дворянской культуры, и самым заинтересованным свидетелем нового разночинного поколения (Базаров был его самым любимым героем, от имени которого писатель в своих черновиках вел дневник, а с Добролюбовым и Чернышевским даже пытался найти общий язык).

За этим «разломом поколений», изображенным писательским воображением, стоит правда не воображаемая, а более чем реальная. Дело в том, что так работает история. «Новое» слишком жестко и бесповоротно расправляется со «старым» и лишь на следующем витке истории старается найти баланс «потерь» и «приобретений». Даже идеалистический оптимизм Гегеля не мешал ему видеть этот жесткий реализм истории: «страницы истории — это совсем не страницы счастья». Маркс тоже говорит о парадоксе «прогресса», когда движение вперед сопровождается жертвоприношением достигнутых образцов в культуре — художественной (героический фольклор), нравственной (народная мораль), политической (первобытная и античная демократия).

Современность — это особое состояние Истории — обладает привилегией. Современность совсем не предполагает фатальность и неизбежность Истории ценой таких жертвоприношений. Поэтому когда мы видим, что нам предлагают признать «поколения» с алфавитно-анонимной номенклатурой: «X, Y, Z, Alfa, Beta, Gama etc». полномочными лидерами «цифрового мира», который допускает эрозию таких социальных качеств, как солидаризм, справедливость, гуманность, приверженность к культуре и проч., то исторически сложившаяся дилемма «отцы и/или дети» поневоле предстаёт совсем в другой транскрипции, а именно: «и отцы, и дети». Эта парадигма, достойная Современности, предполагает совсем не эклектичное и софистическое толкование, а самую, что ни на есть диалектическую интерпретацию. Суть её предполагает не только одинаковую уязвимость «отцов» и «детей», о чем готова поведать нам не уходящее в тираж изречение «старость не радость, да и молодость не корысть». При этом такой же общей уязвимостью выглядят вечные искушения, которые подстерегают и «пожилых», и тех, кто «вступают в жизнь». Как выразился один автор «деспотами и иждивенцами могут быть и те, и другие».

Упомянутая диалектическая интерпретация взаимоотношений «отцов» и «детей» опирается на простую онтологическую закономерность: до тех пор, пока социум не мыслим без поколения «отцов» и «детей», человеческое сообщество как История и Современность существует через механизм «дополнительности друг друга», — «дополнительности» разных по опыту и возрасту поколений. Социологически это может быть выражено по-разному. В качестве резюме можно привести мнение одного российского автора, не претендующего на исчерпывающую формулу, но и не уходящего от сущности проблемы. «Задача старшего поколения — помочь молодым сделать правильный социальный и особенно духовно- нравственный выбор ... Задача молодых — стремиться воспринять лучшее из духовности «отцов как носителей культуры человечества» (Ханаш 2015:204)

И наконец, в продолжение этого хода мысли: онтологический подход совсем не исключает, а даже предполагает «значимую демонстративность» бытия, «момент истины», так называемых, «говорящих ситуаций». Дело в том, что мы можем наблюдать «истинность» и «подлинность» вещей напрямую, без всякого нашего познавательного энтузиазма. Мих. Лифшиц называет это «благодатью реальности». О чем конкретно идет речь? Возможно, следующий пример поможет быстрее и нагляднее ответить на этот вопрос. В последнее время в западных странах прокатилась волна экспериментов на поколенческую тему. Социальный эксперимент — это «онтология в миниатюре», это жизнь в ее очищенном от случайностей и помех виде.

В дома для престарелых людей приводят для общения друг с другом маленьких ребятишек (часто из сиротских домов). Эффект превосходит все ожидания. Это встреча двух миров, двух поколений, у каждого из которых есть в избытке то, чего катастрофически не хватает другому. Как пишет организатор одного из таких экспериментов: «Перед тем как дети входят в комнату, старики выглядят полуживыми, пребывают в полудреме. Совершенно депрессивное зрелище. И вот заходят дети для урока искусства или музыки, или для того, чтобы сделать бутерброды для бездомных, ну или какой еще там проект у них в этот день — и пожилые люди вдруг оживают, и энергия бьет из них ключом» (Дом престарелых ...). Или, по мнению другого эксперта: «Подобное взаимодействие позволит людям пожилого возраста не только почувствовать себя нужными и востребованными, но и поможет им передать свой опыт подрастающему поколению. Благодаря таким встречам дети могут воспринять мудрость, знания и добродетели из рук людей, прошедших долгий, насыщенный профессиональный и жизненный путь» (Дом

престарелых ...). Понятно, что подобные доказательства социология должна воспринимать не как эмпирически найденное и предлагаемое решение, а как символы, полные сильного обобщения, как подсказки и свидетельства напрямую от самой жизни.

Отсюда же и «онтологические» уроки и предупреждения для социума, претендующего соответствовать понятию «человеческого общества» в эпоху «цифровых» искушений и фатальностей, перед которыми стоят поколения с анонимной аббревиатурой — Икс, Игрек, Зет, Альфа etc.

Источники

Блок А. Возмездие. — URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=10730> (дата обращения 17.08. 2022).

Горький М. Дело Артамоновых. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Артамоновых (дата обращения 17.08. 2022).

Данилов В. О возможностях поколенческого анализа — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005. — 328.

Дольто Ф. На стороне ребенка. — СПб.: Петербург-XXI век, 1997. — 526 с.

Дом престарелых и детский дом под одной крышей. — URL: <https://www.asi.org.ru/2015/07/10/detskij-dom-i-dom-prestarelyh-pod-odnoj-kryshej-eksperty-otsenivayut-initsiativu-po-sozdaniyu-ploshhadki-dlya-obshheniya-pokolenij/> (дата обращения 17.08. 2022).

Жиганов В. Поколение Beta: вторые по алфавиту, но не по значимости — URL: <https://vc.ru/u/176064-vladimir-zhiganov/360879-pokolenie-beta-vto-rye-po-alfavitu-no-ne-po-znachimosti> (дата обращения 17.08. 2022).

Кормильцев И. Последнее поколение? — URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/3> (дата обращения 17.08. 2022).

Левада Ю. Заметки о проблеме поколений — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005. — 328 с.

Нечаева Н. А., Бурмыкина О. Н. Теоретическое наследие С. И. Голода и современные исследования семьи, брака и межпоколенных отношений // Петербургская социология сегодня. — 2020. — вып. 13/14. — С. 5 — 22.

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005 — 328 с.

Семенова В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005. — 328 с.

Твенге Дж. Поколение I. — М.: Рипол — Классик, 2021. — 408 с.

Ханаш С. А. Социологический анализ феномена «отцы» и «дети» в системе межпоколенческих отношений // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. — С. 202–204.

Шанин Т. История поколений и поколенческая история. — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛО, 2005. — 328 с.

Штраус В., Хоув Н. Поколение — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_поколений (дата обращения 17.08. 2022).

Элиас Н. О процессе цивилизации. — М., СПб.: Университетская книга, 2001. — 382 с.

Ядов В. А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛО, 2005. — 328 с.

References

Blok A. Vozmezdiye [Block A. Retribution]. — URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=10730> (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Danilov V. O vozmozhnostyakh pokolencheskogo analiza — Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii / Sost. YU. Levada, T. Shanin. — М.: NLO, 2005. — 328. [Danilov V. On the possibilities of generational analysis] — Fathers and children: Generational analysis of modern Russia / Comp. Y. Levada, T. Shanin] (In Russian)

Dol'to F. Na storone rebenka. [Dolto F. On the child's side] — SPb.: Peterburg-XXI vek, 1997. — 526 s. (In Russian)

Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia / Comp. Y. Levada, T. Shanin. — М.: NLO, 2005 — 328 p. (In Russian)

Elias N. O protsesse tsivilizatsii [On the process of civilization]. — М., SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. — 382 s. (In Russian)

Gor'kiy M. Delo Artamonovykh. [Gorky M. Artamonov case].— URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Артамоновых (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Khanash S. A. Sotsiologicheskii analiz fenomena «ottsy» i «deti» v sisteme mezhpokolencheskikh otnosheniy [Sociological analysis of the phenomenon of “fathers” and “children” in the system of intergenerational relations]. Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 2. CH. 2. — S. 202–204. . (In Russian)

Kormil'tsev I. Posledneye pokoleniye? [Kormiltsev I. The last generation?] — URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/3> (Accessed 17.08.2022). (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Levada YU. Zametki o probleme pokoleniy [Levada Yu. Notes on the problem of generations]. Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii / Sost. YU. Levada, T. Shanin.— М.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Nechayeva N. A., Burmykina O. N. Teoreticheskoye naslediyе S. I. Goloda i sovremennyye issledovaniya sem'i, braka i mezhpokolennykh otnosheniy [Theoretical heritage of S. I. Golod and modern studies of family, marriage and intergenerational relations] // Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. — 2020. —vyp. 13/14. — S. 5 — 22. (In Russian)

Orphanage and nursing home under one roof [Detskiy dom i dom prestarelykh pod odnoy kryshey] — — URL: <https://www.asi.org.ru/2015/07/10/>

detskij-dom-i-dom-prestarelyh-pod-odnoj-kryshej-eksperty-otsenivayut-initsiativu-posozdaniyu-ploshhadki-dlya-obshheniya-pokolenij/ (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Semenova V. Sovremennyye kontseptsii i empiricheskiye podkhody k ponyatiyu «pokoleniye» v sotsiologii [Semenova V. Modern concepts and empirical approaches to the concept of “generation” in sociology]. — Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii /Sost. YU. Levada, T. Shanin. — M.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Shanin T. Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya. [History of Generations and Generational History]. Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii /Sost. YU. Levada, T. Shanin. — M.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Shtraus V., Khouv N. Pokoleniye [Generation]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_поколений (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Tvenge Dzh. Pokoleniye I. [Tvenge J. Generation I.]. M.: Ripol — Klassik, 2021. — 408 s. (In Russian)

Yadov V. K voprosu ob istoricheskoy missii mladogo pokoleniya [About the question of the historical mission of the young generation]. Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii / Sost. YU. Levada, T. Shanin. — M.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Zhiganov V. Pokoleniye Beta: vtoryye po alfavitu, no ne po znachimosti. [Zhiganov V. Generation Beta: second in alphabetical order, but not in importance] — URL: <https://vc.ru/u/176064-vladimir-zhiganov/360879-pokolenie-beta-vtorye-po-alfavitu-no-ne-po-znachimosti> 85 (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. evropa.ru@gmail.com

Shchelkin Alexander G., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. evropa.ru@gmail.com

СЕРГЕЕВА О.В.

КАК МЫ ЧИТАЕМ ГИПЕРТЕКСТ? (ОТВЕТЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В. ИЗЕРА)

Автор рассматривает идеи феноменологии чтения немецкого теоретика литературы В. Изера (1926–2007), с целью сравнения практики чтения традиционных линейных и новых нелинейных текстов, вошедших в обиход благодаря компьютерной технологии. Поколения, воспитанные в эпоху преобладания книжного чтения, часто опасаются «мозаичности» восприятия реальности цифровыми поколениями, которые оперируют преимущественно гипертекстами. Мозаичность и смысловые разрывы характеризуют не только гипертекст. Феноменология чтения обращает внимание на активность читателя по созданию связного впечатления от читаемого произведения. То есть любой текст, а не только компьютерный, предполагает точки переходов и пробелов в повествовании, что активизирует горизонт ожиданий читающего. Автор делает вывод, что принципиальное отличие практики чтения гипертекста от обычного — в неограниченности рамками начала и конца повествования и, следовательно, в сложности разделения текста и контекста.

Ключевые слова: чтение, гипертекст, линейный текст, феноменология чтения.

OLGA V. SERGEYEVA

HOW DO WE READ HYPERTEXT? (ANSWERS OF W. ISER'S PHENOMENOLOGY)

The author considers the phenomenological ideas of German literary theorist W. Iser (1926–2007), what helps to compare reading practices of traditional linear and new non-linear computer texts. Generations brought up in the era of the book reading predominance often fear the “mosaic” perception of reality by digital generations, which operate mainly with hypertexts. Mosaic and semantic gaps characterize not only hypertext. The phenomenological approach to reading draws attention to the activity of reader in creating a coherent impression of the readable work. That is, any text, not just a computer one, includes transition points and gaps in the narrative,

which activates the reader's horizon of expectations. The fundamental difference between the reading practice of hypertext and a printed book is the unlimited scope of the beginning and end of the narrative and, consequently, the complexity of separating text from context.

Keywords: reading; hypertext, linear text, phenomenological approach

Сегодня способы передачи знания и информации связаны с материалом в виде гипертекста. Вебсайты, аккаунты в социальных сетях, переписки в мессенджерах интегрируют ссылки, переходя по которым мы формируем свой опыт чтения. Разработчик гипертекста, американский исследователь Т. Нельсон так определял это явление: «Под гипертекстом я просто подразумеваю произведение, содержание которого представлено в неупорядоченной нелинейной последовательности» (Nelson 1965). Оптимальной и естественной средой для воспроизводства гипертекста является компьютер. Печатные книги, напротив, традиционно линейны и выстраивают то, что подлежит описанию, в логическую цепочку. Как изменяются стандарты и ритмы чтения в эпоху гипертекста? Этот вопрос волнует в течение нескольких десятилетий педагогов, психологов, лингвистов.

Феноменологическая философия и феноменологическая социология, обращаясь в целом к проблеме феноменов сознания, не оставляли без внимания процесс чтения. Например, в герменевтической теории Х.–Г. Гадамера чтение рассматривается не только как важнейший компонент интерсубъективной коммуникации, но и как форма первичной артикуляции мира и самосознания (Инишев 2007: 7). Феноменология стремится описывать опыт, она пытается обнаружить те аспекты опыта, которые считаются само собой разумеющимися и потому остаются без внимания. В поле зрения феноменологии попадают также субъективные объяснения, которые предлагают люди, сталкиваясь с окружающим миром. Для феноменолога представления людей, которые считаются очевидными, и являются основными, поддерживающими и формирующими опыт. Поскольку опыт подразумевает сознание, то сознание неотделимо от феноменологических объяснений. Сознание интенционально, то есть сознающие субъекты ориентированы на что-либо — на объект, случай, ситуацию и т. д. «Интенциональный объект» (который не обязательно должен быть объектом, а, скорее, чем-то, на что направлено понимание субъекта) сообщает нам об ощущениях субъекта. Это и есть содержание сознательного состояния или значение опыта. Содержание или значение

не предшествует опыту, скорее значение представляет сложную часть опыта и появляется в пределах опыта. Для феноменологии опыт не может быть описан в отсутствии высказывания о нем. Однако при этом не подразумевается, что каждый опыт имеет ясное определение, имеется в виду, что опыт имеет некоторое вербальное содержание, хотя, вероятно, и не всегда четко определенное. Таким образом, феноменология постоянно обращается к феноменам языковой коммуникации, чтение в данном случае является формой коммуникативного опыта.

Большое внимание практике чтения уделял видный немецкий исследователь литературы, феноменолог Вольфганг Изер (1926–2007). Остановившись в данной работе на его идеях, я надеюсь показать, как феноменологическая концепция чтения, разработанная применительно к акту чтения линейных литературных текстов, позволяет понять многое и о практике чтения онлайн-овых гипертекстов. Феноменологическая трактовка чтения может снять многие опасения, распространенные в настоящее время у культурной элиты в связи с укоренением «гипертекстовой» практики чтения.

Феноменологическое объяснение чтения, сделанное В. Изером, включает несколько основных тезисов (Iser 1978):

Чтение как акт коммуникации есть деятельность сознания.

При чтении объект сознания (текст) не дается в своей целостности внезапно и одновременно.

Читатель текста (субъект опыта) не может дистанцироваться от текста. В некотором смысле он или она — всегда «в тексте», читатель не является внешней стороной текста, он существует как «блуждающая точка зрения».

Поскольку читатель не воспринимает объект (текст) весь сразу и как единое целое, то в каждый момент времени читатель ориентируется только на отдельный аспект текста. Читатель всегда имеет дело с неполным проявлением смысла. Это относится не только к литературным текстам, но ко всем другим также. Специфические «точки» литературного текста — характер, действие, чувство, пейзаж и т. п. Читатель воспринимает текст как имеющий смысл с одной или другой точки зрения, то есть в некоторой перспективе, которая всегда частична. Текст должен быть построен соединением вместе возникающих точек зрения. Однако, чтобы это построение произошло, читатель должен предположить, что есть связь между точками зрения, что все они — перспективы видения одного и того же объекта. Иногда об этом говорят как о синтезирующей читательской деятельности, которая показывает обязательность размышления в терминах целого. Важно иметь в виду,

что аспекты текста есть, скорее, темы, о которых идет речь в специфических частях текста.

Читатель текста находится в точке пересечения напряженных отношений между тем, что он воспринял из уже прочитанного, и предвосходящими ожиданиями, сформированными на основе только что прочитанных частей текста. Отношения между ощущениями от прочитанного и настроенность на то, что будет прочитано, формируют «горизонт ожиданий».

В чтении, как постепенном, шаг за шагом развитии, ожидания читателя или подтверждаются, или разрушаются.

Когда ожидания подтверждаются, смысл прочитанного оформлен и консолидирован.

Когда ожидания не выполнены, то это состояние сравнимо со «смысловым пробелом».

Опыт «смыслового пробела» вынуждает читателя изменять его/ее горизонт ожиданий, и на основе этого измененного горизонта, проектировать иной набор ожиданий для следующих моментов чтения.

Согласно В. Изеру, так называемые, «смысловые пробелы» — это места связуемости текста, в этих местах читатель должен построить связи. Пробелы указывают на то, что различные доли текста должны быть объединены, причем сам текст не «говорит», как это сделать. Пробелы — «невидимые стыки текста» (Iser 1978: 183). Осознание некоторой темы или идеи (объекта, случая и т. д.) основывается на выборе этой темы/идеи, происходит процессе отделения ее от фона. Таким образом, «блуждающая точка зрения» читателя формирует единства (смысловые группировки), ориентируясь на фигуру/фон в различных комбинациях. Складываются образы («gestalten»), более или менее структурированные целые, в перспективе которых некоторый аспект текста может совпадать или не совпадать с горизонтом ожиданий читателя.

Феноменологическая трактовка чтения может сегодня привлекаться для понимания опыта чтения гипертекста. Так, например, можно согласиться с исследователем из Оксфордского университета А. Каруси, сопоставляющей концепцию чтения теоретиков гипертекста с идеями феноменологов. По ее мнению, которое мне хотелось бы поддержать, если исходить из феноменологического анализа, то и в процессе чтения линейных (традиционных печатных) текстов читатель формирует образы («gestalten»), наталкиваясь на пробелы, ища связи. Целостный смысл рождается в процессе поиска связей, прочитанное проектируется с ориентацией на горизонт ожиданий. А значит и в случае с линейным текстом, согласно феноменологии, читатели постоянно выбирают

смысловые связи среди диапазона возможностей. Все это напоминает практику чтения, которую фиксируют теоретики гипертекста — движение по тексту с использованием двух строительных блоков — ссылок и частей текста. Как пишет А. Каруси, опыт чтения, построенный на связывании частей в целое, если согласиться с феноменологами, свойственен и практике чтения линейного текста (Carusi 2006: 176–178).

И все-таки можно наметить те отличия, которые характеризуют практику чтения гипертекста. Одно из наиболее значимых отличий гипертекста состоит в том, что он дает читателям почувствовать себя активными участниками создания смысла и логики читаемого. При этом наиболее часто встречающиеся опасения, вызванные распространением гипертекстов, заключаются в том, что такой вид текста может вести к поверхностному чтению. Чтение как движение от одной ассоциации к другой без монтажа горизонта ожиданий — вот что можно считать поверхностным чтением. Как показывают феноменологи, в опыте чтения любого текста — линейного или нелинейного — очень значимо интерпретативное участие читателя, его собственное формирование образов и смыслов.

Как видим, дело не в том, что гипертекст состоит из мозаики смысловых частей, а в том радикальном отказе читателя гипертекста от представления и ожидания, что текст есть более или менее ограниченный объект. В практике движения по гипертексту читателю сложнее (а иногда и невозможно) вернуться и восстановить свои шаги, или проверить, являются ли его интерпретации последовательными или уместными. В конце концов, практика чтения гипертекста вообще затрудняет этот вопрос: прочитанное совместимо с чем? или уместно по отношению к чему? Способность читателей выбирать ссылки как путь по тексту может давать им проблематичную самонадеянность власти над текстом. На самом же деле ссылки помещены людьми, и потенциально столь же управляемы автором-создателем.

Итак, чтобы оценить то, как гипертекст изменяет наши читательские практики и читательский опыт, надо начать с рассмотрения сложившихся ранее привычек чтения. Что предоставляет собой опыт чтения линейного текста? Феноменология — одно из направлений, формирующих свою систему взглядов на чтение. Благодаря феноменологической теории можно понять, как происходит рецепция текста, существует ли и в чем выражается зависимость чтения от материальных носителей информации. Сегодня многие поднимают вопрос об изменении практики чтения. Исследования феноменологии чтения позволяют оценить масштаб динамики читательских привычек и того, что происходит в человеческом восприятии информации.

Источники

Инишев И. Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 168 с.

Carusi A. Textual Practitioners: A comparison of hypertext theory and phenomenology of reading // *Arts and Humanities in Higher Education*. 2006. N 5 (2). P. 163–180.

Iser W. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p.

Nelson T. The Hypertext // *Proceedings of the World Documentation Federation*, 1965 (Цит. по Gunder A. *Hyperworks*. On digital literature and computer games // *Publications from the section for sociology of literature at the department of literature Uppsala University*. 2004. № 48. 424 p.).

References

Carusi A. Textual Practitioners: A comparison of hypertext theory and phenomenology of reading. *Arts and Humanities in Higher Education*, 2006, no 5 (2), pp. 163–180.

Inishev I. N. *Чтение и дискурс: трансформации герменевтики [Reading and Discourse. The Transformations of Hermeneutics]*. Vilnius: European Humanities University Publ. 2007. 168 p. (In Russian).

Iser W. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p.

Nelson T. The Hypertext. *Proceedings of the World Documentation Federation*, 1965 (Цит. по Gunder A. *Hyperworks*. On digital literature and computer games. *Publications from the section for sociology of literature at the department of literature Uppsala University*, 2004, no 48, 424 p.).

Сергеева Ольга Вячеславовна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет. o.v.sergeeva@spbu.ru

Sergeyeva, Olga V., Associate professor, Doctor of Science in Sociology, Ass. Professor at the Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University. o.v.sergeeva@spbu.ru

Мизиряк Н.А.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ: МЕМЫ И ФАН-АРТ К ИГРАМ СЕРИИ THE WITCHER 3

Статья посвящена изучению роли и места фанатского творчества в продвижении трансмедийной франшизы. Целью статьи является анализ интерактивной составляющей трансмедийных процессов, включающей визуальное творчество игроков, на примере мемов и фан-арта по играм серии «The Witcher 3». Для этого рассматриваются понятие медиаконвергенции как важной характеристики современных медиапроцессов и особенности технологии трансмедийного повествования, описывающей принципы продвижения одних и тех же идей и сюжетов через разные медиа с целью вовлечения потребителей. Стимуляция интерактивной составляющей — пользовательского тематического творчества — описывается как одна из важнейших технологий популяризации медиафраншизы.

Автор анализирует эмпирический материал, а именно — интернет-мемы и фан-арт посвященные компьютерной игре «The Witcher 3», которая сыграла важную роль в продвижении медиафраншизы «Ведьмак». В результате творческого восприятия этой игры игроками был создан обширный визуальный контент, примеры которого легли в основу эмпирического исследования. Автор проанализировал визуальный контент 4 популярных пабликов, связанных с миром «Ведьмака» в социальной сети ВКонтакте, выделил мемы и фан-арт, посвященные апроприации игрового опыта, и разделил их на тематические группы. Далее автором выделялись смысловые основы и кодовые принципы формирования этих визуальных артефактов, т. е. какие именно элементы и в каком порядке сочетаются для передачи той или иной идеи. Было замечено, что для интерпретации событий игры и включения её героев в общее для пользователей культурное поле используются уже существующие популярные интернет-мемы, привнесенные в изображение. А после того как основные сюжетные доминанты становятся частью культурной среды игроков, визуальный код игры начинает использоваться для интерпретации других виртуальных миров и фактов повседневной реальности.

Автор делает вывод, что тематическое творчество погружает пользователя в обсуждение «цепляющих» элементов сюжета, является базой для социальных отношений («лайков», «репостов», обсуждений) и формирования коллективной идентичности «тех, кто понимает» соответствующий юмор. Сюжеты и персонажи «The Witcher 3» обогащают общую базу интернет-мемов, вводят в виртуальный оборот новые образы и возможности для интерпретаций социальных событий, например, маркирования «чудищ», подлежащих уничтожению

в оффлайне. Это позволяет элементам медиафраншизы перешагнуть границы игры и стать частью культуры, медиареальности и повседневной жизни, задавать акценты восприятия тех или иных событий и социальных фактов в массовом сознании. Кроме того, трансляция тематических мемов и фан-арта увеличивает популярность всех медиаканалов, которые продвигают пользовательское творчество (группы в социальных сетях, тематические подборки мемов и фан-арта, личные страницы художников) и франшизы «Ведьмака» в целом.

Благодарность: авторы выражают благодарность АНО ЭИСИ*.

Ключевые слова: медиаконвергенция, трансмедиация, визуальная социология, мемы, фан-арт.

NADEZHDA A. MIZIRYAK

COMPUTER GAMES IN A FRAME OF MEDIA CONVERGENCE: MEMES AND FAN ART INSPIRED BY THE WITCHER 3 GAMES SERIES

The article is devoted to the study of the role and place of fan creativity in the promotion of a transmedia franchise. The main topic of the article is the analysis of the interactive component of transmedia processes, which includes the artefacts of gamers' creativity — memes and fan-art devoted to the games of «The Witcher 3» series. The author considers the concept of media convergence, an important characteristic of modern media processes and features of transmedia storytelling technology, which describes the principles of promoting the same ideas and stories through different media in order to engage consumers. The stimulation of interactive component, especially user thematic creativity, describes one of the most important technologies for promoting a media franchise.

The author refers to the computer game The Witcher 3, which played an important role in promoting the Witcher media franchise. It have spawned a multiple visual user-generated content (internet memes and fan art), which samples are analyzed in the article. The author analyzed the visual content of 4 popular publics related to the world of The Witcher on the social network «VKontakte», identified memes and fan art dedicated to the appropriation of gaming experience, and divided them into thematic groups. Then the author highlighted the semantic foundations and code principles of formation of these visual artifacts, namely, which elements and in what order are combined to convey the idea.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АНО «Экспертного института социальных исследований» (ЭИСИ), проект «Игровые технологии вовлечения и убеждения в политических и гражданских коммуникациях в современной России» (№ 1022061700190–3-5.6.1).

To interpret the events of the game and include its characters in the common cultural field, gamers brought into the image popular Internet memes. And after the main plot have already become the part of the cultural environment, the visual code of the game begins to interpret other virtual worlds and the facts of everyday life. The author concludes that such creativity immerses users in the discussion about the “catchy” elements of the plot, and forms the basis for social relations and collective identity. The plots and characters of «The Witcher 3» enrich the general database of Internet memes and introduce to users new images and possibilities for interpreting social events, for example, marking “monsters” that need to be destroyed offline. It allows the elements of the media franchise to transcend the boundaries of the game and become the part of the culture, media reality and everyday life. It contributes to the intensities of perception of certain events and social facts in the mass consciousness. In addition the popularity of all media channels that promote user creativity (groups on social networks, thematic collections of memes and fan art, personal pages of artists) and the Witcher franchise are growing.

Gratitude: The work was supported by “Expert institute of social research” (EISR), scientific project “Gaming technologies of involvement and conviction in political and civil communications in modern Russia” (№ 1022061700190–3-5.6.1).

Keywords: media convergence, transmediation, visual sociology, memes, fan art.

Взаимодействия разных акторов вокруг и по поводу компьютерных игр представляют собой интересный объект исследования для социолога, поскольку эти взаимодействия воплощают и показывают социальные эффекты игр. Тематическое творчество игроков, возможное благодаря интерактивности новых медиа, создает базис для социальных и интеллектуальных отношений в игровых сообществах, порождает обсуждения, ретрансляцию. В этой статье внимание сфокусировано на том, как создаются и используются игровые мемы, «питающиеся» содержанием игры «The Witcher 3: The Wild Hunt» и её дополнений «The Witcher 3: Hearts of Stone», «The Witcher 3: Blood and Wine» вышедших в 2015–2016 годах, и по сей день входящих в топ 30 лучших компьютерных игр десятилетия*. Внимание к этой серии игр обусловлено не только трансмедийностью самого мира «Ведьмака», имеющего

* Согласно данным таких известных игровых сервисов как Igromania [URL] www.igromania.ru/games/pc/all/all/all/all/0/3/; Medusa [URL] meduza.io/slides/25-luchshih-videoigr-desyatiletija; MMO13 [URL] <https://mmo13.ru/games/top/platform-10-PC> и др. (дата обращения 9.02.2022)

богатое наследие, но и исключительной плодovitостью фанатского творчества, вдохновленного играми серии The Witcher.

Цель данной статьи — рассмотреть, как игроками реализуется интерактивная составляющая трансмедийных процессов, в результате чего образы из игр серии The Witcher воспринимаются и используются для социальных взаимодействий по поводу игры и за ее пределами. Для этого мы рассмотрим понятия медиаконвергенции и технологии трансмедиа, выделим роль и место фанатского творчества. Далее мы обратимся к компьютерной игре «The Witcher 3: Wild Hunt» как одной важнейших частей медиафраншизы, и мемам и фан-арту, питающимся её содержанием. Анализ такого пользовательского контента позволит выявить причины и цели его возникновения, а так же социальную роль и функции который он исполняет. Эмпирическими данными являются мемы, появляющиеся начиная с выхода игры «The Witcher 3: Wild Hunt» и её дополнений (май 2015-май 2016) и по настоящий день, взятые из тематических сообществ социальной сети «ВКонтакте».

Теории медиаконвергенции и трансмедиа

В последнее десятилетие учеными, работающими в области социальных и гуманитарных наук, фиксируется рост популярности различных фэнтези-миров, в том числе мира «Ведьмака». Такая тенденция вызвана как медийными, так и социальными причинами. Медийная причина — это специфика современного этапа развития медиа, характеризующегося процессами медиаконвергенции и трансмедийности. Медиаконвергенция — это процесс слияния различных медийных форм. Исследователь этого процесса Генри Дженкинс пишет, «каждый медиум делает то, что у него получается лучше всего, чтобы история могла быть представлена в фильме, расширена с помощью телевидения, романов и комиксов, а ее мир мог бы быть изучен и исследован в ходе игрового процесса» (Jenkins 2003). Если в начале XX века фэнтези-романы печатались только на страницах книг, то теперь по мотивам литературных произведений создаются целые тематические миры, объединяющие комиксы, песни, художественные фильмы, сериалы и компьютерные игры. Исследователь Т. А. Фетисова пишет, что шаг к играм имеет особое значение, поскольку «виртуальная реальность предоставляет возможность не только увидеть выдуманный мир, но и стать участником происходящих там событий» (Фетисова 2017, 182).

Теория медиаконвергенции опирается, с одной стороны, на разработки теории интертекстуальности (М. М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт и др.), говорящей о том, что любой сюжет является результатом диалога множества других текстов; теорию «мультимодальности» (Г. Кресс и Т. Ван Лиувен (Kress 2001), Е. Вентола, С. Кассил, М. Калтенбачер (Ventola 2004) и др.), акцентирующей внимание на использовании нескольких средств передачи информации для создания единого культурного артефакта. С другой стороны, на разработки медиатеchnологов, а именно идеи И. де Сола Пула, писавшего о конвергенции как размывании границ разных медиа (Pool 1983); мысль М. Маклюэна об «имплозии» (взрыве, или сжатии, вовнутрь), при которой мир становится глобальным, существование каждой части связывается с существованием других частей, а центр и иерархия исчезают (Маклюэн 2003, 8).

Выделяют несколько типов медиаконвергенции (Ryan 2014, 27–30). Первый тип — конвергенция-адаптация, когда одно произведение представляет тот же самый сюжетный мир, что и другие. Второй тип — конвергенция-расширение, когда следующее произведение добавляет к предыдущему не представленные ранее элементы. Третий тип — конвергенция-модификация, когда одно произведение добавляет новые элементы, которые затрудняют определение первоисточника среди созданных историй или, как говорят, «одной вселенной». При этом, по мнению Г. Дженкинса, «каждая запись франшизы должна быть достаточно автономной, чтобы обеспечить автономное потребление. То есть вам не нужно смотреть фильм, чтобы наслаждаться компьютерной игрой, и наоборот» (Jenkins 2003). Таким образом, теория медиаконвергенции описывает современное состояние информационной среды, когда традиционные и новые медиа, профессионалы и непрофессионалы обращаются к одному и тому же популярному произведению, создавая общую тематическую вселенную.

Понятие «трансмедиа» характеризует технологию продвижения одних и тех же идей и сюжетов через разные медиа. Благодаря теории трансмедиа можно говорить о технологии трансмедийного повествования (transmedia storytelling), то есть о процессе, при котором фрагменты информации как «истории» доставляются аудитории по различным каналам с целью целостного ее представления или рекламирования самих каналов, вовлечения потребителей в бесконечный просмотр, прослушивание и прочтение (Лазченко 2017, 136–137). Карлос Сколари определяет transmedia storytelling (TS) как «особую нарративную структуру, которая распространяется посредством разных языков

(слова, изображения и т. д.) и через разные медиа (кино, комиксы, телевидение, видеоигры и т. д.)» (Scolari 2009, 587). Благодаря такой технологии любой проект может быть преобразован в медиафраншизу (линейку медиапродукции, состоящую из оригинального произведения и его производных). TS — это не просто копирование и адаптация истории для другого носителя, это создание множества историй, углубляющих и дополняющих основной сюжет, причем каждый медиум вносит свой вклад в построение общего мира. С точки зрения потребителей, TS способствует интерпретации разных дискурсов, передающих историю по разным медиа. Исследователь М. Л. Райан рассматривает повествование как «когнитивную конструкцию или мысленный образ, построенный интерпретатором в ответ на текст» (Ryan 2004, 8). Это говорит о том, что в TS роль реципиента является важнейшей для повествовательной интерпретации.

В настоящее время TS является одной из наиболее распространенных стратегий медиакорпораций, поскольку позволяет расширять аудиторию благодаря созданию разных точек входа для разных ее сегментов (Jenkins 2007). Разные медиаплатформы функционируют горизонтально по отношению друг к другу: если запуск какого-либо проекта оказался удачным, то он оказывается на всех платформах и охватывает максимум аудитории. TS позволяет включать в медиаиндустрию и результаты стихийно организованных фанатских практик с целью рекламы и умножения прибыли от основного медиапродукта. Более того, исследователи Р. Гамбарато и М.Фримен утверждают, что «при изучении TS следует делать акцент на формировании пользовательского опыта» (Gambarato 2019, 264–265), поскольку он становится структурообразующим и удовлетворяет аффективные потребности фанатов. Исследователь Н. Ф. Пономарев выделяет три составляющих трансмедийной вселенной: «канон» (контролируемая медиапродюсером оригинальная версия трансмедийной вселенной из авторизованных медиапродуктов); «апокриф» (расширенная авторизованная версия оригинальной вселенной, включая побочные продукты, альтернативные и второстепенные истории); «фанон» (неавторизованная фанатская интерпретация оригинальной вселенной, создаваемая активными медиа-юзерами в таких форматах, как фанфикшн, фанкино, косплей, флешмоб) (Пonomarev 2019, 137). Так, с выходом нового сезона сериала «Ведьмак» от Netflix возрождается интерес к компьютерным играм и книгам фэнтезийной вселенной Ведьмака, появляются новые артефакты фан-арта и интернет-мемов, заново актуализирующих соответствующую тематику.

Благодаря компьютерным и интернет-технологиям любой пользователь может дополнять тематический контент своими интерпретациями, развитием сюжетных линий и персонажей в любительских произведениях (создавать фан-арт, фанфики, мемы и т. д.). Это явление описывается понятием *user generated content* (UGR), означающим различное информационно-значимое содержимое носителей информации, создаваемое читателями (потребителями). Такой пользовательский контент, опубликованный на общедоступном сайте или в социальных сетях, как замечает журналист В. А. Тулисова, является продуктом аудитории, созданном «на волонтерских началах», а не с целью получения прибыли (Тулисова 2017, 228–244). Такой контент выступает основой для социальных и интеллектуальных отношений, складывающихся вокруг компьютерных игр, генерирует новые смыслы и интерпретации социальной реальности. Как именно это происходит, мы рассмотрим ниже на примере мемов игрового мира *The Witcher 3: Wild Hunt*.

Фан-арт — это создание фанатами собственных артефактов на основе оригинального произведения, являющегося объектом поклонения (Соколова 2010, 114). Некоторые исследователи (Четина 2015, 95–104.) рассматривают фан-арт как проявление любого фанатского творчества, в том числе — литературного (фанфикшн). Однако чаще «фан-арт» употребляется для указания на статичный визуальный контент: рисунки, комиксы, мемы. Фан-арт предполагает не только использование персонажей и событий мира оригинального произведения, но и их творческую модификацию: фанатами-авторами могут вводиться новые события, персонажи, неожиданные финалы, разрабатываться второстепенные сюжетные линии, придумываться пародии и создаваться кроссоверы (переплетение нескольких произведений). По мнению исследователя киберкультуры Н. Л. Соколовой, фан-арт является феноменом культуры «новых» медиа и «вписывается в ту тенденцию развития “сетевой” креативности — любительской журналистики, “народной кинокритики”, “народного перевода” и др., — которая стала возможной с утверждением культурной парадигмы *Web 2.0*» (Соколова 2010, 116).

Новые технологии позволяют совершать интервенцию в текст и переделывать его, становиться соавтором. Так, например, создаются интернет-мемы, позволяющие комбинировать на общем «фоне» разных персонажей и снабжать это юмористическими подписями. Важнейшие черты интернет-мема — его острая актуальность и узнаваемость для сообщества, породившего его. Социолог Н. А. Зиновьева замечает, что

«создавая и передавая мемы, пользователь реконструирует и транслирует в Интернет-сообщество свое миропонимание, тем самым делая его публичным, укрепляя соответствующие позиции у других пользователей... обмен мемами воздействует на формирование и дополнение социальной и индивидуальной картины мира... Практика обмена мемами внутри сообщества укрепляет отношения внутри группы, увеличивает групповой и личный социальный капитал» (Зиновьева 2015, 195). Таким образом, тематические мемы позволяют проявиться творчеству фанатов, найти отклик среди других «своих», получить социальное одобрение. Кроме того, благодаря юмору мемы могут незаметно распространять модели восприятия из игры на офлайн-реальность.

Мемы и фан-арт входят в массив пользовательского контента и становятся частью трансмедийного повествования (TS). И хотя эти артефакты формально не являются частью медиафраншизы, они расширяют понимание и добавляют новые трактовки основного сюжета, а также невольно продолжают рекламную кампанию и создают базу для обсуждения и социальных отношений.

Медиафраншиза «Ведмак»

По принципу медиаконвергенции развивается и фэнтези-мир «Ведмака». Этот мир весьма обширен: помимо книг и компьютерных игр в него входят сериалы-экранизации*, карточная игра «Гвинт»**, комиксы***, песни****, рок-опера и фэнтези-мюзикл*****. Компьютерные игры серии «Ведмак» (2007–2016) являются продолжением «Саги

* «Ведмак» (2002) — польский телесериал, состоящий из 13 серий, являющийся экранизацией рассказов А. Сапковского из сборников «Последнее желание» и «Меч Предназначения», входящих в цикл «Ведмак». «Ведмак» (2019-наст.вр.) — сериал производства Netflix inc., 2 сезона по 8 серий.

** «Гвинт: Ведмак. Карточная игра» (2018) — коллекционная карточная игра для Microsoft Windows, PlayStation 4 и Xbox One. «Гвинт» является производной одноименной карточной игры, фигурирующей в романе А. Сапковского цикла «Ведмак», и мини-игры из компьютерной игры The Witcher 3: Wild Hunt.

*** См., например: «Ведмак: Стекланный дом» // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/vedmak_steklyannyiy_dom_pervyy_ofitsialnyiy_komiks_po_vselennoy_the_witcher_2110999 (дата обращения 13.01.2022)

**** См., например: «Посвящение Каэр Морхену», «Неспетая баллада Лютика» Тэм Гринхилл; «Ведмак-Блюз» Ю. Сидоряка; Геральт и Йеннифэр» Князя и Династии и др.

***** «Дорога без возврата» (2009) — российская фэнтези-рок-опера группы «ESSE» по мотивам «Саги о «ведмаке» А. Сапковского. На основе рок-оперы поставлен одноименный фэнтези-мюзикл.

о ведьмаке» А. Сапковского. Сюжет игры разворачивается в том же фэнтези-мире, однако действие происходит после событий, описанных в саге. Благодаря этому, персонажи, встречающиеся в игре, старше, чем на страницах книг, и могут обладать новыми характеристиками. События игры продолжают, дополняют и расширяют сюжет книг.

Исследователи жанра фэнтези полагают, что его популярность связана с тем, что «фантастическое» способствует раскрытию способности человека удивляться, получать удовольствие от возможности воображать и с помощью воображения выходить далеко за пределы своей экзистенциальной «заброшенности» (Трушникова 2007, 88). Геймификация фэнтези-историй дает возможность создавать иллюзию обитания вымышленного мира, а так же сопричастности игрока к разворачивающимся событиям. Исследователь С. В. Миловидов отмечает, что благодаря игре «трансмедийный опыт находится как во времени (по отношению к предыдущим и будущим встречам с вымышленным миром), так и в пространстве и в теле пользователя, который вовлечен в процесс сенсорно, интеллектуально и эмоционально» (Миловидов 2021, 40). В случае компьютерных игр серии «Ведьмак» это проявляется в элементах интерактивности: действия и ответы игрока могут влиять на развитие сюжета. Ощутимые последствия выборов в игре могут научить человека быть ответственным и в его собственной жизни. Кроме того, у игрока есть возможность увидеть последствия своих действий, что не всегда доступно в неигровой реальности. Предпринимались даже попытки экспериментально исследовать и измерить воздействие игры «The Witcher 3: Wild Hunt» на интернальность игроков (Тимофеев 2021, 46–55).

Вокруг компьютерных игр серии «Ведьмак» сформировались сообщества поклонников, среди которых есть ролевики, косплейщики, авторы фанфиков, тематических фотосессий, фан-артов и мемов. Фан-клуб чрезвычайно плодovit на сообщества в социальных сетях, где и размещается тематическое творчество. Только в социальной сети ВКонтакте на настоящий момент 1206 сообществ посвященных миру «Ведьмака». Наиболее популярной из игр серии «Ведьмак» в настоящее время является компьютерная игра «The Witcher 3: Wild Hunt» (CD Project RED, 2015). Действие игры происходит в вымышленном мире, похожем на средневековую Европу, но с присутствием магии, нелюдей (эльфов, краснолюдов, гномов и др.) и различных монстров. Главный герой — Геральт из Ривии, ведьмак, профессиональный охотник на чудовищ, оказавшийся в гуще событий кровопролитной войны. Игра включает не только тактико-боевые аспекты, но коммуникативные

(необходимость разговаривать и выстраивать отношения с различными персонажами в игре) и морально-нравственные (необходимость делать выбор между альтернативами, влияющими на сюжет игры).

События игры создают зоны напряжения: затруднения, противоречивые мысли, сильные эмоции, которые требуют выхода и обсуждения. Одним из возможных способов снятия такого напряжения является творчество, а именно создание текстов (фанфиков) и изображений (рисунков, комиксов, мемов) по мотивам событий в игре. Благодаря существованию сообществ игроки могут разделить свое творчество с другими поклонниками игры. События, шутки и особенности персонажей игры кристаллизуются в отдельных фразах или визуальных образах, становясь популярными игровыми мемами. К ним можно причислить мемы, связанные с игровой реальностью и бытующие (трансформирующиеся, транслирующиеся) в Интернете. Правильное понимание игрового мема маркирует члена игрового сообщества, так как задействует общий для игроков культурный фон. Изучая игровые мемы, можно сделать вывод о том, что «цепляет» игроков, что вызывает затруднение, восхищение, шок или приносит удовольствие.

Разновидности фан-арта и мемов, вдохновленных игрой The Witcher 3: Wild Hunt

Для анализа фан-арта и мемов, созданных по мотивам игры The Witcher 3: Wild Hunt, был взят визуальный контент четырех популярных пабликов социальной сети «ВКонтакте», посвященных игровому миру «Ведьмака»: «Ведьмак»* (131540 участников), «Ведьмак»** (107188 подписчиков), «Ведьмак»*** (85812 участников), «Ведьмак | The Witcher | Ведьмак 2 | Ведьмак 3»**** (22461 участник). Из визуального контента каждого паблика отбирались мемы и фан-арт, опубликованные не ранее мая 2015 года (времени выхода игры в широкий прокат). Общее количество составило 310 неповторяющихся изображений (Таблица 1). Изображения были сгруппированы по общим темам. Единичные изображения не учитывались.

* Ведьмак. Официальное сообщество серии игр «Ведьмак». URL : <https://vk.com/cdpred> (дата обращения 9.02.2022)

** Ведьмак URL: <https://vk.com/witcherworld> (дата обращения 9.02.2022)

*** Ведьмак URL: https://vk.com/the_witcher_tv (дата обращения 9.02.2022)

**** Ведьмак | The Witcher | Ведьмак 2 | Ведьмак 3 URL: <https://vk.com/thewitcherworld> (дата обращения 9.02.2022)

Таблица 1. Распределение наиболее популярных игровых мемов и фан-арта по темам

Тема	Количество
Интерпретация игры The Witcher 3 через уже существующие мемы.	98
Собственные игровые мемы	84
Арт-мемы	26
Мемы и фан-арт с привнесением персонажей из «Ведьмака» в другие миры с их перекодировкой	54
Интерпретация с помощью игровых мемов событий неигровой реальности	48

Игровые интернет-мемы по игре The Witcher 3 можно разделить на несколько тем:

1) Интерпретация игры The Witcher 3 через уже существующие мемы. Изображения, взятые из игры, соединяются с популярными интернет-мемами, соответствующими эмоциональному состоянию героя. Или игровые мемы заимствуют у популярных неигровых мемов фон, структуру, общую идею. Ключевой персонаж популярного мема подменяется сюжетом или персонажем из «Ведьмака». Среди таких мем-основ можно назвать мемы по мотивам фильма «Сияние», «50 оттенков серого», мемы о суровом отце и др. Такие мемы вводят специфический игровой фан-арт в интернет-дискурс. Для примера приведем популярный мем, известный как «мужик с песком» (Рис. 1), использующийся интернет-аудиторией для обозначения безысходности, грусти или отчаяния. С помощью графического редактора вместо лиц горящего человека были вставлены лица персонажей игры, участвующих в непростых морально-нравственных метаниях ведьмака, а также сам Геральт. Мем, с одной стороны, демонстрирует тяжесть выбора и отчаяние ведьмака (и всех трех основных женских персонажей), а с другой стороны, отсылает к корпусу подобных мемов, где поводами для безысходности были весьма незначительные события («мелочь рассыпал»), — что превращает горе в фарс.

Рис. 1. Мем «Ведьмак с песком»

2) Собственные игровые мемы, использующие наиболее интересные, смешные идеи из «Ведьмака», отсылающие к специфике игрового мира. Юмор выполняет не только развлекательную, но и объединяющую функцию. Анализ этих мемов и фан-арта позволяет сказать, какие темы обсуждаются в сообществе, что эмоционально «цепляет» в игре, например:

— Мемы, обыгрывающие юмористические или часто повторяющиеся фразы из игры: «Ненавижу порталы!», «Никак вы не научитесь!», «Время кадрить мамзелей» и др. Эти фразы, ставшие мемами внутри игры, начинают самостоятельно существовать в мемах, однако наибольшую реакцию они вызывают именно у игроков, ассоциирующих их с игрой.

— Мемы, связанные с лошадью Ведьмака, Плотвой, которая всегда появляется в неожиданных местах, что создает юмористический эффект. Фраза «Шевелись, Плотва!», относящаяся к любому виду движения, стала текстовым мемом, вышедшим за границы игрового сообщества.

— Мемы, связанные с любвеобильностью Геральта, его любовью к двум волшебницам и большой популярностью у женских персонажей. Возможность соблазнять и завязывать любовные отношения является одной из привлекательных особенностей игры. Сложный выбор между двумя возлюбленными порождает обсуждения среди игроков, в том числе через мемы и фан-арт.

— Мемы, основанные на увлечении Геральта карточной игрой Гвинт. Она была создана разработчиками специально для The Witcher 3: Wild Hunt, а после вышла как самостоятельная карточная компьютерная игра. Ведьмак настолько увлечен ею, что забывает обо всём остальном.

И это обыгрывается в фан-арте как лучшая мотивация для Геральта, как то, что способно его даже воскресить из мертвых.

— Мемы, иллюстрирующие проблемы, связанные с компьютерным обеспечением: «баги» игры, связанные с ошибками работы компьютера («застревание» героев в текстурах, изменение, «стекание» лиц и т. п.); а также — высокие системные требования игры.

3) Арт-мемы — мемы, содержащие арт-контент, в основе которых лежит апроприация канонического художественного наследия с последующей деконструкцией его семантики и художественно-образного строя (Сапанжа 2017, 34–37), представляющие знаменитые произведения искусства в исполнении героев «Ведьмака». Арт-мемы являются актуальной художественной практикой, претендующей на самостоятельное значение и генерирование новых смыслов в современном культурном пространстве. Встраивание персонажей «Ведьмака» в классические произведения искусства обогащает и ту, и другую стороны, позволяет реципиенту увидеть явные и неявные сходства сюжета или героев и благодаря этому расширить понимание и арт-объекта, и игры. В данном примере (рис. 2) ведьмак Геральт «взламывает» код картины Гранта Вуда «Американская готика» (1930).

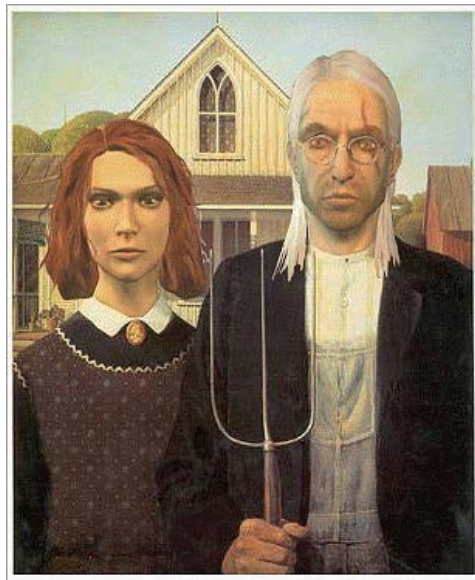

Рис 2. Арт-мем

4) Мемы и фан-арт с привнесением персонажей из «Ведьмака» в другие миры. Компьютерные игры, в особенности ролевые, создают миры значений, где действуют свои правила, ценности, способы оценки добра и зла, что в совокупности создает уникальный культурный код внутри игры. Код культуры можно представить как «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, тем самым структурируя и оценивая его (Красных 2002, 232). Игроки, включенные в культурный код определенной игры, могут использовать его для перекодировки и переинтерпретации событий других культурных миров (книг, фильмов, других компьютерных игр). Мемы, созданные по мотивам игры, сохраняют связь с ее культурным кодом и, появляясь в других контекстах, совершают экспансию, перекодировав новый «фон». В этом смысле мемы и фан-арт по «Ведьмаку» очень показательны. Например, центральной темой популярной саги «Сумерки» является противостояние вампиров и оборотней, чьи образы романтизируются. Вселенная «Ведьмака» перекодирует это, создавая мемы, где ведьмак Геральт, охотник на чудовищ, убивает главных героев романтической саги «Сумерки». Та же участь ждет волшебников, героев книг «Гарри Поттер», магистра Йоду из «Звездных войн», Шрэка (рис. 3) и других. Существуют и «добрые» арт-кроссоверы, где Геральт встречается с персонажами других фэнтезийных миров («Игра престолов») или аниме («One Punch Man»), других компьютерных игр на равных условиях. Они вместе сидят в таверне, обмениваются опытом, общаются или борются со злом.

Рис 3. Кроссовер

Отдельного внимания заслуживают новые арт-кроссоверы (январь 2022, художник konhis), совмещающие образ ведьмака Геральда с персонажем из мультипликационно-игрового телефильма «Остров сокровищ» (Киевнаучфильм, 1988) — доктором Ливси. В данном случае вторжение и перекодировку осуществляет именно образ доктора Ливси со своей узнаваемой улыбкой, а «Ведмак» становится преобразуемым «фоном». Художественно обыгрывается неуязвимость, невозмутимость и специфический юмор ведьмака Геральта.

5) Интерпретация с помощью игровых мемов событий неигровой реальности. Обыгрывается призывание ведьмака — убивать монстров. Следовательно, ведьмак «вызывается» для уничтожения всего, что маркируется как «монстр», «чудовище». Например, мем «Паук в ванной. Это работа для ведьмака». Геральта вставляют в изображения рядом с геями, трансвеститами, жертвами пластических операций, а также с людьми, одетыми для костюмированных вечеринок на Хеллоуин. Интерпретируются и события, важные для христианской культуры в целом: «Христос воскрес!» — говорят Геральту, поздравляя с праздником Пасхи. «Хорошо, я решу вашу проблему», — отвечает ведьмак, перекодировав библейский сюжет в источник работы для охотника на нежить. В последнем примере изображение ведьмака Геральта интегрируется в реальный мир, его помещают на фотографию автобусной остановки, обильно заклеенной объявлениями. Ведьмак, как и в игре на доске объявлений, якобы ищет работу.

Таким образом, не только фанат погружается в игровой мир всеми органами чувств, но и ведьмак «вытаскивается» в нашу реальность, а игровой мир становится частью повседневного. Совмещение повседневного и игрового контекстов на одном изображении реализует мечту фанатов о расширении фэнтезийного мира игры, полного захватывающих приключений, до размеров реального мира.

Роль игровых мемов и фан-арта в формировании единой медиареальности

Компьютерные игры расширяют произведение, созданное для другого медиума, за счет трансмедийного повествования до успешной медиафраншизы, позволяя игроку принять прямое участие в событиях вымышленного мира. Интерактивность в условиях трансмедийности реализуется в том числе благодаря созданию и трансляции пользователями собственного контента по мотивам полюбившегося игрового мира. Подобные визуальные артефакты (мемы, фан-арт) входят в трансмедийное

повествование на правах фанатского контента, несущего спектр интерпретаций основного сюжета игры или произведений медиафраншизы в целом. Они погружают пользователя в обсуждение «цепляющих» элементов сюжета и являются базой для формирования социальных отношений — социальных «поглаживаний» (лайков, репостов), маркирования «своих», создают возможность личной коммуникации. Кроме того, сюжеты и персонажи популярных компьютерных игр обогащают общую базу мемов, вводят в виртуальный оборот новые образы и возможности для интерпретаций социальных событий. Таким образом, благодаря творчеству игроков, компьютерные игры становятся частью интернет-культуры и повседневной реальности.

Пример игры *The Witcher 3: Wild Hunt* позволяет исследовать рецепцию и интерпретацию образов игры в медиареальности: волнующие образы извлекаются из оригинального произведения и используются для создания собственного пользовательского околоигрового контента. Игровые мемы генерируются, во-первых, благодаря обращению к уже существующим сюжетам или популярным мемам, что позволяет интерпретировать игровой мир в образах, привычных пользователю. А во-вторых, благодаря разработке и тиражированию изображений, фраз и сюжетов, взятых из игры. Тематические мемы и фан-арт востребованы среди игроков, поскольку позволяют обсуждать интригующие игровые темы и интерпретировать другие культурные миры и повседневную реальность в контексте мира «Ведьмака». Создание арт-мемов вводит персонажей *The Witcher 3* в мировую художественную культуру, обогащая и игру, и произведения искусства новыми интерпретациями. Творчество игроков расширяет границы мира компьютерной игры, и позволяет пользователям в некотором смысле продолжать играть в нее, даже после прекращения игрового процесса — особенно благодаря принесению героя-ведьмака в сюжеты повседневной реальности. Игровые мемы и фан-арт популярны среди игроков, поскольку позволяют ощутить коллективную идентичность, творчески обсуждать различные волнующие моменты игры, а также высказывать мнение об общественных событиях. Благодаря медиаконвергенции такой пользовательский контент становится неотъемлемой частью общего повествования о ведьмаке, значимой не менее чем оригинальный текст. Интерактивная творческая реакция игроков позволяет оживить Геральта, ввести его в различные культурные контексты, что становится привлекательным также и для различных медиатекологов, заботящихся об успехе медиафраншизы в целом. Это приводит к стимуляции творчества игроков путем проведения различных творческих конкурсов, а также к созданию массива «фанатского

творчества», созданного по заказу профессиональными художниками. Популярность игровых мемов привлекает и людей, настроенных на продвижение собственного контента, например владельцев различных сайтов и пабликов в соцсетях, публикующих игровые мемы для привлечения новой аудитории.

Компьютерные игры, таким образом, расширяют и дополняют реальность для игроков, становятся источниками ярких образов, персонажей, идиом, стимулирующих тематическое творчество. Такой пользовательский контент преумножает трактовки сюжетов компьютерных игр, расширяет их воздействие на целевую аудиторию, дает возможность ярким игровым образам перешагнуть границы игры и стать частью культуры, повседневной жизни и медиареальности.

Источники

Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195–200.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

Лазченко У. Р., Степина А. Ю. Трансмедийный сторителлинг // Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2017. С. 136–137.

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003.

Миловидов С. В. Трансмедийный сторителлинг как способ превращения фанатских практик в культурную индустрию // Наука телевидения. 2021. № 17.1. С. 29–47.

Пономарев Н. Ф. Трансмедийные проекты и трансмедийные франшизы. // E-Scio. 2019 . 11 (38). С. 135–144.

Сапанжа О. С., Ершова Д. Е. Арт-мем в дискурсе современной культуры: аналитические статусы и практические возможности // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12–2 (66). С. 34–37.

Соколова Н. Л. От «наивного» искусства к фан-арту // Вопросы культурологии. 2010. № 3. С. 114–118.

Тимофеев С. Б. Инструмент прогнозирования и проверки трансформирующего потенциала видеоигр // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. Т. 37. С. 46–55.

Трушникова Е. Л. Теоретические аспекты исследования фантастического // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2007. № 11. С. 86–91.

Тулисова В. А. Трансформация средств массовой коммуникации: от традиционных средств массовой информации к new media // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 2. С. 228–244.

Фетисова Т. А. Фэнтези — феномен современной культуры. Обзор // Вестник культурологи. 2017. № 2 (81). С. 179–192.

Четина Е. М., Клейкова Е. А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 95–104.

Gambarato R.R., Freeman M. The Routledge Companion to Transmedia Studies. New York: Routledge, 2019.

Jenkins H. Transmedia Storytelling. Moving Characters from Books to Films to Video Games can Make them Stronger and more Compelling // MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling> (дата обращения: 9.02.2022).

Jenkins H. Transmedia Storytelling 101. // Henryjenkins.org. URL: http://henryjenkins.org/2007/03/transmedia_storytelling_101.html (дата обращения: 9.02.2022).

Kress G., Leeuwen T., van. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication // Oxford UK: Oxford University Press, 2001.

Meikle G., Young Sh. Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; New York: Palgrave Macmillan. VI, 2011.

Pool S. I., de. Technologies of Freedom. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1983.

Ryan M. L. Narrative Across Media. The Languages of Storytelling. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2004.

Ryan M. L., Thon I. N. Storyworlds Across Media: Toward a Media-conscious Narratology. Lincoln, London, 2014.

Scolari C. A. Transmedia Storytelling: Implicit Consumers, Narrative Worlds, and Branding in Contemporary // Media Production International Journal of Communication. 2009. № 3. P. 586–606.

Ventola E., Cassily C., Kaltenbacher M. Perspectives on Multimodality. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004.

References

Chetina E. M., Klyuykova E. A. Fandoms and fanfiction: creative practices on virtual platforms // Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2015. 3 (31). pp. 95–104. In Russian.

Fetisova T. A. Fantasy is a phenomenon of modern culture. Review // Herald of Culturology. 2017. 2 (81). pp. 179–192. In Russian.

Gambarato R.R., Freeman M. The Routledge Companion to Transmedia Studies. New York, 2019.

Jenkins H. Transmedia Storytelling. Moving Characters from Books to Films to Video Games can Make them Stronger and more Compelling // MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling> (accessed: 9.02.2022)

- Jenkins H. Transmedia Storytelling 101. // Henryjenkins.org. URL: http://henryjenkins.org/2007/03/transmedia_storytelling_101.html (accessed: 9.02.2022)
- Krasnykh V. V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. Moscow, 2002. In Russian.
- Kress G., Leeuwen T., van. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. Oxford UK, 2001.
- Lazchenko U. R., Stepina A. Yu. Transmedia storytelling // *Communication in the modern world*. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Voronezh: Voronezh State University. 2017. pp. 136–137. In Russian.
- McLuhan G. M. Understanding the Media: Human External Extensions. Transl. into Russian by V. Nikolayeva. M., 2003.
- Meikle G., Young Sh. Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; New York, 2011.
- Milovidov S. V. Transmedia storytelling as a way to turn fan practices into a cultural industry // *TV Science*. 2021. 17.1. pp. 29–47. In Russian.
- Ponomarev N. F. Transmedia projects and transmedia franchises. // *E-Scio*. 2019. 11 (38). pp. 135–144. In Russian.
- Pool S. I., de. Technologies of Freedom. Cambridge, 1983.
- Ryan M. L. Narrative Across Media. The Languages of Storytelling. Lincoln, 2004.
- Ryan M. L., Thon I. N. Storyworlds Across Media: Toward a Media-conscious Narratology. Lincoln, London, 2014.
- Sapanzha O. S., Ershova D. E. Art-meme in the discourse of modern culture: analytical statuses and practical possibilities // *International Research Journal*. 2017. 12–2 (66). pp. 34–37. In Russian.
- Scolari C. A. Transmedia Storytelling: Implicit Consumers, Narrative Worlds, and Branding in Contemporary // *Media Production International Journal of Communication*. 2009. 3. Pp. 586–606.
- Sokolova N. L. From “naive” art to fan art // *Issues of Cultural Studies*. 2010. 3. Pp. 114–118. In Russian.
- Timofeev S. B. A tool for predicting and testing the transformative potential of video games // *Bulletin of the Irkutsk State University*. Series: Psychology. 2021. 37. Pp.46–55. In Russian.
- Trushnikova E. L. Theoretical aspects of the study of the fantastic // *Vestnik of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2007. 11. Pp. 86–91. In Russian.
- Tulisova V. A. Transformation of mass media: from traditional mass media to new media // *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2017. Vol. 6. 2. Pp. 228–244. In Russian.
- Ventola E., Cassily C., Kaltenbacher M. Perspectives on Multimodality. Amsterdam, 2004.
- Zinoviyeva N. A. The impact of memes on Internet users: typology of Internet memes // *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2015. 1. Pp. 195–200. In Russian.

Мизиряк, Надежда Андреевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. nzinoveva@yandex.ru

Miziryak, Nadezhda A., Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. nzinoveva@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА / ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ОБИТАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.27bc-1c54
EDN: TUPMBD

Е. Н. Рассолова, К. А. Галкин

«ГОРОД ТЫСЯЧИ СМЫСЛОВ». РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦИОЛОГОВ ОБ ИДЕНТИЧНОСТЯХ РОССИЙСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

В статье последовательно разбирается феномен городской идентичности крупного российского индустриального города- Набережные Челны. Описываются особенности опыта города и рассматриваются перспективы развития города в зависимости от тех или иных, обозначенных опытов. Обсуждаются вопросы травм и различных исторических событий, которые повлияли на формирование идентичности города. На основе анализа опыта города с применением трех-частной модели Ландшафт-Деятельность-Опыт раскрывается идентичность индустриального города и особенности многогранности смыслов, которые формируют подобную идентичность.

Ключевые слова: город, смыслы города, индустриальный город, идентичность города, постсоветские города

ELENA N. RASSOLOVA, KONSTANTIN A. GALKIN

“THE CITY OF A THOUSAND MEANINGS”. SOCIOLOGISTS’ REFLECTIONS ON THE IDENTITIES OF THE RUSSIAN INDUSTRIAL CITY

The article consistently examines the phenomenon of urban identity of a large Russian industrial city — Naberezhnye Chelny. The features of the experience of the city are described and the prospects for the development of the city are considered, depending on those or other designated experiences. The issues of traumas and various historical events that influenced the formation of the identity of the city are discussed. Based on the analysis of the city’s experience using the three-part

Landscape-Activity-Experience model, the identity of the industrial city and the features of the versatility of meanings that form such an identity are revealed.

Keywords: city, city meanings, industrial city, city identity, post-Soviet cities

Введение

Современные города становятся площадками для конструирования новых городских сцен, где могут разворачиваться различные социальные практики и сценарии. Трансформирующаяся реальность приводит к необходимости перепрограммирования территорий и поиска новых смыслов, которые могли бы находить отклик у разных поколений горожан.

Подходы современной урбанистики акцентируют внимание на определяющей роли общественных пространств в жизни городов как возможных городских сцен. Городская среда определяет возможный набор пространств и их характеристики. На протяжении столетий города возникали естественным образом, вырастали стихийно, подчиняясь своей внутренней логике и законам. Диаметрально противоположным стал советский опыт градостроительства, результатом которого стало создание целого ряда искусственных, четко спроектированных городов, запрограммированных на выполнение нескольких функций. Так появились монофункциональные города, которые могли успешно функционировать в условиях плановой экономики. Таковыми стали города, построенные вдоль БАМ, а также крупные промышленные города, выросшие вокруг предприятий. Особый интерес в текущих условиях представляет потенциал постсоветских индустриальных городов, которые представляют собой особый тип территорий, сконструированных в период СССР для выполнения определенных функций. Обычно такие города подчинялись строгой логике, где жизнь горожан была четко спланирована по заранее определенным сценариям. Современная переходная эпоха вызывает необходимость перепрограммирования имеющихся пространств и конструирования новых городских смыслов.

Перепрограммирование общественных пространств с сохранением архитектурной формы, но с изменением содержания — одна из попыток сохранить идентичность места, района, города, где оно расположено. Форма и характер пространства зависят от возможности “договориться” городу и гражданам, так как по архитектурному,

социально-культурному наполнению территории можно определить характер и качество сети “город-сообщество-горожанин”(Валькова и др.2018; Захарова2017; Lathamet. al.2019).

Какой он индустриальный город?

Самый распространенный подход к пониманию содержания понятия «индустриальный город» — общественно-исторический (общественно-историческое основание). Индустриальный город в подобном понимании — это любой город, «вошедший в индустриальную эпоху или рожденный ей». Именно в городах концентрируются все основные ресурсы (человеческие, материальные, интеллектуальные) и именно здесь происходит самый значимый модернизационный прорыв XIX в. Может быть обнаружено немало примеров такого мышления о городе в Советском Союзе 20–30-х годов, но классический пример—Нью-Йорк Роберта Мозеса (Харви2008; Валяева и др., 2017). Несколько утрируя, можно сказать, что метафорика высокого урбанизма проходит путь от Сияющего града Джона Уинтропа до Лучезарного города Ле Корбюзье (Fitting2002).

Таким образом, под индустриальным городом в общественно-историческом аспекте следует понимать тип поселения людей: во-первых, отправной точкой возникновения, формирования и развития которого является производство, массовое внедрение машинной техники как средств производства, преимущественно в промышленности; во-вторых, производственная деятельность которого в том числе направлена на генерирование технико-технологических инноваций, а также на проникновение их во все сферы жизнедеятельности общества; в-третьих, социально-экономическое развитие которого происходит в соответствии с тремя основными социально-экономическими законами индустриального общества: законом экономии времени; законом возвышения потребностей; законом перемены труда (Westwoodet. al.1997; Мохов2018).

Ряд городов, спроектированных в эпоху СССР возник в процессе строительства крупных объектов, соорудавшихся в процессе масштабных всесоюзных коллективных строек. Социально-географическое основание, выраженное в расположении города в определенном ландшафте, наличие возможных ресурсов определяет род его функций (механический подход). Поселения, возникавшие на пути следования строек, приводили к появлению малых индустриальных городов, которые были запрограммированы на выполнение только некоторого

ряда функций с минимальным набором возможных социально-экономических формаций. Например, города, расположенные вдоль БАМ, представляют собой монофункциональные территории, успешно функционировавшие в условиях плановой экономики, однако являющиеся депрессивными в современную эпоху трансформаций. Здесь наблюдается миграция населения в более благоприятные регионы, рост безработицы и общая маргинализация. Р. Абрамов указывает на феномен «деиндустриализации», который характерен для большинства российских городов: «В течение последних двадцати лет Россия пережила несколько промышленных кризисов, которые лучше всего описываются термином «деиндустриализация»: происходит распад советской индустриальной системы, что означало высвобождение гигантских производственных мощностей, безработицу, закрытие предприятий...» (Абрамов2019).

Развитие культурного ландшафта, возможность возникновения новых практик и сценариев определяются различными характеристиками территории — масштабностью, изначальной социально-экономической программой и существующим опытом «быть городом». В рамках нашей статьи мы анализируем возможные трансформации и появления новых идентичностей в городе Набережные Челны, которые были выделены в контексте коммерческого исследования, проводимого в городе прошлым летом.

Для понимания идентичности Челнов была использована трех-частная модель городской идентичности Ландшафт- Деятельность- Опыт, где каждое событие, произошедшее в истории города, было рассмотрено с точки зрения его влияние на природный, культурный ландшафт, виды деятельности. Основным инструментом для работы с данной моделью была река времени, когда на шкале истории города отмечаются разномасштабные события, в зависимости от глубины погружения и исследуется их влияние с точки зрения ландшафта, видов деятельности. В результате мы приходим к тому, какие опыты получила данная территория, что и может считаться частью культурной памяти. Это глобальные величины, проявившиеся в культурном ландшафте города. Для исследования культурной памяти города/района/квартала/дома была проанализирована краеведческая, историческая литература, опубликованные источники, художественная литература, поэзия, тексты интервью, дневники и др. Следующий этап — систематизация полученных данных в хронологическом порядке. Затем каждое событие или самые значимые (в зависимости от масштаба и степени детализации) осмысляются в трех плоскостях, как они повлияли на

физический ландшафт места, какая сложилась деятельность и какой в итоге сформировался опыт. В настоящей статье мы последовательно рассматриваем опыты города и выделяем различные травмы, которые характерны для города и его идентичности.

Опыты и идентичность

Опыт торгового центра (торговая база). Исторически Набережные Челны были хлебным краем, Сегодня можно говорить о том, что Челны стали для агломерации торговым центром, сюда приезжают из близлежащих городов за покупками (в современности — высокая плотность ТЦ на душу населения). Сегодня создается ощущение Челнов как растянувшегося между старым городом и новым оптового рынка, где важным является удобство и приобретение товаров, а некоммуникация. Важным опытом является способность быть культурным, идеологическим центром. Он был востребован и сформировался в связи со строительством завода «Камаз». Завод отвечал за идеологическое и культурное воспитание сотрудников и всего города. Сюда приезжали передовые театральные группы, поэты, писатели, художники. На «Камазе» была одна из самых передовых социологических служб всего советского союза. Фактически речь идет об истоках социокультурного программирования территории. Сегодня переосмысление данного опыта могло бы вдохнуть жизнь в город, предложить запуск креативной экономики. Человеческий потенциал есть, однако пока в Челнах отсутствуют или недостаточно развиты сферы для применения данных компетенций и опыта.

Опыт транзита. Определяется выгодным природно-географическим положением. Расположившись на Каме, сначала село и позднее сам город был в центре транспортной артерии. Опыт транзита усилился после основания Нижнекамска агломерации, строительство аэропорта запуска завода Камаз в 1969 г., строительство аэропорта Бегишево. Кроме того, можно говорить о своеобразном транзите и в символическом пространстве. Челны — это своеобразный транзит идей, место где самые разные идеи пересекаются. Это было связано с тем что во время строительства сюда приезжали активные интеллектуалы, со своими идеями из разных уголков СССР.

Опыт границы. Граница между природным и искусственным, дихотомия буйством свобода природы берег Камы, обилие зелени

внутри города, сосновые леса и упорядоченной машины города-производства (биоробот) природная граница. Опыт исследователей-новаторов появляется с момента всесоюзной стройки, когда сюда со всего СССР приехали ученые, научно-техническая интеллигенция, социологи, социальная инженерия. Часть челнинцев до сих пор находятся в поисках глобальных смыслов как экзистенциальных, так и вполне конкретных — смысла города, деятельности, искусства и т. д. Жители Членов в ряде сфер находились в авангарде, именно здесь зарождается и проявляется современное искусство, речь идет о творчестве Ильдара Ханова, которое получило своеобразное символическое продолжение в творчестве современных челнинцев Данила Ахметшина, Хамзы Шарипова, Димы Ребуса, а также в фестивале “Сказки на Каме”.

Опыт новаторства. Данный опыт выражен в том числе и в зарождении городской науки. В 1980-м году появляется первый самостоятельный институт — Камский политехнический институт. Размещается он также в недостроенном здании, которое перепрофилируют под главное здание института. Постепенно образуются технические научные школы, которых сейчас насчитывается порядка шести. Школы формировались практически с самого основания института, закладывались традиции, поколения исследователей. В конце 1980-х годов появляется второй самостоятельный городской институт, ставший, впоследствии, педагогическим университетом с образовавшимися там педагогическими научными школами.

Травмы в идентичности города

Опыт строительства идеального города, который так и не был построен. Это ностальгия по несбывшимся и нереализованным надеждам. Предполагалось, что создание “удобного” города перейдет на следующую ступень — комфортного, наполненного разными смыслами и поддержанного идеальной средой — широкими проспектами, развязками. Это должен был быть город космического, машинного масштаба, масштаб сохранился, но переход к комфорту не состоялся и велик разрыв между соразмерностью человека и ориентацией на машины. Последние тоже сегодня, как и промышленное производство переживают нелучшие времена и требуют переосмысления. Следующая травма — пожар на Камазе в 1993, когда крах всего СССР на

ложился на локальную катастрофу и город был вынужден в спешном порядке разбираться с возникшими проблемами. Наличие и активная деятельность челнинских ОПГ до сих пор не была осмыслена на уровне городской идентичности.

Список культурных травм можно продолжить, важно, что в контексте Челнов часть из них героизируется. Набережные Челны — это город героев, здесь есть место подвигу как в прошлом, так и настоящем и даже деятельность ОПГ может интерпретироваться как своеобразное геройство. Челны — это город, устремленный в будущее. Здесь почти нет ностальгии по Золотому веку “Утраченному прошлому”, возможно поскольку его особенно и не было, золотой век должен был наступить в будущем, а этого не произошло. Поэтому, на наш взгляд, и идентичность, необходимо позиционировать через актуализацию мечтаний, проектов, футурологии и изучения разноплановости опытов, которые в последствии помогут модифицировать и трансформировать индустриальный город и сделать его более комфортным и удобным для жизни и создать пересечения с развитием и других подобных городов.

Заключение

Набережные Челны- город-интроверт, похожий на подростка, отчаянно желающего эмансипироваться от родителя-Камаза, но не всегда берущего на себя ответственность за самого себя. Отсюда вопросы и проблемы, которые возникают: нежелание быть зависимым, действовать по указке, бунтарство внутреннее и внешнее, но в тоже время претензии, когда не получает ресурсов в связи с возникшей сепарацией.

В ходе наших размышлений и выделения различных опытов мы хотели показать не гомогенность и развилку множественных дорог и путей российских индустриальных городов, где немаловажное значение приобретает транзит и последовательный переход к новым смыслам при этом сохранение прежних опытов и прежней травмы. Также в рамках эссе мы старались показать сложности в зависимости индустриальных городов от одного предприятия, которое под час создает весь образ города, но при этом за подобным образом теряются и другие смыслы и другой имеющийся опыт. Преимущество антропологических и социологических исследований такого опыта

закljučается прежде всего в том, что они позволяют открыть и обозначить существующие опыты городского развития и как следствие проанализировать особенности в сохранении подобных опытов и памяти городов для их дальнейшего осмысления и анализа.

Источники

Абрамов Р. Н. Рабочие в современных социологических исследованиях: российский контекст //Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3. №. 3. С. 283–291.

Валькова Т. М., Фролова В. А. Влияние городских программ благоустройства и расширения событийного календаря на туристскую привлекательность территории (на примере г. Москвы) //Лесной вестник/Forestry bulletin. 2018. Т. 22. №. 4. С. 44–50.

Валяева Н. А., Карелин Д. В. Развитие застроенных территорий. Основные аспекты реализации //Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2017. №. 4 (63). С. 19–27.

Захарова Е. Е. Общественные пространства как факторы социокультурного развития локальных территорий //Вестник культуры и искусств. 2017. №. 2 (50). С. 122–127.

Мохов В. П. Город как индустриальный проект в постиндустриальную эпоху //Политика и общество. 2018. №. 9. С. 9–15.

Харви Д. Право на город //Логос. 2008. Т. 3. №. 66. С. 80–94.

Fitting P. Urban planning/utopian dreaming: Le Corbusier's Chandigarh today //Utopian Studies. 2002. Т. 13. №. 1. С. 69–93.

Latham A., Layton J. Social infrastructure and the public life of cities: Studying urban sociality and public spaces //Geography Compass. 2019. Т. 13. №. 7. С. e12444.

Westwood S., Williams J. Imagining Cities: scripts, signs, memory. — Psychology Press, 1997. — Т. 49.

References

Abramov R. N. Workers in modern sociological research: the Russian context. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya*. 2019. No. 3. P. 283–291(In Russ.)

Fitting P. Urban planning/utopian dreaming: Le Corbusier's Chandigarh today. *Utopian Studies*. 2002. No.1. P. 69–93.

Harvey D. Right on the city. *Logos*. 2008. No. 66. P. 80–94(In Russ.)

Latham A., Layton J. Social infrastructure and the public life of cities: Studying urban sociality and public spaces. *Geography Compass*. 2019. No.7 P.12444.

Mokhov V. P. The city as an industrial project in the post-industrial era. *Politika i obshchestvo*. 2018. No. 9. P. 9–15 (In Russ.)

Valkova T. M., Frolova V. A. The impact of urban improvement programs and the expansion of the event calendar on the tourist attractiveness of the territory (on the example of Moscow). *Lesnoj vestnik*. 2018. No. 4. P. 44–50 (In Russ.)

Valyaeva N. A., Karelin D. V. Development of built-up areas. Main aspects of implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2017. No. 4. P. 19–27 (In Russ.)

Westwood S., Williams J. *Imagining Cities: scripts, signs, memory*. Psychology Press. 1997. Vol. 49.

Zakharova E. E. Public spaces as factors of socio-cultural development of local territories. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2017. No. 2. P. 122–127 (In Russ.)

Рассолова Елена Николаевна, младший научный сотрудник.
Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. enrassolova@gmail.com

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. kgalkin1989@mail.ru

Rassolova, Elena N., Junior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. enrassolova@gmail.com

Galkin, Konstantin A., PhD in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. kgalkin1989@mail.ru

А. С. Мищенко

**ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В МАЛЫХ МОНОПРОМЫШЛЕННЫХ
ГОРОДАХ РОССИИ**

В статье описывается подход автора к изучению экологических проблем с применением понятия социально-экологической ситуации. Дается интерпретация этого понятия и пример его использования при обследовании малых монопромышленных городов России. Приводятся результаты такого обследования, которые показывают, что данный подход можно использовать при изучении экологических проблем малых городов и других социально-территориальных образований.

Ключевые слова: экологическая ситуация, экологическая обстановка, острота экологической ситуации, социально-экологическая напряжённость, экологический ущерб, социально-экологический конфликт, социально-экологическая ситуация.

A. S. MISHCHENKO

**THE EXPERIENCE OF STUDYING
THE SOCIO-ECOLOGICAL SITUATION
IN SMALL MONO-INDUSTRIAL
CITIES OF RUSSIA**

The article describes the author's approach to the study of environmental problems using the concept of socio-ecological situation. The interpretation of this concept and an example of its use in the survey of small mono-industrial cities of Russia are given. The results of such a survey are given. These results show that this approach can be used in the study of environmental problems of small towns and other socio-territorial entities.

Keywords: ecological situation, ecological situation, severity of the ecological situation, socio-ecological tension, environmental damage, socio-ecological conflict, socio-ecological situation.

Введение

Различные типы цивилизаций исторически по-разному были связаны с природной средой и по-разному осваивали ее. Часто это приводило к глобальным конфликтам между социумом и природной средой и заканчивалось экологическими катастрофами, которые в крайних ситуациях приводили к гибели социумов и целых цивилизаций (Моисеев Н.Н. 1992).

В современном постиндустриальном обществе отношение между обществом и природой становится одним из важнейших условий дальнейшего развития этого общества. Вся технологическая деятельность выстраивается в соответствии с основными законами экологии для того, чтобы избежать негативных последствий для природной среды и тем самым обеспечить безопасную и здоровую среду для развития человека (Лось В.А. 2013).

В современной же России наблюдается масштабное ухудшение состояния окружающей среды в результате хищнического использования природных ресурсов, что было характерно для индустриальной стадии развития капитализма в странах Западной Европы и Северной Америки (Тагаева, Гильмундинов, Казанцева 2016).

Без перехода к новому способу взаимодействия с природой российскому обществу вряд ли удастся осуществить модернизацию и перейти на постиндустриальную стадию развития.

Большую роль в этом играет способность социума осознать опасность усугубления экологических проблем и адекватно реагировать на них, включаясь в борьбу за их разрешение. Это предполагает изменение в общественном сознании, формирование такого его элемента, как экологическое сознание и, в итоге, -экологической культуры, соответствующей постиндустриальному обществу.

Автор участвовал в проекте по изучению социальной ситуации в малых монопромышленных городах Северо-западного региона России в 2018 г. в результате которого были получены данные об экологических проблемах этих городов, которые легли в основание данной статьи.

Теоретико-методологические основания исследования

В ходе интерпретации основных понятий возникла проблема с определением понятия социально-экологическая ситуация. В ряде отечественных источников упоминается термин социально-экологическая ситуация, но при этом не дается его определение (Маркович, Жуков, Бганба-Церера 1998), (Сосунова 2009).

Для того, чтобы определить это понятие автору пришлось обратиться к термину экологическая ситуация, которое применяется в геоэкологии. Кочуров Б.И. определяет это понятие следующим образом: **экологическая ситуация** - это пространственно-временное сочетание различных, в том числе, позитивных и негативных с точки зрения проживания и состояния человека, условий и факторов, создающих определённую экологическую обстановку на территории разной степени благополучия или неблагополучия (Кочуров 1999).

Под экологической обстановкой понимается конкретное состояние окружающей человека среды, обусловленное взаимодействием природы и хозяйственной деятельности человека.

Кочуров Б.И. выделяет такую характеристику экологической ситуации как её острота. По критерию остроты экологических ситуаций им выделяются следующие их уровни:

— удовлетворительная ситуация: из-за отсутствия прямого или косвенного антропогенного воздействия все показатели свойств ландшафтов не меняются;

— конфликтная ситуация имеет место в том случае, когда наблюдаются незначительные в пространстве и во времени изменения в ландшафтах, в том числе в средо- и ресурсовоспроизводящих свойствах, что ведёт к сравнительно небольшой перестройке структуры ландшафтов и восстановлению в результате процессов саморегуляции природного комплекса или проведения несложных природоохранных мер;

— напряжённая ситуация характеризуется негативными изменениями в отдельных компонентах ландшафтов, что ведёт к нарушению или деградации отдельных природных ресурсов и, в ряде случаев, к ухудшению условий проживания населения; при соблюдении природоохранных мер напряжённость экологической ситуации, как правило, спадает;

— критическая ситуация определяется по значительным и слабокомпенсируемым изменениям ландшафтов; происходит быстрое нарастание угрозы истощения или утраты природных ресурсов (в том числе генфонда), уникальных природных объектов, наблюдается устойчивый рост числа заболеваний из-за резкого ухудшения условий проживания;

— кризисная ситуация приближается к катастрофической, в ландшафтах возникают очень значительные и практически слабо компенсируемые изменения, происходит полное истощение природных ресурсов и резко уменьшается здоровье населения;

— катастрофическая ситуация характеризуется глубокими и часто необратимыми изменениями природы, утратой природных ресурсов и резким ухудшением условий проживания населения, вызванными

в основном многократным превышением антропогенных нагрузок на ландшафты региона; важным признаком катастрофической ситуации является угроза жизни людей и их наследственности, а также утрата генофонда и уникальных природных объектов.

Под выявлением экологических ситуаций подразумевается: установление перечня (набора) экологических проблем; пространственная локализация экологических проблем; определение комбинации (сочетания) экологических проблем и отнесение выявленного ареала к той или иной степени остроты экологической ситуации (Кочуров 1999).

И. А. Сосунова, не давая определения социально-экологической ситуации, выделяет следующие основные показатели, характеризующие социально-экологическую ситуацию:

- миграции по экологическим причинам;
- потеря рабочих мест на экологически опасных производствах, подлежащих временной остановке или ликвидации;
- количестве заболеваний по экологическим причинам;
- доступность компенсации экологического ущерба;
- изменение характера питания вследствие экологических причин;
- изменение рекреационных возможностей вследствие экологических причин;
- «экологический терроризм»;
- социально-экологическая напряжённость (Сосунова И.А. 2009: 36–37).

В качестве основного показателя социально-экологической ситуации И. А. Сосунова выдвигает социально-экологическую напряжённость. Социально-экологическая напряжённость — отражает результат сложного взаимодействия экологических, социальных и духовных факторов, является индикатором актуализации социально-экологических процессов (Сосунова И.А. 2005: 98).

Для оценки возрастания социально-экологической напряженности И. А. Сосунова предлагает следующие стадии:

- **стадия отсутствия напряженности**, характеризующаяся сбалансированностью условий и требований, порождаемых экологической ситуацией, а также намерений и ожиданий социального субъекта. Это состояние выражается в положительной или нейтральной оценках влияния сложившейся экологической ситуации на жизнедеятельность субъекта. Данной стадии соответствует **«нулевой уровень» социально-экологической напряженности**. Отсутствие социально-экологической напряженности не означает отсутствия социально-экологических проблем. Последние могут находиться в латентной фазе, но их изучение

и прогноз развития являются не менее актуальными, чем на любой другой стадии;

— **начальная (диффузная) стадия**, для которой свойственно состояние общественного сознания, характеризующееся оценкой экологической ситуации как вызывающей определенную ущербность жизненных условий, потенциально угрожающей важнейшим интересам и потребностям. По сравнению с предыдущей на данной стадии резко возрастает обеспокоенность населения экологической ситуацией, распространяются тревога, недоверие властям, руководству промышленных предприятий и т. п.;

— **стадия явной социально-экологической напряженности**, для которой характерно осознание экологической ситуации, реально угрожающей интересам социального субъекта, появление признаков готовности противостоять нежелательным изменениям, распространение доминирующих представлений о желательных путях нормализации обстановки, формирование «образа врага» и т. д.;

— **стадия социально-экологического конфликта**, на которой завершается осознание социальным субъектом (слоем, группой, территориальной общностью и т. п.) глубокого несоответствия экологической ситуации его ценностям и интересам, проявляется готовность устранить данное несоответствие путем социального столкновения, предпринимаются целенаправленные конфликтные действия и т. д. (Сосунова И.А. 2005: 98).

По мнению Сосуновой И.А., возникновение социально-экологической напряженности связано с наличием социального противоречия (социальной проблемы), порожденного воздействием антропогенных экологических факторов на природную среду. При этом те социальные субъекты, которые выбрали в качестве средства разрешения данного противоречия столкновение, борьбу, соперничество, становятся субъектами социально-экологического конфликта. Поэтому социально-экологический конфликт не является совершенно самостоятельным феноменом, а представляет собой последнюю, но наиболее острую стадию социально-экологической напряженности (Сосунова И.А. 2005: 98–99).

Опираясь на вышеизложенное, автор попытался дать своё определение социально-экологической ситуации.

Социально-экологическая ситуация — это пространственно-временное сочетание различных факторов, создающих определённую экологическую обстановку на территории, занимаемой определённым социумом, обусловленную взаимодействием природы и его

хозяйственной деятельности, а также восприятием социальными субъектами, входящими в этот социум, условий своей жизнедеятельности, связанных с экологической обстановкой.

В соответствии с этими представлениями о природе социально-экологической ситуации, в методологию и методики исследования цивилизационных изменений российского общества (на примере малых монопромышленных городов) было включено изучение восприятия экологических проблем различными группами жителей этих городов и их реакции на эти проблемы. Особое внимание уделялось акторам из числа жителей, готовым принять участие в разрешении этих проблем, в первую очередь, — низовым экологическим инициативам и экологическим движениям горожан.

Вопросы об экологических проблемах включались в сценарий экспертного интервью, сценарий фокус-групп и в анкету для массового опроса. Кроме того, был разработан специальный сценарий интервью с участниками низовых экологических инициатив и движений.

В анкете для массового опроса экологические проблемы включались в вопрос о беспокоящих жителей города проблемах. Кроме того, в анкете задавался вопрос с перечнем экологических проблем и вариантом открытого ответа.

В сценарий экспертного интервью входил блок вопросов об экологических проблемах, включавший вопросы о причинах их возникновения, о путях их решения, об отношении жителей города к экологическим проблемам, об их поведении по этому поводу, о наличии в городе экологических инициатив и движений и об отношении к ним жителей.

В сценарий фокус-групп также включались вопросы об экологических проблемах, причинах их возникновения, путях их решения, отношении к ним жителей, участии в решении экологических проблем.

В сценарий интервью с участниками экологических инициатив и движений входили четыре блока вопросов:

- о конкретных экологических проблемах, за решение которых борется движение, о путях их решения.

- о возникновении движения, причинах включения участника в движение, о понимании участником идеи и целей движения.

- о формах работы движения, практиках и мероприятиях, осуществляемых движением.

- об отношениях движения с внешней средой: с местной властью, другими общественными движениями. Используемые движением ресурсы (финансовые, организационные, информационные).

Исследование проводилось в пяти малых городах, и которых два — в Ленинградской области, два — в Вологодской области, один — в Архангельской области. Из этих городов четыре являлись монопромышленными городами, а один — агропромышленным городом, занимающимся переработкой сельскохозяйственной продукции.

Основные результаты исследования

Все обследованные города имеют те или иные экологические проблемы.

Какое-то представление об озабоченности этими проблемами дают ответы на вопросы об общих проблемах (таблица 1) и собственно об экологических проблемах (таблица 2), полученных при опросе жителей одного из городов. Город этот, если учитывать мнение экспертов, опрошенных во всех городах, можно отнести по остроте экологических проблем к среднему из обследованных городов. В этом городе было опрошено 500 человек по репрезентативной выборке.

Из таблицы 1 видно, что экологические проблемы волнуют примерно 15% опрошенных. Из таблицы 2 видно, какие именно экологические проблемы волнуют жителей этого города.

Практически, все эти проблемы волнуют, по мнению экспертов и участников фокус-групп, жителей и в других обследованных городах. Рассмотрим особенности этих проблем в восприятии экспертов и участников фокус-групп.

Проблема утилизации бытовых отходов. Эта проблема остро стоит во всех обследованных городах. Ее можно разделить на две составляющих: сбор и вывоз бытовых отходов, складирование и утилизация бытовых отходов. Ни в одном из обследованных городов нет утилизации (переработки) бытовых отходов. Отходы вывозят и складировать на мусорных полигонах. И здесь ситуации в каждом из городов различные.

Практически, нет ни одного города, где ситуация со сбором и вывозом бытового мусора была идеальной.

В одном из городов полигон отходов находится в полутора километрах от города, а на него стали привозить мусор из окрестных городов, где полигоны были уже заполнены. Кроме того, по согласованию с правительством области, планировалось открытие недалеко от города большого полигона для сбора бытовых отходов со всей области. Кроме того, в этом же городе существует и проблема со сбором мусора. Его собирают управляющие компании и не всегда вывозят вовремя. Из-за этого мусор разносится ветром и животными по городу.

Таблица 1. Актуальные повседневные проблемы для населения

Вариант ответа	Доля ответивших (%)
Опрошено, чел. всего	500
Какие повседневные проблемы беспокоят Вас больше всего?	Ранжировано в порядке убывания.
Состояние дорог	63,4
Рост цен	61,2
Состояние медицинского обслуживания	55,8
Неблагоустроенность дворов	51,4
Низкие зарплаты, пенсии	49,2
Работа жилищно-коммунальных служб	29,2
Безработица	19,8
Пьянство	19,6
Экологические проблемы	14,4
Наркомания	9,0
Плохое состояние домов и квартир	9,0
Жилищная проблема	8,2
Отсутствие порядка, бездействие властей	7,8
Произвол чиновников, коррупция	7,6
Наплыв приезжих, мигрантов	6,4
Организация досуга для детей и молодёжи	6,4
Преступность	5,4
Состояние и работа детских дошкольных учреждений	4,2
Работа полиции	4,0
Состояние и работа школ	3,4
Кризис в экономике, плохое положение в промышленности	2,6
Состояние учреждений культуры	1,6
Задержки в выплате зарплаты, пенсий, пособий	1,4

Конфликты между различными ветвями власти в городе	1,0
Работа общественного транспорта	1,0
Другие	0,6
У меня проблем нет	0,4
Затрудняюсь ответить	0,8

Таблица 2. Экологические проблемы, волнующие жителей города

Какие из перечисленных ниже экологических проблем волнуют Вас больше всего? Ранжировано в порядке убывания.	
Проблема утилизации бытовых отходов	59,0
Чистота воды	57,8
Загрязнение воздуха	54,8
Состояние лесов, окружающих город	32,6
Чистота рек и озёр	28,6
Озеленение города	14,8
Сохранение животного мира	6,6
Другие	0,4
Меня эти проблемы не волнуют	0,2
Затрудняюсь ответить	2,2

Такая же проблема вывоза мусора управляющими компаниями ЖКХ существует и в других обследованных городах. Только в одном из городов опрошенными экспертами и участниками фокус-группы отмечалось, что с этим проблемы нет.

Вносят свою лепту в загрязнение своих городов и сами их жители. Они разбрасывают бытовой мусор, устраивают стихийные свалки мебели и бытовой техники. Это характерно, в той или иной степени, для всех обследованных городов.

В описываемом выше городе проблемы складирования бытовых отходов почти в черте города и планы строительства большого полигона в окрестностях привели к протестам населения и появлению экологического движения, которое стало бороться за исправление ситуации с бытовыми отходами.

Подобная ситуация сложилась и в другом городе, — как раз в том, где проблемы с вывозом и складированием мусора не было. Но появились планы строительства большого полигона в соседнем с городом районе, на который планируется свозить отходы из других областей. Это вызвало протесты у жителей города, которые создали инициативную группу по сбору подписей против создания такого полигона. Учитывая опыт другого города, описывавшегося выше, возможно, из такой группы вырастет местное экологическое движение.

И власти обследованных городов, и эксперты, и участники фокус-групп достаточно хорошо понимают, что проблема бытовых отходов связана с отсутствием их переработки. В трех из обследованных городов делались попытки наладить раздельный сбор мусора, но из-за отсутствия перерабатывающего его предприятия, отказались от такого метода.

В одном из городов организован сбор макулатуры, которую отправляют на один из целлюлозно-бумажных комбинатов.

Администрация городов ведет борьбу с бытовыми загрязнениями путем организации субботников по уборке мусора. В городах действуют волонтерские молодежные группы по поддержанию чистоты.

Однако, по мнению многих из опрошенных экспертов, уровень бытовой культуры жителей не позволяет решить проблему бытового загрязнения городов.

В нескольких городах в школах ведут работу по привлечению детей к уборке города, чтобы выработать у них привычку к поддержанию в городе чистоты. В одном из городов такую работу ведет городской Дом культуры.

«Наш Дом культуры организовал в летний период работу с подростками по уборке мусора в городском парке, даже платили за это какие-то деньги. Молодежь с удовольствием в этом участвовала. Может быть, это повлияет на сознание подростков, и они в дальнейшем сами не будут сорить в городе».

Директор Дома культуры.

Так или иначе, проблема бытовых отходов становится на сегодня самой острой для всей территории страны. По мнению специалистов, это связано с тем, что применявшееся при социализме складирование мусора на полигонах стало неэффективным в условиях общества массового потребления, когда количество упаковочного материала потребительских товаров увеличилось на порядок.

Чистота потребляемой населением воды. В четырех из обследованных городов есть проблемы с качеством питьевой воды. В двух случаях причина была в устаревшем оборудовании для очистки воды, в третьем — в старых водопроводных трубах, которые не меняли из-за отсутствия средств. В четвертом городе были загрязнены артезианские скважины, из которых брали воду.

Плохое качество воды вызывает достаточно высокую активность жителей по этому поводу. Так, в одном из городов депутат местного совета под давлением жителей своего округа провел анализ воды, которую они потребляли. Оказалось, что вода по своим параметрам не пригодна для питья. Пользуясь поддержкой жителей города, он добился у администрации прокладки нового трубопровода в район города, от которого избирался депутатом.

В целом же проблема питьевой воды упирается в отсутствие у городских властей средств для ее решения. И это вызывает протест жителей и поддержку ими экологического движения, как происходит в одном из обследованных городов.

Загрязнение воздуха. В четырех из обследованных городов эксперты и участники фокус-групп отмечали загрязнение воздуха. Дело в том, что в этих городах размещались производства с вредными выбросами в атмосферу. Хотя представители администрации городов и уверяли, что все находится в пределах ПДК (предельно допустимой концентрации вредных веществ), но многие эксперты и участники фокус-групп были с этим не согласны. Так, в одном из городов говорили, что приезжающие на постоянное место жительства не смогли там жить из-за загрязнения воздуха, тогда как местные жители привыкли к нему. В одном из городов отмечали большое количество у населения легочных и онкологических заболеваний, аллергий у детей. В то же время, в трех из этих городов опрошенные отмечали, что в связи с сокращением производства, загрязнение воздуха уменьшилось, по сравнению с «советскими временами».

В целом проблема загрязнения воздуха в обследованных городах во-многом упирается в то, что предприятия были построены давно, и те технологические улучшения, которые предпринимает руководство, не могут обеспечить необходимую очистку выбросов. В некоторых случаях установка современного оборудования может значительно снизить рентабельность производства. Так, в одном из городов руководитель предприятия в ответ на требования экологических активистов установить новые фильтры для уменьшения выброса вредных веществ в воздух заявил, что он скорее закроет предприятие, чем это сделает.

Состояние лесов, окружающих города. Эта проблема по-разному стоит в обследованных городах. В наиболее общем виде ее можно представить, как отсутствие ухода за лесами. Леса захламлены буреломом и валежником, что затрудняет жителям их посещение с целью отдыха, сбора ягод и грибов. Специалисты в области охраны природы, у которых удалось взять интервью, отмечают, что это увеличивает пожароопасность, и количество лесных пожаров растет. Они же объясняют такое положение тем, что в стране была ликвидирована система лесоохраны. Другой причиной плохого состояния лесов они считают усложненный порядок получения разрешения на рубку и вывоз бурелома, который занимает около года, а за это время буреломный лес теряет товарную ценность.

Загрязнённость рек. Во всех обследованных городах протекают реки. Все они не пригодны по санитарному состоянию для купания. Вину за это несут как промышленные предприятия, так и руководство городов. Несмотря на то, что предприятия устанавливают очистные сооружения, они время от времени спускают в реку неочищенные стоки, экономя, таким образом, средства, так как очистка стоков обходится довольно дорого из-за реактивов и потребляемой энергии. В некоторых случаях предприятия предпочитают платить штрафы, так как это обходится дешевле, чем очистка стоков.

Такая практика существует и за рубежом. Часто государство отдает предпочтение росту и накоплению капитала (Cable, Benson 1993), поэтому регулирование той или иной отрасли бизнеса искажено в его пользу. Это называется «регулятивным захватом», когда корпорации могут сознательно рисковать, загрязнять среду и платить штрафы, не подвергаясь уголовному преследованию.

Ухудшают качество воды в реках, протекающих в обследованных городах и бытовые стоки. У городов не хватает мощности для их полной очистки, и именно они делают воду в реках непригодной для купания.

Таким образом, чистота рек также зависит от финансовых средств, как предприятий, так и коммунальных служб городов, необходимых для очистки промышленных и бытовых стоков.

Экологическая активность населения обследованных городов. Несмотря на непростую экологическую ситуацию в четырех из обследованных городов, заметные экологические движения существуют только в двух из них.

В первом случае, описанном выше, причиной возникновения движения стал завоз мусора из окрестных городов на городской полигон и планы по строительству вблизи города нового полигона для складирования отходов и мусороперерабатывающего завода с ним.

Автором было проведено групповое интервью с руководителями этого движения. Это движение возглавили местные предприниматели. Толчком к его возникновению явился начавшийся завоз на местный полигон, расположенный рядом с городом, мусора из других городов области. Это сразу сказалось на состоянии воздушной среды города, усилилось выделение свалочного газа. Пострадали жители той части города, которая находилась ближе к полигону. С этим столкнулись и организаторы движения. Они организовали пикеты у полигона, отслеживали движение машин с «чужим» мусором. Затем установили там видеокамеры.

В это же время активисты узнали о планах строительства нового большого полигона и мусороперерабатывающего завода при нём. Руководители движения собрали 5 тысяч подписей против строительства этого полигона (при числе жителей города в 30 тысяч). Эти подписи были переданы местной администрации и правительству области. В результате проект строительства «заморозили».

Ещё одним объектом внимания движения стало одно из предприятий города, которое осуществляет выбросы в атмосферу опасных веществ. Движение потребовало у владельца предприятия установить новые воздушные фильтры. Он отказался, мотивируя низкой рентабельностью производства и высокой стоимостью фильтров. Движением были посланы письма губернатору области, в Росприроднадзор, в администрацию города и в местный Совет депутатов.

Руководители движения были настроены весьма решительно и готовы были добиваться улучшения экологической обстановки в городе.

Движение имеет неплохой информационный ресурс. Один из его руководителей ведёт информационный блог, в котором освещается деятельность движения. Блог пользуется популярностью в городе.

Данное движение по его типу можно отнести к «движениям за экологическую справедливость». Эти движения, как правило, возникают в районах экологических рисков и требуют от властей усилий по улучшению состояния окружающей среды, в частности, — инвестиций для улучшения экологической обстановки (Taylor 2000, Schlosberg 2004).

В целом, можно предположить, что у данного движения были неплохие перспективы. Руководство движения являлось независимым от местной администрации и имело хорошую поддержку у жителей города.

Экологическое движение в другом из обследуемых городов представляло собой молодёжную группу, которую возглавлял выпускник местного колледжа. Ему 20 лет, он заинтересовался экологическими

проблемами и решил организовать молодёжное экологическое движение. Движение насчитывало около 12 человек, в основном, — студенты местного колледжа, в большинстве — девушки. Цель движения — сделать город чистым, приучить людей поддерживать чистоту в городе. Движение организовало сбор макулатуры, организует субботники по очистке города от бытового мусора. Акции проводят примерно раз в месяц. О своих акциях движение информирует через городские СМИ — местную газету и местное телевидение. Имеют свою группу «В контакте». В акциях по уборке города участвуют, как правило, несколько десятков человек.

Руководитель движения сознательно вступил в молодёжную организацию партии «Единая Россия» — «Молодая гвардия». Он объяснял это тем, что его движению нужна поддержка, а «Единая Россия» её даёт. Так, в частности, он получает доступ к документам по охране окружающей среды. Сам он считал, что: «партия использует наше движение, а движение использует партию».

В планы руководителя движения входило поступление в университет на специальность «экология и природопользование» и продолжение карьеры в государственных органах.

В целом это движение можно охарактеризовать как волонтёрское и как личный проект молодого карьериста, использующего экологическую конъюнктуру.

Несмотря на весьма высокое недовольство жителей экологической ситуацией в обследованных городах, их экологическая активность была невысокой. Причины этого хорошо сформулировал участник одной из фокус-групп: «Город небольшой, все друг друга знают. Станешь в пикет и тебя сразу уволят и родственников всех твоих. Всё происходит потому, что хозяева комбината выкачивают из города все ресурсы. Все деньги переводятся акционерам. Поэтому нас и травят, и зарплат у нас никакие. Люди терпят потому, что никуда не могут деться. У них здесь квартиры, у многих дачи».

Подобные ситуации возникают и за рубежом. Они характеризуются как «заработная плата важнее здоровья» (Saitta 2012).

Заключение

В целом можно отметить, что предложенный подход к определению социально-экологической ситуации и её изучению в малых моно-промышленных городах позволил выявить основные экологические проблемы, оценить остроту экологической ситуации в каждом из

обследованных городов, выявить стадию социально-экологической напряжённости в них.

Также были выявлены механизмы возникновения социально-экологических конфликтов в тех городах, в которых экологическая ситуация была близка к критической.

По результатам исследования можно сделать некоторые выводы об особенностях социально-экологической ситуации в малых монопромышленных городах.

Во-первых — экологическая ситуация в малых монопромышленных городах будет оставаться неблагоприятной. Главной причиной этого является зависимость жизнедеятельности города от градообразующего предприятия, контроль за деятельностью которого на местном уровне практически не возможен.

Во-вторых — решения экологических проблем, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия, сильно зависят от возможностей городских бюджетов.

В-третьих — уровень осознания населением обследованных городов экологических опасностей весьма высок. При этом экологическая активность жителей этих городов, за исключением одного из них, где экологическая напряжённость достигла стадии социально-экологического конфликта, низка. Чаще экологическую активность проявляет администрация городов, организуя субботники по уборке бытового мусора.

В-четвёртых — главной проблемой для городов такого типа является утилизация бытового мусора. Именно эта проблема, при её обострении, может приводить к появлению реальных экологических движений, которые возникают там, где находятся лидеры, способные их возглавить. Такие движения способны получать поддержку жителей, что может заставить и региональные и федеральные власти, наконец, принимать меры по решению этой проблемы.

Источники

Кочуров Б. И. Геоэкология: экодиагностика и эколого-хозяйственный баланс территории. Смоленск.: СГУ. 1999. 154 с.

Лось В. А. Экологические итоги развития цивилизации на рубеже XX-XXI вв. (предварительный анализ) // *Философская мысль*. 2013. № 10. С.121–141.

Маркович Д.Ж., Жуков В.И., Бганба-Церера В. Р. Социально-экологическая ситуация в России. // **Социальная экология: Учебное пособие**. М.: Изд-во

МГСУ «Союз». 1998. 340 с. Интернет версия издания. URL: http://www.rpp-msu.ru/workspace/uploads/files/kochurov-bi-geoeкологиya-ekodi-5_dcfbb9_fbba64.pdf (дата обращения 20.11.22).

Моисеев Н. Н. **Природный фактор и кризисы цивилизации. // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 84–95.**

Сосунова И. А. Социально-экологическая напряжённость: методология и методика оценки. // Социологические исследования. № 7. 2005. С.94–104.

Сосунова И. А. Актуальные проблемы социальной экологии и экосоциологии (курс лекций). М.: НИА-Природа. 2009. 173 с.

Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М., Казанцева Л. К. Экологическая ситуация и природоохранная политика в регионах России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 1. С.78–92.

Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grass-roots environmental organizations // Social Problems. 1993. Vol. 40, № 4. P. 464–477.

Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk // Journal of Risk Research. 2012. Vol. 15, № 1. P. 1299–1317.

Schlosberg D. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories // Environmental Politics. 2004. Vol. 13, № 3. P. 517–540.

Taylor D. E. The rise of the Environmental Justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses // American Behavior Science. 2000. Vol. 43, № 4. P. 508–580.

References

Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grass-roots environmental organizations, *Social Problems*, 1993, 40, (4), pp. 464–477.

Kochurov B. I. Geoecology: ekodiagnostika i ekologo-hozyajstvennyj balans territorii [Kochurov B. I. Geoecology: ecodiagnosics and ecological and economic balance of the territory.]. Smolensk.: SGU [Smolensk.: SSU], 1999, 154 p.

Los' V. A. Ekologicheskie itogi razvitiya civilizatsii na rubezhe XX-XXI vv. (predvaritel'nyj analiz) [Los V. A. Ecological results of the development of civilization at the turn of the XX-XXI centuries. (preliminary analysis)]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought.], 2013, 10, pp.121–141. (In Russian).

Markovich D.Zh., Zhukov V.I., Bganba-Cerera V. R. Social'no-ekologicheskaya situatsiya v Rossii. Social'naya ekologiya: Uchebnoe posobie [Markovich D.Zh., Zhukov V.I., Bganba-Tserera V. R. Socio-ecological situation in Russia. // Social ecology: Textbook.]. M.: Izd-vo MGSU «Soyuz» [Moscow.: Publishing house of MGSU «Soyuz”.], 1998, 340 p. (In Russian).

Moiseev N. N. Prirodnyj faktor i krizisy civilizatsii [Moiseev N. N. Natural factor and crises of civilization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity.], 1992, 5, pp. 84–95. (In Russian).

Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk, *Journal of Risk Research*, 2012, 15, (1), pp. 1299–1317.

Schlosberg D. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories, *Environmental Politics*, 2004, 13, (3), pp. 517–540.

Sosunova I. A. Social'no-ekologicheskaya napryazhyonnost': metodologiya i metodika ocenki [Sosunova I. A. Socio-ecological tension: methodology and assessment methodology.]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research], 2005, 7. pp. 94–104. (In Russian).

Sosunova I. A. Aktual'nye problemy social'noj ekologii i ekosociologii (kurs lekcij) [Sosunova I. A. Actual problems of social ecology and ecosociology (course of lectures). Moscow: NIA-Priroda. 2009. 173 p.]. M: NIA-Priroda, 2009. 173 s. (In Russian).

Tagaeva T.O., Gilmundinov V.M., Kazantseva L. K. Ekologicheskaya situatsiya i prirodoohrannaya politika v regionah Rossii [Environmental situation and environmental policy in the regions of Russia], *Ekonomika regiona [Regional economy]*, 2016, 12 (1), pp. 78–92. (In Russian).

Taylor D. E. The rise of the Environmental Justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses, *American Behavior Science*, 2000, 43, (4), pp. 508–580.

Мищенко Александр Сергеевич, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН Федерального научно-
исследовательского социологического центра Российской академии
наук, Санкт-Петербург, Россия. a_mis@rambler.ru

Mishchenko, Alexander S., Senior Research, Sociological Institute, Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation. a_mis@rambler.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.1j02-j832

EDN: YUBQYQ

Н. В. Колесник, А. В. Корниенко, С. Д. Хосужева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И КОММУНИКАЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье проанализированы основные теоретические подходы к изучению политической социализации, социальных сетей и коммуникаций, выявлены особенности в исследовании этих процессов в зарубежном и российском дискурсе. Установлено, что авторы публикаций, как правило, описывают потенциальные возможности агентов и институтов по включению социальных групп в офлайн политические процессы и политические интернет-коммуникации. На основании изученного материала выявлено, что в социальных сетях происходит активный обмен политической информацией и идеями между пользователями. Отдельным направлением в исследованиях является анализ деятельности политических субъектов, политических настроений граждан, политики по продвижению идей и политических программ среди граждан. Рассмотрение методов исследования структуры сетей интернет-пользователей позволил определить, что «иерархичность» и «социальная дифференциация» являются ключевыми при анализе социальных сетей. Отдельное внимание уделено опыту исследования социальных сетей и коммуникационных практик.

Благодарность: авторы выражают благодарность АНО ЭИСИ*.

Ключевые слова: политическая социализация, политическая коммуникация, социальные сет, агенты, власть, институты, ресурсы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АНО «Экспертного института социальных исследований» (ЭИСИ), проект «Игровые технологии вовлечения и убеждения в политических и гражданских коммуникациях в современной России» (№ 1022061700190–3.5.6.1).

NATALYA V. KOLESNIK, ALLA V. KORNIENKO, SOFIYA D. KHOSUEVA

POLITICAL SOCIALIZATION, SOCIAL NETWORKS AND COMMUNICATIONS: THE MAIN DIRECTIONS OF RESEARCH

This paper analyzes the main theoretical approaches to the study of political socialization and communication, reveals the features of the study of these processes in foreign and Russian discourse. The paper determines that studies normally describe the potential capabilities of agents and institutions of including social groups in offline political processes and political Internet communications. Based on the studied material, it is concluded that in social networks there is an active exchange of political information and ideas between users. A separate area of research is the analysis of the activities of political subjects, political sentiments of citizens, politics in promoting ideas or political programs among citizens. Consideration of empirical methods for studying the structure of political communication networks of Internet users showed that “hierarchy” and “social differentiation” are the key to the analysis of social networks. Particular attention was paid to the experience of researching communication networks.

Gratitude: The work was supported by “Expert institute of social research” (EISR), scientific project “Gaming technologies of involvement and conviction in political and civil communications in modern Russia” (№ 1022061700190–3-5.6.1).

Key words: political socialization, political communication, agents, power, institutions, social networks, resources.

Введение

Проблематика политической социализации относится к числу актуальных вопросов в связи с распространением и активным использованием цифровых ресурсов в качестве пространства политической коммуникации. Интернет как особое средство и среда политической коммуникации неизбежно трансформирует существующие способы институционального взаимодействия и служит источником формирования нового измерения социального пространства. В это пространство встраиваются уже функционирующие институты и возникают новые структуры социальных отношений. Политическая интернет-коммуникация, направленная на обмен политической информацией, идеями и ценностями, служит средством включения социальных общностей в политические процессы в стране, политически социализирует и адаптирует их. Именно от того, как происходит политическая

социализация различных социальных групп зависит степень их участия и дальнейшая активность в политической жизни общества.

В работе предпринимается попытка выявить основные теоретические подходы к изучению политической социализации посредством коммуникации, специфику и тенденции в исследованиях политической социализации в России и за рубежом, обобщить существующие направления в изучении социальных сетей как способов реализации политической коммуникации. В связи с этим, в первой части работы рассмотрены основные теоретические подходы к политической социализации. Во второй части анализируются основные каналы и агенты политической социализации (на примере молодежи). Особое внимание уделено научным методам, которые применяются при изучении политической коммуникации различных социальных групп.

Политическая социализация: дефрагментация исследовательского поля

Если обратиться к истории появления термина «политическая социализация», то одним из первых, кто его ввел в научный дискурс был Г. Хайман (Hupman 1959). Именно Г. Хайман заложил основу для толкования политической социализации как процесса, с помощью которого социальные институты выступают в роли инструмента формирования политических ценностей у граждан. Говоря о политической социализации на уровне индивида, Г. Хайман определяет процесс политической социализации как процесс «усвоения человеком социальных норм, отвечающих связанным со структурой общества его социальным статусам» (Hupman H., 1959). Работа г. Хаймана дала начало зарождению принципиально новой области политологического учения. В период с 1960 по 1975 гг. наблюдается наиболее значительный рост количества публикаций на тему политической социализации. В 70-е гг. прошлого века Ф. Гринстейн назвал «политическую социализацию» «областью все возрастающего значения» (Greenstein 1970).

Р. Хесс и Дж. Торни в работе, посвященной изучению политического знания, установок и поведения американских школьников, называют политической социализацией процесс, в ходе которого дети приходят к восприятию знаний, ценностей и верований относительно политической культуры, служащих основой поведения социально зрелого,

сформировавшегося гражданина (Hess, Torney 1967). Д. Истон и Дж. Деннис, так же направили фокус своего научного интереса на анализ усвоения детьми политических ценностей и убеждений (Easton, Dennis 1969). В результате проделанной работы авторы пришли к выводу о том, что процесс политического научения индивида начинается с раннего детства, когда он узнает о том, что «есть внешняя по отношению к семье власть, которой подчиняется даже его отец, и что каким-то образом полицейский представляет эту власть». Ч. К. Аткин и В. Ганц, разделяли мнение таких ученых, как Г. Хайман, Р. Хесс, Дж. Торни и заключили, что политическая социализация представляет собой динамичный процесс, связанный с усвоением детьми и подростками знаний, позиций и паттернов поведения в сфере политики (Atkin, Gantz 1978).

Эти работы были направлены в первую очередь на изучение ранней политической социализации и основное внимание в них уделялось прежде всего особенностям восприятия детьми государственной политики, власти, деятельности институтов и агентов, способствующих развитию и закреплению полученного детьми политического знания, политических ценностей. Таким образом, политическая социализация в научном дискурсе в 60–70-е гг. прошлого века понималась как часть социальной системы и наибольшее значение придавалось тому, как дети оценивают и воспринимают политическую сферу.

В более поздний период появляются работы, в которых изучаются особенности политической социализации детей раннего школьного и дошкольного возраста, школьного возраста (подростков). Подобное смещение в тематике исследований в первую очередь связано с работами М. Дженнингз и Р. Найеми (Jennings, Niemi 1968), которые наряду с Э. Вестхолмом (Westholm 1999), Мерелманом (Merelman 1980) объективировали семью как главного социализирующего агента на стадии латентной политической социализации.

Исследователи, изучающие этапы политической социализации, выделяют латентную и прямую стадии (Almond 1963). Латентная стадия определяется как этап, в ходе которого у индивида вырабатываются ценности и установки, не являющиеся политическими, но впоследствии неизбежно влияющие на то, как индивид воспринимает и оценивает функционирующие институты политического поля. Стадия же прямой социализации заключается в воздействии на индивида институтов, агентов и механизмов, ретранслирующих

непосредственные политические ценности и усвоении индивидом этих политических ценностей.

Анализ работ показывает, что существующие исследования, посвященные политической социализации, отличаются усиливающейся фрагментацией. В целом, наблюдается тенденция к исследованию агентов и факторов политической социализации сепаративно, а не в совокупности. Различается также изолированность в рамках исследований проблематики политической социализации ученых из разных научных областей. Как отмечают Нейми и Хепбарн, этот дефицит методологического единства и разногласия, периодически возникавшие на тему интерпретации результатов исследований, привели к тому, что область политической социализации пережила «преждевременную смерть» (Niemi, Hepburn 1995).

На этом фоне перспективным видится модель «горизонтальной социализации», предложенная Р. Мерелманом (Merelman 1986). Автор этой модели показал личность как объект, который непрерывно совершает выбор из конкурирующих образов мира и моделей поведения. Согласно этой модели, социализируемый объект и агенты социализации выступают как равные участники процесса социализации, а отношения между ними добровольные и временные, в отличие от использовавшейся ранее модели «вертикальной» социализации.

Другой чертой ряда исследований, которые появились в 80–90-е гг. является смещение в сторону изучения других возрастных групп (тех, кому от 14 до 25 лет). В этих работах было уделено пристальное внимание не только проблемам поколений, но роли СМИ в процессе формирования политических ценностей и установок.

Важное значение в исследовании процесса политической социализации занимают работы, в которых постулируется модель «подчинения», получившая особой развитие в рамках бихевиористской традиции. Представители бихевиоризмом определяют «социализацию» как процесс по усвоению индивидом определенных моделей поведения, признанных общественных норм, которое стимулируется системой поощрений и наказаний. Исследователи Г. Алмонд (Алмонд 1963), Д. Истон и Дж. Деннис (Easton, Dennis 1969) определяют процесс политической социализации как воздействие, оказывающееся на индивида обществом в целях формирования у него положительных установок относительно политической системы в целом. При этом, важно отметить, что роль самой личности в этом процессе является

пассивной и находящейся под воздействием властных институций. Индивид может усваивать нормы политического поведения, которые приняты в обществе, а формирование политического сознания определяется требованиями политической системы.

Одной из влиятельных теорий в рамках изучения политической социализации является концепция политической поддержки, которая была разработана Д. Истоном и Дж. Деннисом. Изучая «Детей и политическую социализацию» авторы теории определяют, что именно посредством обучения и усвоения индивидом социальных ролей и происходит политическая социализация. По их мнению, ребенок в своей политической социализации проходит четыре ступени развития (политизация, персонализация, идеализация, институционализация). Процесс взаимодействия между ребенком и политической системой носит постепенный характер и ведет к формированию положительного образа политики в целом.

Политическая коммуникация в цифровую эпоху

В российском научном дискурсе также имеются теоретические и эмпирические основания для изучения политической социализации и политической коммуникации. Проведенный анализ работ показывает, что имеют место теоретические разработки (Головин 2004), эмпирические работы, в которых исследуются агенты и институты политической социализации. Особое внимание российские исследователи политической социализации уделяют чаще всего именно молодежным проблемам. Социальные институты напрямую связаны с процессом политической социализации молодежи, оказывая воздействие на успешность интеграционных процессов в целом и вовлеченность молодежи в политические процессы, в частности. Изучая роль различных политических и неполитических институтов в политической социализации российские исследователи (Зубок, Сорокин 2010; Шестопал 2007) заключают, что роль традиционных институтов социализации (органы власти, образование, семья, религия) в современном российском обществе ослабевает. Почему же так происходит?

В первую очередь это происходит ввиду того, что изменяется социально-политический контекст и резко возрастает степень неопределенности. В. Н. Баранова пишет, что в России сохраняется нестабильность системы ценностей и ценностных ориентаций,

жизненные установки и модели изменились (Баранова 2011). В этой связи наблюдается ситуация, когда часто традиционные институты социализации не способны, а новые институты и агенты современного информационного общества еще не обеспечивают полного формирования политических ориентиров граждан.

В условиях информационного общества резко возрастает значимость цифровых институтов, электронных СМИ, сетевых ресурсов. Практически все социальные группы оказываются встроенными в процесс цифровизации российского общества. В этой ситуации пространство интернета, цифровые платформы и гейм-механики обеспечивают участие в политической коммуникации, в ходе которой индивид приобретает новые политические знания, формируя собственные политические ориентации.

В научной литературе уже более десяти лет ведется дискуссия о том, каковы преимущества цифровых СМИ по сравнению с традиционными СМИ. Российский исследователь А. Н. Ильин обращает внимание на такие важные функции политической социализации, как обеспечение непрерывной политической коммуникации (Ильин 2012). Это выражается в возможности любого пользователя выразить свое мнение о каком-либо событии, политическом деятеле, политике, проводимой в стране. Более того, коммуникация в интернет-пространстве предполагает диалог, когда человек из позиции читателя может свободно перейти в позицию автора, оставляя комментарии, публикуя ответные посты и статьи на волнующие его темы политического характера. Цензура здесь снижена именно благодаря двусторонности коммуникации, открытая дискуссия в сети только поддерживается. А. Н. Ильин говорит о свободе выражения собственного мнения как о способе противодействия информационному давлению, оказываемому СМИ прошлого поколения. Когда из процесса получения информации исключается диалог, а реципиенты превращаются в пассивно воспринимающую сообщения толпу, у них ослабевают защита перед манипуляциями, отмечает А. Н. Ильин.

Американский политолог Л. Пай в работе о политических процессах, акцентировал внимание на том, что политическая коммуникация не представляет собой односторонний процесс, а является совокупностью «неформальных коммуникационных процессов» в обществе, оказывающих влияние на политику (Рье 1987). Таким образом, в политическую коммуникацию оказываются вовлечены практически все слои общества. В роли адресанта и адресата информации выступают не взаимоисключающие, а взаимодополняющие субъекты. Если обратиться к сущности политической коммуникации, то следует подчеркнуть,

что трансляция по характеру оказывается централизованной, а прием информации осуществляется селективно. В этой ситуации, например, политические элиты имеют возможности регулировать распространение общественно-политических идей, а граждане дискутировать и выражать свои политические интересы. Более того, именно интернет как среда социальной коммуникации создает возможность для образования различных политических дискуссий между заинтересованными пользователями виртуальных сетей.

В научной литературе виртуальные социальные сети определяются как разновидность коммуникативной практики, реализующие потребность пользователей в свободном общении в интернете. Формирование виртуальных сетей восполняет недостаток коммуникаций, которые раньше, прежде ограничивались в большей степени межличностным общением. Теперь появляется возможность коммуницировать с большим количеством пользователей виртуальных социальных сетей, вступая в открытые дискуссии на всевозможные темы, в том числе и политические. Такие виртуальные социальные сети, как Вконтакте, Живой журнал, Tenchat, YouTube и др., представляют собой новую форму социальной интеграции, обеспечивающую пользователей новым каналом коммуникации. Виртуальные социальные сети построены на межличностной коммуникации, а виртуальные сообщества, сформировавшиеся внутри этих сетей, дают возможность устойчивого общения в рамках крупной группы людей, обеспечивают публичную коммуникацию между пользователями — коммуникацию каждого со многими.

Исследователи Хара и Хуан проанализировали структуру онлайн сообществ и отметили, что интерактивность интернет-коммуникации позволяет гражданам перейти из роли пассивных потребителей информации к роли активных создателей контента (Hara, Huang 2011). Такое свойство коммуникации посредством интернета и обеспечивает диалогичный, дискуссионный характер, важный для политической коммуникации.

Для того, чтобы понять специфику виртуальных социальных сетей и сообществ в контексте изучаемой проблемы обратимся к некоторым исследованиям. Следует обратить внимание на то, что эти исследования направлены в основном на изучение социальной дифференциации и структуры социальных сетей, складывающихся в процессе коммуникации. М. Кастельс, Л. Рейни и Б. Вэллман, изучающие интернет и современное общество, считают, что виртуальное пространство отличается горизонтальностью выстраиваемых отношений (Castells 2007; Rainie, Wellman 2012). По мнению исследователей, отношения

в интернете основываются на равенстве всех участников и свободе общения, носят эгалитарный характер и вносят значительный вклад в развитие гражданского общества. Эти идеи можно соотнести с рассмотренной ранее моделью горизонтальной политической социализации Р. Мерелмана, где социализируемый объект и агенты социализации так же представляются равными участниками этого процесса. Таким образом, участники политической коммуникации в социальных сетях являются носителями определенных политических ценностей, которые они транслируют остальным участникам в процессе взаимодействий и в то же время подвергаются влиянию политических ориентаций других участников, тем самым включаясь в процесс политической социализации.

Исследователи Ж. Ван Дийк, М. О'Нил предлагают альтернативный взгляд на проблему дифференцированности виртуальных социальных сетей, согласно которому, эти сети обладают признаками вертикальной социальной дифференциации и иерархичности (Van Dijk 2013; O'Neil 2009). В этом случае структура сетевых отношений выстроена так, что некоторые влиятельные группы участников пользуются большим, по сравнению с другими, авторитетом и властью над коммуникацией.

С точки зрения внутренней дифференциации в виртуальных социальных сетях определенным ресурсом выступает авторитет, популярность, сводимая к количеству подписчиков пользователя. Поэтому при анализе структуры сети онлайн коммуникация исследователи рассматривают участников, как обладателей определенных виртуальных ресурсов, потенциально влияющих на вертикальный или горизонтальный характер дифференциации в сети.

Что касается методов исследования сетей, то с 2000-х гг. получает распространение теория графов и активно используемая в качестве эмпирического инструмента социальных наук (Freeman 2004; Wasserman, Faust 1994). В этой теории актор соотносится с термином «вершина», а взаимодействие акторов с термином «ребро». Использование данных концептов и различных математических методов в целом позволяет использовать сетевой подход в эмпирических исследованиях и визуализировать полученные данные.

Отдельное направление в исследованиях социальных сетей посвящено специфике виртуальных коммуникаций, структуре, характеру взаимодействия в сети. В рамках проекта американского Исследовательского Центра «Pew» было проведено исследование социальной сети Твиттер на предмет политического участия (Smith 2012). На

основании опроса среди 2253 американцев от 18 лет и старше было выявлено, что молодые интернет пользователи (18–29 лет) более склонны к использованию социальных сетей с целью политической коммуникации, нежели старшее поколение (44% пользователей Твиттера 18–29 лет оставляют «лайки» под постами других пользователей, связанных с политикой и социальными проблемами; 42% публикуют собственные убеждения или оставляют комментарии на политические и социальные темы; 36% ретвитят контент на политические или социальные темы, который был первоначально опубликован другими пользователями; 36% побуждают других пользователей к принятию участия в решении политических и социальных проблем; 34% побуждают к голосованию на выборах и 33% делятся ссылками на статьи о политике).

В более позднем исследовании ученые изучали тематические сети в сервисе микроблогинга Твиттер (Rainie et al., 2014). В своей методике анализа и дальнейшей категоризации дискуссионных сетей авторы использовали следующие основные понятия: плотность, модулярность, доля изолятов и коэффициент централизации сети. Первые три характеристики сети позволяли оценить связанность пользователей и эксплицитность кластеров сети, а коэффициент централизации определял иерархичность сети. В результате проведенного исследования ими было выделено шесть типов сетевой структуры Твиттера, разбитые на дихотомические пары: поляризованная и консолидированная, фрагментированная и кластерная, сети вещания и сети поддержки. Важно отметить, что исследователи установили взаимосвязь между типом структуры коммуникационной сети и темой коммуникации. Если поляризованная сетевая структура характерна для политических дискуссий, то консолидированная — для дискуссий на разнообразные темы. Фрагментированную структуру имеют сети, где освещаются темы, имеющие большой общественный резонанс (крупные события, известные личности и т.), побуждающие пользователей социальной сети упоминать их, но не вступать в саму коммуникацию с другими пользователями. Вокруг аккаунтов СМИ, публичных деятелей и организаций выстраиваются сети вещания.

Исследование российского ученого С.А Грина посвящено роли социальных сетей в политической мобилизации россиян в период политического протеста во время выборов президента России 4 марта 2012 года (Грин 2012). Для анализа была собрана база данных, включающая в себя 11113 твитов 8565 уникальных пользователей,

собранных в течение 4–6 марта 2012 года (в процессе сбора данных происходил поиск популярных «мемов» при помощи ключевых слов и хештегов). Автором построены сети мемов по трем основным параметрам: количество твитов, количество отправителей твитов и доля твитов, которые были ретвитнуты другими пользователями («коэффициент связанности»). С. А. Грин приводит список самых важных пользователей, ранжированных в зависимости от степени их сетевой активности (количество твитов) и количества ретвитов их твитов другими пользователями. Затем исследователь делит мемы на три большие категории: «оппозиционные», «прокремлевские» и «нейтральные». В центре полученной сети твитов образовались более плотно связанные группы узлов пользователей Твиттера, окруженные узлами пользователей, не связанных с другими.

На основании полученных данных С. А. Грин выделяет следующие основные закономерности: существует значимая разница в социальной структуре про- и антиправительственных мобилизационных сетей и главную роль в трансляции информации в рамках этих сетей играют блогеры, журналисты, политики и активисты. Также исследователь отмечает то, что основная часть изученных твитов в целом носит оппозиционный характер. Функции Твиттера в политической мобилизации, по мнению автора, включают обобщение информации и идей, относящихся к мобилизационным действиям, распространение этой информации среди пользователей социальной сети, а также выполняет «эффект эха», поддерживающий и укрепляющий внутригрупповую солидарность и разделение распространяемых идей.

Заключение

В статье проанализированы основные теоретические подходы к изучению политической социализации, социальных сетей и коммуникации, выявлены особенности изучения этих процессов в зарубежном и российском дискурсе. Определено, что в исследованиях, как правило, описываются потенциальные возможности агентов и институтов по включению социальных групп в офлайн политические процессы и политические интернет-коммуникации. Выявлено, что в социальных сетях происходит активный обмен политической информации между пользователями. Отдельным направлением исследований является анализ деятельности политических субъектов, политических настроений

граждан, политики по продвижению идей и политических программ среди граждан.

В целом же, обобщая опыт исследований социальных сетей на предмет политической коммуникации, становится очевидным повсеместность использования сетевого подхода для изучения дифференциации и иерархичности сетей. Проанализированные исследования социальной сети в ее политическом измерении, использованные в них методы сбора и анализа информации определяют перспективы изучения взаимодействий пользователей социальных сетей в политическом поле, потенциал сети для роста политической активности граждан и влияние онлайн процессов на интернет-коммуникации.

Источники

Баранова В. Н. Проблемы политической социализации в современной России // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2011. Выпуск 2. — С. 269–274.

Грин С. А. Твиттер и российский протест: Мемы, сети и мобилизация // Центр изучения интернета и общества. 2012. URL: <https://ru.scribd.com/document/94393467/Твиттер-и-российский-протест-РМ-ЦИИО-2012-1> (дата обращения: 20.05.2021).

Зубок Ю. А., Сорокин О. В. Институциональные и саморегуляционные механизмы формирования политического сознания молодежи // Наука. Культура. Общество. 2010. — № 1. — С. 16–29.

Ильин А. Н. Интернет как альтернатива политически ангажированным СМИ // Полис. — Политические исследования. — 2012. — № 4. — С. 126–136.

Политическая социализация российских граждан в период трансформации / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Новый Хронограф. — 2008. — 552 с.

Almond G. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. — Princeton. 1963.

Atkin Ch.K., Gantz W. Television News and Political Socialization // Public Opinion Quarterly. — 1978. — Vol. 42. — № 2. P. 183–194.

Buckingham D. News media, political socialization and popular citizenship: Towards a new agenda. // Critical Studies in Mass Communication. — 1997. P. 344–366.

Castells M. Communication, power and counter-power in the network society // International journal of communication. — № 1. — 2007. P. 238–266.

Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. N.Y.: McGraw-Hill. — 1969.

Freeman L. C. The Development of Social Network Analysis: A Study in the Sociology of Science. Vancouver, CA: Empirical Press, 2004.

Greenstein F. I. A Note on the Ambiguity of "Political Socialization": Definitions, Criticisms, and Strategies of Inquiry // *The Journal of Politics*. — 1970. — Vol. 32. — № 4. — P. 969–978.

Green S. A. Twitter and Russian protest: Memes, networks and mobilization // Center for the Study of the Internet and Society. 2012. URL: <https://ru.scribd.com/document/94393467/Twitter-and-Russian-protest-RM-CIIO-2012-1> (Accessed: 20.05.2021).

Hara N., Huang B.-Y. Online social movements // *Annual Review of Information Science and Technology*. — 2011. — Vol. 45. 1. — P. 489–22.

Hess R. D., Torney J. V. The Development of Political Attitudes in Children. — Chicago. — 1967.

Hyman H. Political Socialization. A Study in the Psychology of Political Behavior. Glencoe: The Free Press. — 1959.

Jennings M. K., Niemi R. G. The transmission of political values from parent to child // *American Political Science Review*. — 1968. P. 169–184.

Merelman R. M. Revitalizing Political Socialization // *Hermann M. (ed.) Political Psychology*. — San-Francisco. — 1986.

Merelman R. M. The family and political socialization: Toward a theory of exchange // *Journal of Politics*. -1980. — № 42. — P. 461–486.

Niemi R. G., Hepburn M. A. The Rebirth of Political Socialization // *Perspectives on Political Science*. — 1995. -Vol. 24. — P.7–16.

O'Neil M. Cyberchiefs: Autonomy and Authority in Online Tribes. London. Pluto Press, 2009.

Pye L. Political Communication // *The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions*. Oxford. N. Y. — 1987.

Rainie L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. Cambridge, London: The MIT Press. — 2012.

Smith M., Rainie L., Shneiderman B., Himelboim I. Mapping Twitter Topic Networks: From Polarized Crowds to Community Clusters // *Pew Research Internet Project*. 2014. URL: http://www.pewinternet.org/files/2014/02/PIP_Mapping-Twitter-networks_022014.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

Van Dijk J. A theory of the digital divide // *The Digital Divide. The internet and social inequality in international perspective* / под ред. Ragnedda M., Muschert G. W. New York. Routledge. — 2013.

Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis. Cambridge: Cambridge University Press. — 1994.

Westholm A. The perceptual pathway: Tracing the mechanisms of political value transfer across generations // *Political Psychology*. — 1999. № 20 (3). — P. 525–551.

Rainie L., Smith A., Schlozman K.L., Brady H., Verba S. Social Media and Political Engagement// *Pew Research Internet Project*. 2012. URL: http://www.pewinternet.org/files/old-media/Files/Reports/2012/PIP_SocialMediaAndPoliticalEngagement_PDF.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

References

- Almond G. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Princeton, 1963.
- Atkin Ch.K., Gantz W. Television News and Political Socialization. *Public Opinion Quarterly*, 1978, vol. 42, № 2, pp. 183–194.
- Baranova V. N. Problems of political socialization in modern Russia. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12*, 2011, issue 2, pp. 269–274.
- Buckingham D. News media, political socialization and popular citizenship: towards a new agenda. *Critical Studies in Mass Communication*, N 14(4), 1997, pp. 344–366.
- Castells M. Communication, power and counter-power in the network society. *International journal of communication*, № 1, 2007, pp. 238–266.
- Easton D., Dennis J. *Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy*. N.Y.: McGraw-Hill, 1969.
- Freeman L. C. *The Development of Social Network Analysis: A Study in the Sociology of Science*. Vancouver, CA: Empirical Press, 2004.
- Greenstein F. I. A Note on the Ambiguity of “Political Socialization”: Definitions, Criticisms, and Strategies of Inquiry. *The Journal of Politics*, 1970, vol. 32, № 4, pp. 969–978.
- Hess R. D., Torney J. V. *The Development of Political Attitudes in Children*. Chicago, 1967.
- Hyman H. *Political Socialization. A Study in the Psychology of Political Behavior*. Glencoe: The Free Press, 1959.
- Ilyin A. N. Internet as an alternative to politically biased media. *Polis. Political studies*, 2012, No. 4, pp. 126–136 (In Russ).
- Jennings M. K., Niemi R. G. The transmission of political values from parent to child. *American Political Science Review*, 1968, N 62(1), pp. 169–184.
- Merelman R. M. Revitalizing Political Socialization. In: Hermann M. (ed.) *Political Psychology*. San-Francisco, 1986.
- Merelman R. M. The family and political socialization: Toward a theory of exchange. *Journal of Politics*, 1980, № 42, pp. 461–486.
- Niemi R.G., Hepburn M. A. The Rebirth of Political Socialization. *Perspectives on Political Science*, 1995, vol. 24, pp. 7–16.
- O’Neil M. *Cyberchiefs: Autonomy and Authority in Online Tribes*. London, Pluto Press, 2009.
- Political socialization of Russian citizens during the transformation*. Ed. E. B. Shestopal, Moscow, New Chronograph, 2008, 552 p.
- Pye L. Political Communication. In: *The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions*, Oxford. N. Y, 1987.
- Rainie L., Wellman B. *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, London, The MIT Press, 2012.
- Smith M., Rainie L., Shneiderman B., Himelboim I. Mapping Twitter Topic Networks: From Polarized Crowds to Community Clusters. *Pew Research Internet Project*. 2014. URL: http://www.pewinternet.org/files/2014/02/PIP_Mapping-Twitter-networks_022014.pdf (access date: 25.04.2022).
- Van Dijk J. A theory of the digital divide. In: *The Digital Divide. The internet and social inequality in international perspective*. Ed. Ragnedda M., Muschert G. W. New York, Routledge, 2013.

Wasserman S., Faust K. *Social Network Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994.

Westholm A. The perceptual pathway: Tracing the mechanisms of political value transfer across generations. *Political Psychology*, 1999, № 20 (3), pp. 525–551.

Rainie L., Smith A., Schlozman K.L., Brady H., Verba S. Social Media and Political Engagement. *Pew Research Internet Project*. 2012. URL: http://www.pewinternet.org/files/old-media/Files/Reports/2012/PIP_SocialMediaAndPoliticalEngagement_PDF.pdf (access date: 02.06.2022).

Zubok Yu. A., Sorokin O. V. Institutional and self-regulatory mechanisms for the formation of the political consciousness of youth. *Nauka. Culture. Society*, 2010, N 1, pp. 16–29. (In Russ).

Колесник Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. n.kolesnik@socinst.ru

Корниенко Алла Владимировна, научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. av.kornienko@mail.ru

Хосуева Софья Даутовна, магистрант, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, младший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. khosueva@gmail.com

Kolesnik, Natalya V., PhD in Sociology, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. n.kolesnik@socinst.ru

Kornienko, Alla V., Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. av.kornienko@mail.ru

Khosueva, Sofiya D., Masters student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Junior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. khosueva@gmail.com

В. Д. ДМИТРИЕВА

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ СОВРЕМЕННОГО КАТОЛИЦИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЕЗДОК ИОАННА ПАВЛА II, БЕНЕДИКТА XVI И ФРАНЦИСКА

В условиях глобализации католицизм оказывается вынужден поддерживать свой «вселенский» статус и одновременно адаптироваться под локальные контексты присутствия. Как следствие, возникает потребность в глокализации политической доктрины церкви — части католического социального учения, сфокусированной на вопросах политического характера. Одним из инструментов решения данной задачи выступают папские **поездки**, обеспечивающие распространение доктрины католицизма через личное присутствие наместника Святого престола в различных регионах мира. Мобильность понтификов предоставляет значимую информацию о (ре)конфигурации глобального и локального измерений церковного учения. В связи с этим в настоящей статье проводится сравнительный анализ процентного распределения и динамики поездок Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска (на 1-е полугодие 2022 г.) в их соотношении со статистикой католического населения мира. Результатом является частичное подтверждение гипотезы о расширении и смещении географии **поездок** на глобальный Юг.

Ключевые слова: церковь, религия, глобальный католицизм, глокализация, политическая доктрина католицизма, папа римский, понтифик, динамика папских **поездок**.

VALERIA D. DMITRIEVA

GLOCALIZATION OF THE POLITICAL DOCTRINE OF MODERN CATHOLICISM: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TRAVELS OF JOHN PAUL II, BENEDICT XVI AND FRANCIS

Under conditions of globalization, Catholicism is forced to maintain its “universal” status and at the same time adapt to the local contexts of presence. As a consequence, there is a need to glocalize the church’s political doctrine — a part of Catholic social teaching focused on the issues of a political nature. One of the tools for solving this problem are papal travels, which ensure the spread of the Catholicism’s

doctrine through the personal presence of the Vicar of the Holy See in various world regions. The pontiffs' mobility provides meaningful information about the (re)configuration of the global and local dimensions of church teaching. In this regard, the article provides a comparative analysis of the percentage distribution and dynamics of the travels of John Paul II, Benedict XVI and Francis (for the 1st half of 2022) in their relationship with the world Catholic population's statistics. The result is a partial confirmation of the hypothesis about the expansion and shift of the **travels'** geography to the global South.

Keywords: church, religion, global Catholicism, glocalization, political doctrine of Catholicism, pope, pontiff, dynamics of papal travels.

Введение

Католицизм традиционно апеллирует к универсализму собственного учения и претендует на обладание истиной о политическом благе. Однако понимание «вселенского» статуса католической церкви трансформировалось на протяжении веков (Кондратенко 2014: 268–272). Новые коннотации обозначенная проблематика получила в силу развернувшихся глобализационных процессов.

На современном этапе глобализации наблюдается несколько основных тенденций развития мировых религий, к числу которых относится христианство. Во-первых, увеличение количества верующих в глобальном масштабе: 88,7% всех людей в 2020 г. по сравнению с 80,8% в 1970 г. Во-вторых, связанный с усилением миграции рост религиозного разнообразия на локальном уровне. В-третьих, повсеместные нарушения свободы религии (Zurlo, Johnson, Crossing 2020:11–12).

Как следствие, католическая церковь оказывается вынуждена временно поддерживать свой глобальный статус и адаптироваться под локальные контексты присутствия. Эта ситуация оказывает влияние на трансформацию политической доктрины католицизма — части социального учения церкви, отражающей позицию Святого престола по вопросам политического характера (Сардарян 2019: 32–33). Католическая доктрина подвергается глокализации.

Теоретико-методологические основы исследования

Глокализация — один из наиболее влиятельных вариантов осмысления культурных последствий глобализации. Данная концепция, выдвинутая

и описанная Р. Робертсоном, позволяет преодолеть дихотомию «глобальное — локальное». Она основывается на нескольких посылах:

1. Глобализация не может быть сведена к гомогенезации. На практике тенденции к унификации и плюрализации дополняют друг друга.

2. Глобализация не нивелирует локальное измерение. Глобальный мир обладает собственными свойствами, но его составляющие (локальности) конструируются в соответствии с логикой глобальных процессов.

Согласно Р. Робертсону, под глобализацией в широком смысле понимается «сжатие» пространственно-временных характеристик мира. В свою очередь, глокализация выступает в качестве аналитического инструмента, который смещает фокус внимания на проблему пространства (Global Modernities 1997: 34–40).

Поскольку выстраивание взаимоотношений между глобальным и локальными измерениями происходит в различных плоскостях, концепция глокализации может применяться в исследованиях религии. В частности, Р. Робертсон утверждает, что критика Святым престолом негативных последствий экономической глобализации и ориентация на помощь «третьему миру» соотносятся со стремлением к производству собственного варианта глобальности (The Oxford Handbook... 2006: 612).

Глобализация католического учения наиболее подробно была изучена социологом религии Х. Казановой. Согласно подходу автора, современный католицизм подтверждает свой глобальный статус по трем направлениям: 1) издание энциклик, затрагивающих общезначимые проблемы; 2) активная позиция по вопросам мировой политики; 3) публичность понтифика (Casanova 1997: 121–125). Последний пункт связан с применением таких инструментов трансляции воззрений главы Святого престола, как медиа и папские поездки (Casanova 1997: 131–133).

В рамках настоящего исследования концепции Р. Робертсона и Х. Казановы рассматриваются как взаимодополняющие. Глокализация не только способствует снятию бинарной оппозиции «глобальное — локальное», но и отводит религии значимое место в дискуссиях о последствиях глобализации. Данная концепция выходит за рамки секулярной парадигмы, соглашаясь с выделенными Х. Казановой способами манифестации глобального статуса католической церкви.

К вопросу о методе исследования

На протяжении столетий наместники Святого престола были физически и символически связаны с Римом (Casanova1997: 133). В этом отношении кульминацией стал XIX в., ознаменовавшийся ликвидацией Папской области и ватиканским «заточением» понтификов. Подписание Латеранских соглашений 1929 г. позволило папам свободно перемещаться по территории Италии, а развитие транспортных средств открыло широкие возможности для зарубежных поездок.

Павел VI стал первым главой церкви, побывавшим на пяти континентах и использовавшим эти визиты в качестве инструмента ведения диалога с миром. Например, в 1965 г. он посетил США и выступил на сессии ООН с призывом к разоружению (Гергей1996: 419). Практика распространения католического учения посредством личного присутствия наместника Святого престола в разных странах и регионах мира была продолжена в последующие понтификаты.

Перед папами встала задача сочетания двух ролей — «первого гражданина» универсального человеческого сообщества и хранителя конфессиональной традиции (Casanova1997: 134). Это потребовало глокализации католицизма: во время путешествий понтифики транслируют (глобальную) доктрину церкви, адаптируя ее под локальный контекст. Католическое учение, в свою очередь, обогащается путем осмысления папских визитов. По итогам поездки 1967 г. в Индию была написана главная социальная энциклика Павла VI — *Populorum progressio* (Гергей 1996: 416).

На основании вышесказанного следует заключить, что мобильность наместников Святого престола служит целям глокализации политической доктрины церкви и предоставляет значимую информацию относительно (ре)конфигурации глобального и локального измерений учения. В связи с этим в настоящем исследовании на базе статистических данных проводится сравнительный анализ поездок Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска (на 1-е полугодие 2022 г.). В целях решения исследовательской проблемы была сформулирована основная гипотеза: **география папских поездок одновременно расширяется и смещается в регионы глобального Юга.**

Эмпирическим основанием для гипотезы исследования служат статистические данные распределения христианского населения мира. Если в 1900 г. на глобальном Юге проживало лишь 18% от общей численности последователей данной религии, то к 2020 г. показатель

составил 67%, а по прогнозам авторов Всемирной христианской энциклопедии к 2050 г. увеличится еще на 10%.

Подобные трансформации преимущественно связаны с высоким уровнем рождаемости в Африке и евангелизацией в ряде стран Азии. Напротив, Ближний Восток отличает снижение количества христиан: с 13% в 1900 г. до 4% в 2020 г. В том числе наблюдается «исход» католиков, обусловленный обострением региональных конфликтов (Zurlo, Johnson, Crossing 2020:9–11). Предположительно, указанные тренды должны отразиться на специфике папской мобильности.

Результаты исследования

Посещение различных территорий, сопровождающееся освещением в медиа, способствует реализации таких задач понтифика, как трансляция и официальная интерпретация католической доктрины. В связи с этим изучение глокализации церковного учения требует анализа частоты и характера папских визитов.

Иоанн Павел II совершил рекордные триста, Бенедикт XVI — пятьдесят пять, а Франциск (на 1-е полугодие 2022 г.) — семьдесят восемь поездок. С разной степенью интенсивности они путешествовали ежегодно, что подтверждает высокую значимость, придаваемую папами фактору личного присутствия. В этом отношении исключением являются только 1978 и 2005 гг. — первый и последний годы понтификата К. Войтылы.

Посещение итальянских областей составляет около трети визитов Иоанна Павла II и Франциска. Мобильность Бенедикта XVI отличает акцент на перемещениях по Италии — они образуют 52,7% всех поездок. Это может быть объяснено как физическими возможностями Й. Ратцингера, которому на момент избрания было семьдесят восемь лет, так и серией скандалов, негативно отразившихся на международном имидже церкви и наместника Святого престола.

В среднем около четверти папских поездок приходится на Европу. Данный факт связан не только с укорененностью католицизма в европейской истории и культуре, но и со статусом крупнейшей христианской конфессии региона. Несмотря на снижение статистических показателей религиозности, примерно с 2000-х гг. наблюдается отход от «евросекюлярности» в сторону усиления гражданской активности верующих, в том числе в рамках околоцерковных организаций (Лункин 2020: 81–94).

Возвращаясь к визитам понтификов, следует подчеркнуть, что основные различия между спецификой мобильности заключаются

в перемещениях наместников Святого престола за пределами Италии и иных стран европейского континента. Процентное распределение поездок свидетельствует не только о неодинаковой значимости регионов, но и о трансформации их приоритетности с конца XX в. по настоящее время.

Рисунок 1 показывает, что важнейшими неевропейскими направлениями визитов Иоанна Павла II (1978–2005 гг.) стали Африка (15,7%) и Южная Америка (9,3%). Это соотносится с глобальными трендами изменения численности и процента верующих. Согласно официальным данным *AgenziaFides*, за 2002–2019 гг. стабильный рост количества католиков наблюдался везде, кроме Европы, а их процент сильно варьировался. Африка и Америка — учитывались Северная и Южная Америки — обладали наивысшими показателями увеличения численности и доли католического населения (Statistics).

На втором месте по приоритетности неевропейских визитов располагается Северная Америка (7,3%), на третьем — Азия (4,3%). Наименьшее внимание глава католической церкви уделял посещению Ближнего Востока и Австралии и Океании (по 2,4% от общего количества поездок), а также Центральной Азии и Закавказья (1,3%).

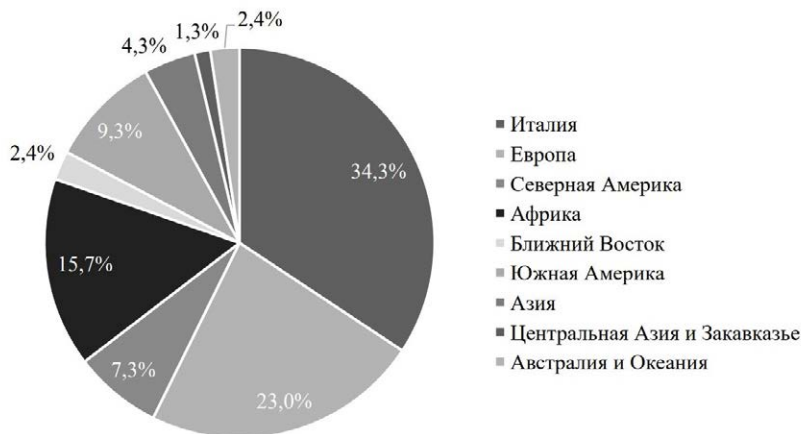

Рис. 1. Распределение поездок Иоанна Павла II по территории Италии и регионам мира (N=300)

Детализируя описанное процентное распределение поездок, необходимо сделать акцент на нескольких отличительных чертах мобильности К. Войтылы:

1. Из двадцати двух поездок папы в Северную Америку шесть приходится на США.

2. Визиты Иоанна Павла II в Центральную Азию и Закавказье были совершены в 1999, 2001 и 2002 гг. Всего понтифик посетил четыре страны региона: Грузию, Казахстан, Армению и Азербайджан.

3. Наместник Святого престола девять раз приезжал на родину, в Польшу.

4. В период 1990–2004 гг. насчитывается сорок одна папская поездка в Европу (без учета Италии), включая двадцать семь визитов в страны, ранее входившие в Восточный блок, и один — в объединенную Германию.

Пункт первый косвенно, а пункты два–четыре напрямую связаны с проводимой католицизмом «восточной политикой». Считается, что в начале понтификата К. Войтылы противостояние Советскому Союзу активизировало американско-ваканские отношения. Однако многие противоречия между папством и Вашингтоном, включая вопросы биоэтики и традиционной морали, не были преодолены. Это скажется на динамике посещений США последующими наместниками Святого престола.

В рамках *Ostpolitik* К. Войтыла оказывал поддержку оппозиционному движению «Солидарность». В 1989 г. Польша стала первым государством бывшего Восточного блока, установившим дипломатические отношения со Святым престолом. В 1991 г., после распада СССР, понтифик созвал синод европейских епископов, задачей которого стало обсуждение новой евангелизации Европы, включая восточную часть континента (Сорра2014: 207–210). Практическим выражением этих усилий стала интенсификация визитов Иоанна Павла II, в том числе в государства постсоветского пространства.

Рисунок 2 позволяет выделить две группы неевропейских регионов, внутри каждой из которых поездки Бенедикта XVI (2005–2013 гг.) распределены равномерно. Во-первых, Северная Америка, Африка и Ближний Восток – по 5,5% папских визитов. Во-вторых, Южная Америка и Австралия и Океания, посещения которых составляют по 1,8% от общего числа поездок. Понтифик не приезжал в Азию, а также Центральную Азию и Закавказье.

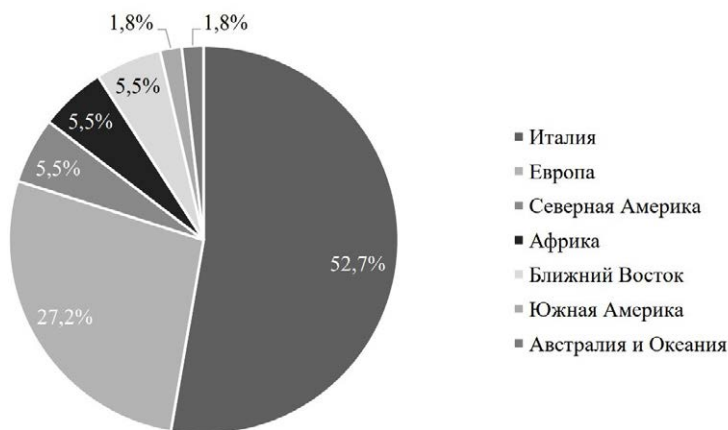

Рис. 2. Распределение поездок Бенедикта XVI по территории Италии и регионам мира (N=55)

В целях конкретизации сведений о распределении поездок Й. Ратцингера требуется обратить внимание на следующие пункты:

1. Несмотря на значимость Северной Америки (5,5% всех поездок), Бенедикт XVI посетил США только один раз.

Это обусловлено изменением характера американо-ватиканских отношений. Если до распада биполярной системы они выстраивались вокруг противостояния коммунизму и атеизму, то после 1990-х гг. обострились противоречия между нормами католической морали и неолиберальной моделью развития политической и экономической сфер жизни (Шебалин 2018: 86–88).

2. В Южную Америку и Австралию и Океанию папа прилетал единожды, побывав в крупнейших государствах — в Бразилии (2007 г.) и Австралии (2008 г.).

3. Среди европейских стран (за исключением Италии) больше всего визитов — по три в каждое государство — было совершено Й. Ратцингером на родину, в Германию, а также в Испанию.

Важно отметить, что поездки наместника Святого престола в Испанию служат способом поддержания католической идентичности населения страны при учете фактора регионального и политического многообразия (The Pope 2020: 133–134).

Согласно рисунку 3, наиболее приоритетными неевропейскими направлениями путешествий Франциска (с 2013 г.) на 1-е полугодие 2022 г. являются Южная Америка (10,3% всех визитов) и Азия (9%). Остальные регионы можно объединить в две группы, в рамках которых процентное распределение поездок одинаково. Это Африка и Ближний Восток (по 7,7%), а также Северная Америка и Центральная Азия и Закавказье (по 3,8%).

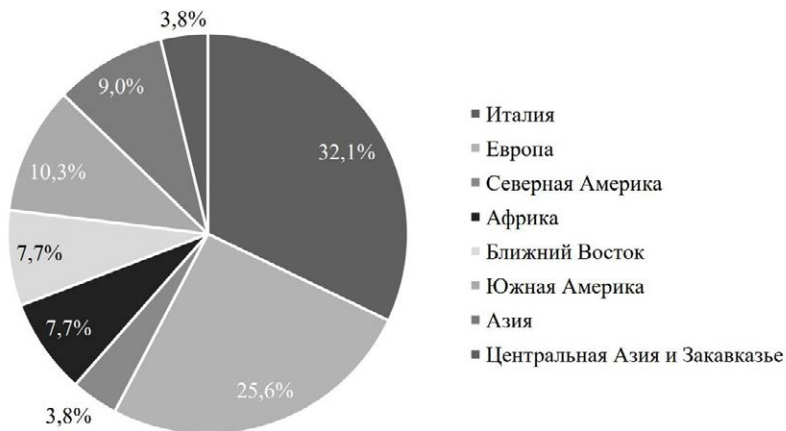

Рис. 3. Распределение поездок Франциска по территории Италии и регионам мира на 1-е полугодие 2022 г. (N=78)

Нынешний понтифик не посещал государства Австралии и Океании. Данный регион семь из восемнадцати лет (за период 2002–2019 гг.) показывал увеличение, а один год – неизменность доли католического населения. Однако среднее арифметическое прироста верующих остается в Океании самым низким среди анализируемых *Agenzia Fides* частей света, составляя –0,03% ежегодно (Statistics).

В числе особенностей мобильности Франциска можно выделить следующие характеристики:

1. Среди посещенных понтификом территорий (помимо Италии) более одного раза повторяется только Греция.

Это связано с визитом 2016 г. в лагерь беженцев на острове Лесбос, в ходе которого Франциск выступил против соглашения ЕС и Турции

относительно регулирования миграционных потоков (Шебалина 2019:59–60).

2. Наибольшим страновым охватом обладает Европа — без учета Италии насчитывается двадцать визитов в девятнадцати разных местах. Ряд поездок был приурочен к посещению международных мероприятий (Шебалина 2019:51).

3. Наблюдается расширение географии папских путешествий в таких регионах, как Ближний Восток (Египет, ОАЭ и Ирак) и Азия (Мьянма).

Особенно важен в этом отношении ближневосточный регион, где Святой престол реализует сразу несколько ключевых задач. Во-первых, защита христианских общин, являющихся меньшинством, а также поддержание их мирного сосуществования с представителями иных религий. Во-вторых, обеспечение равного доступа к святым местам. В-третьих, призыв к урегулированию конфликтов, создающих угрозу безопасности и обостряющих миграционную ситуацию не только на региональном, но и на глобальном уровне (Шебалин 2018: 93–95).

4. В 2016 г. глава католической церкви побывал в трех государствах Центральной Азии и Закавказья: Армении, Грузии и Азербайджане.

Последний пункт включает экуменический — укрепление отношений с местными христианскими общинами, включая подписание декларации о духовной близости с Армянской апостольской церковью, — и миротворческий аспекты (например, символическое посещение папой закрытой армяно-турецкой границы). Несмотря на организационные сложности, апостольские визиты Франциска охватили все страны региона. Во время встреч с духовными и светскими лидерами Закавказья понтифик сделал акцент на значимости поддержания межрелигиозного и межкультурного диалогов (Шебалин 2018: 70–72).

Сравнительный анализ динамики папских визитов

Иоанн Павел II (1978–2005). Анализ эмпирических данных (рисунок 4) указывает на высокую интенсивность зарубежных путешествий Иоанна Павла II. Наибольшее количество таких перемещений было совершено в 1985 и 1989 гг. — по тринадцать визитов. Самый низкий уровень мобильности был достигнут в 1994 г., что связано с состоянием здоровья

папы (Сорра 2014: 218). По количеству посещенных направлений выделяются 1986, 1987 и 1995 гг., каждый из которых ознаменовался визитами в пяти разных регионах. Напротив, в 1994 г., а также в 2003 и 2004 гг. — последних годах понтификата — зарубежные путешествия не выходили за границы Европы.

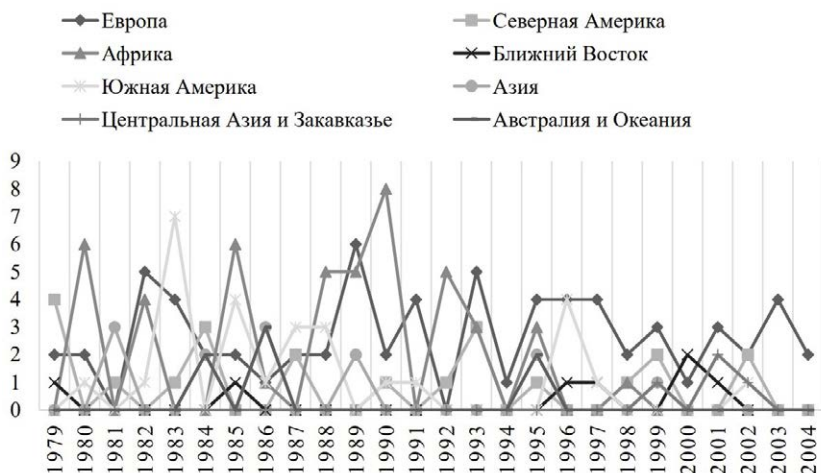

Рис. 4. Динамика поездок Иоанна Павла II за пределы Италии (N=197)

Необходимо отдельно отметить, что динамика перемещений К. Войтылы была неоднородна. Согласно данным (на рисунке 4 выделяются три кластера), поездки различаются по следующим временным отрезкам:

- 1979–1986 гг. характеризуются приоритетностью визитов в страны Северной Америки, Африки и Азии.

Посещения каждого из этих регионов дважды становились наиболее значимыми — получали самый высокий процент при распределении папских поездок за определенный год. Как следует из рисунка 4, на этот период пришлось также пики визитов в Южную Америку (семь государств в 1983 г.), Северную Америку (четыре в 1979 г.), Азию (по три в 1981 и 1986 гг.) и Австралию и Океанию (три в 1986 г.).

Примечателен случай Южной Америки, поскольку регион выступает «очагом» распространения альтернативных вариантов духовности. Здесь возникла и получила широкую поддержку теология освобождения, сочетающая католическую традицию с элементами марксистской идеологии. Критике данного религиозного течения были посвящены выступления папы, который во время путешествий по Южной Америке настаивал на необходимости борьбы с социальными проблемами не политическими средствами, а путем нравственного воспитания (Гергей 1996: 438).

- 1987–1994 гг. ознаменовались началом переориентации папской мобильности на европейское направление.

Европа — четыре раза, а Африка — три раза обретали статус наиболее приоритетного региона в соответствии с ежегодным процентным распределением поездок. На рисунке 4 отражено, что за рассматриваемый временной промежуток были достигнуты пики посещений данных направлений: глава католической церкви прилетал в 1989 г. в шесть европейских стран, а в 1990 г. — в восемь африканских. Показателен визит 1993 г. в Судан — государство, находившееся в состоянии гражданской войны. К. Войтыла призвал лидера страны к соблюдению права на свободу вероисповедания (Сорра 2014: 214).

- 1995–2004 гг. закрепили лидирующую позицию Европы среди регионов мира, в которых побывал Иоанн Павел II.

Европейское направление девять раз набирало наивысший процент при распределении поездок за каждый год обозначенного периода. В соответствии с рисунком 4, на этот этап пришлось также пики папских путешествий на Ближний Восток — 2000 г., в Центральную Азию и Закавказье — 2001 г. (по две территории). Наместник Святого престола посетил расположенные в ближневосточном регионе святые места, а также совершил визиты в страны постсоветского пространства.

Бенедикт XVI (2005–2013). Полученные эмпирические данные (рисунок 5) иллюстрируют обоснованность закрепившегося за Бенедиктом XVI статуса «европейского интеллектуала». За исключением 2012 г., Й. Ратцингер регулярно бывал в Европе. Данный регион представлен пиками «внешней» мобильности папы в 2006 и 2010 гг. Особо выделяется 2010 г. — в это время глава церкви наиболее часто выезжал за пределы Италии, побывав в пяти европейских государствах, четыре из которых расположены в Южной Европе. Личное присутствие в этих странах может рассматриваться как индикатор поддержки населения, оказавшегося в неблагоприятном социально-экономическом положении после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

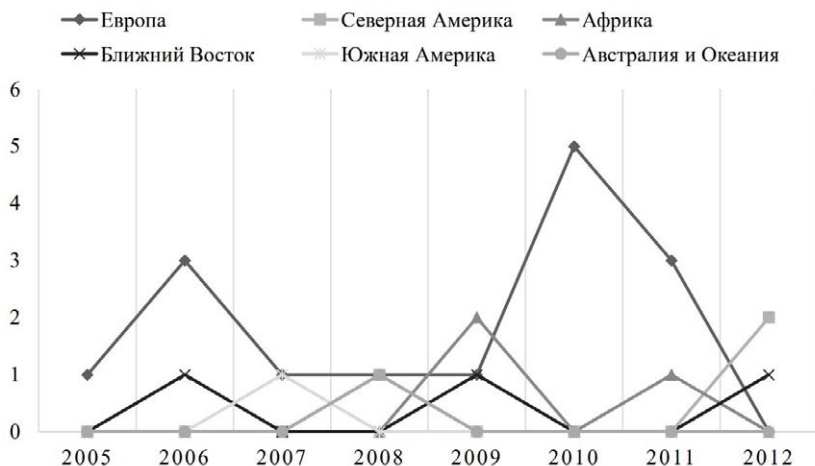

Рис. 5. Динамика поездок Бенедикта XVI за пределы Италии (N=26)

Статистические данные (рисунок 5) также свидетельствует о достаточно низкой интенсивности поездок Й. Ратцингера по неевропейским направлениям. Бенедикт XVI побывал в странах Северной Америки в 2008 и 2012 гг., Африки — в 2009 и 2011 гг., Ближнего Востока — в 2006, 2009 и 2012 гг. Однако более одного визита в конкретный регион (за исключением Европы) было совершено лишь в 2009 и 2012 гг., когда наместник Святого престола прилетал в два государства Африки и Северной Америки соответственно.

Франциск (2013 — настоящее время). Как показано на рисунке 6, зарубежные путешествия Франциска обладают значительным динамизмом. На графике выделяются 2015 и 2019 гг., в каждый из которых папа посетил по пять направлений. Напротив, за 2013 г. — первый год понтификата — и на 1-е полугодие 2022 г. было совершено по одному визиту. В 2020 г. глава церкви не выезжал за пределы Италии, что связано с ограничениями из-за пандемии COVID-19.

На рисунке 6 видны пики мобильности в рамках европейского направления — 2018 и 2021 гг., на которые пришлось пять и четыре папские поездки соответственно. Приоритетность Европы прослеживается в визитах за шесть из десяти лет понтификата, варьируясь от 22,2% до 100% за конкретный год. Однако акцент на европейский регион сбалансирован посещениями других направлений. В некоторые из указанных лет процентное распределение поездок наместника Святого

престола было одинаковым для европейского континента и Ближнего Востока (в 2014 г.), Центральной Азии и Закавказья (в 2016 г.), Африки (в 2019 г.).

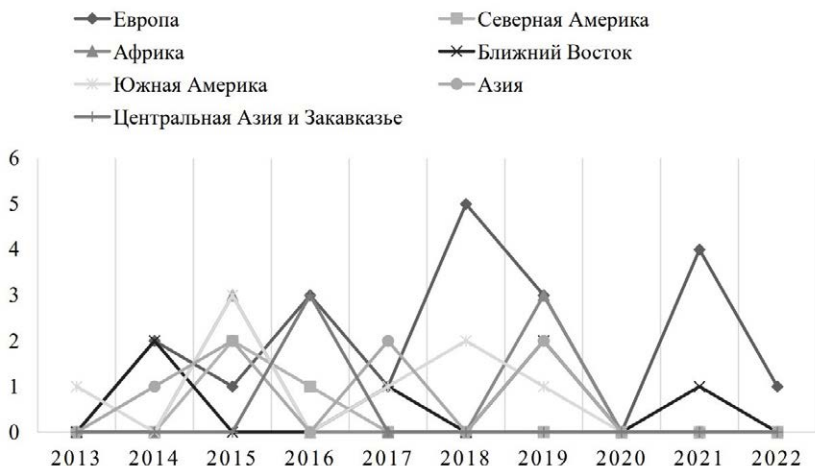

Рис. 6. Динамика поездок Франциска за пределы Италии (N=53)

Наиболее регулярно среди неевропейских регионов Франциск посещал Южную Америку, в которой он бывал пять из десяти лет понтификата. На втором месте находятся Азия и Ближний Восток (по четыре года). По страновому охвату из рассматриваемых направлений также лидирует Южная Америка (восемь), а вторую позицию занимает Азия (семь государств). Третье место делят между собой Ближний Восток и Африка (по шесть стран).

Южная Америка примечательна не столько как родина понтифика, сколько в силу «молодости» и высокой адаптивности, которой обладает местная церковь (Шебалина 2019: 107). Согласно *Agenzia Fides*, для Северной и Южной Америк периода 2002–2019 гг. пиком увеличения католического населения стал 2013 г. (+15 млн) — год избрания Х. Бергольо папой. Снижение доли верующих фиксировалось в трети случаев, только два из которых приходятся на нынешний понтификат: –0,08% в 2015 г. и –0,06% в 2018 г. (Statistics). Более того, значимым фактором в регионе является католическое харизматическое обновление, одним из «очагов» которого выступает Бразилия: 61 млн, или 29% всех последователей (Zurlo, Johnson, Crossing 2021: 18–19).

Азия, в свою очередь, характеризуется неизменным ростом процента верующих. Исключение за восемнадцать лет составили 2004 г. ($-0,02\%$) и 2015 г., когда сохранился показатель предыдущего года. Однако динамика процентного увеличения католиков остается здесь относительно низкой: если в Африке она в среднем насчитывает $+0,15\%$, в Америке — около $+0,09\%$, то в Азии — лишь $+0,02\%$ ежегодно (Statistics). Это актуализирует необходимость личного присутствия понтифика, которое выступает индикатором заинтересованности церкви в поддержке местного католического населения.

Выводы

Проведенное исследование показало, что папские поездки являются важнейшим инструментом глокализации политической доктрины католицизма, способствующим как повышению международного авторитета понтифика и церкви, так и утверждению на локальном уровне официальной позиции Святого престола. В этом смысле зарубежные путешествия оказываются эффективнее перемещений по территории Италии. Однако число «внешних» поездок менее значимо, чем успешность реализации поставленных целей (Шебалина 2019: 51).

Сравнительный анализ мобильности Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска позволил выявить следующее:

1. Изменение показателей численности и доли католического населения в основном коррелирует с визитами понтификов в регионы мира.

2. Выбор направления путешествий обусловлен также политической, экономической, религиозной и иной конъюнктурой. Показательным примером служит посещение К. Войтылой стран бывшего Восточного блока.

3. Несмотря на ежегодное снижение процента католиков на $0,02\%$ (Statistics), Европа остается главным регионом для визитов главы церкви. Подобная «исключительность» связана со стремлением сохранить католическую (культурную) идентичность континента и поддержать вовлечение верующих в актуальные политические процессы.

Результаты проведенного исследования установили: гипотеза о том, что география папских поездок одновременно расширяется и смещается на глобальный Юг, подтверждается лишь частично. Эмпирические данные выявили, что страновой охват визитов увеличивается, однако наблюдается скорее перераспределение значимости «периферийных» регионов. По сравнению с предшественниками Франциск большее

внимание уделяет Южной Америке и Азии, меньшее — Африке. Приоритетность Ближнего Востока сильно варьируется ввиду нестабильной конфликтогенной ситуации.

Источники

Гергей Е. История папства / Пер. с венгр. О. В. Громова. — М. : Республика, 1996. — 463 с.

Кондратенко С. Е. Католицизм в условиях глобального кризиса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 3. С. 267–277.

Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. — М. : ИЕ РАН; СПб. : Нестор-История, 2020. — 488 с.

Сардарян Г. Т. Западно-христианские идейно-теоретические основы становления и развития республиканизма : дис. ... докт. полит. наук : 23.00.01 / Сардарян Генри Тигранович; МГИМО МИД России. — Москва, 2019. — 435 с.

Шебалина Е. О. Приоритеты внешней политики Святого Престола в период понтификата папы Франциска (2013–2018 гг.) : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.15 / Шебалина Екатерина Олеговна; МГИМО МИД России. — Москва, 2019. — 178 с.

Шебалин Д. Д. Российский вектор внешней политики Святого Престола в контексте международных отношений : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.15 / Шебалин Дмитрий Дмитриевич; МГИМО МИД России. — Москва, 2018. — 137 с.

Casanova J. Globalizing Catholicism and the Return to a “Universal” Church // *Transnational Religion and Fading States* / ed. by S. H. Rudolph and J. Piscatori. N. Y., London : Routledge, 1997. — P. 121–143.

Coppa F. J. The Papacy in the Modern World: A Political History. — London : Reaktion Books, 2014. — 304 p.

Global Modernities / Ed. by M. Featherston, S. Lash, and R. Robertson. — London, Thousand Oaks, California, and New Delhi : SAGE Publications, 1997. — 292 p.

Statistics [Электронный ресурс]: Agenzia Fides [сайт]. URL: <http://www.fides.org/en/stats> (дата обращения: 23.11.2022).

The Oxford Handbook of Global Religions / Ed. by M. Juergensmeyer. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 651 p.

The Pope, the Public, and International Relations. Postsecular Transformations / Ed. by M. P. Barbato. — Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2020. — 209 p.

Zurlo G. A., Johnson T. M., and Crossing P. F. World Christianity and Mission 2020: Ongoing Shift to the Global South // *International Bulletin of Mission Research*. 2020. Vol. 44 (1). P. 8–19. DOI: 10.1177/2396939319880074

Zurlo G. A., Johnson T. M., and Crossing P. F. World Christianity and Mission 2021: Questions about the Future // International Bulletin of Mission Research. 2021. Vol. 45 (1). P. 15–25. DOI: 10.1177/2396939320966220

References

Casanova J. Globalizing Catholicism and the Return to a “Universal” Church. *Transnational Religion and Fading States*. Ed. by S. H. Rudolph and J. Piscatori. N. Y., London, Routledge, 1997, pp. 121–143.

Coppa F. J. *The Papacy in the Modern World: A Political History*. London, Reaktion Books, 2014. 304 p.

Gergely J. *Istoriya papstva [History of the papacy]*. Transl. by O. V. Gromov. Moscow, Respublika, 1996. 463 p. (In Russian)

Global Modernities. Ed. by M. Featherston, S. Lash, and R. Robertson. London, Thousand Oaks, California, and New Delhi, SAGE Publications, 1997. 292 p.

Kondratenko S. E. Katolicizm v usloviyah global'nogo krizisa [Catholicism under global crisis conditions]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political expertise: POLITEKS]*, 2014, vol. 10, no. 3, pp. 267–277. (In Russian)

Lunkin R. N. *Cerkvi v politike i politika v cerkviah. Kak sovremennoe hristianstvo menyaet evropejskoe obshchestvo [The churches in politics and the politics in the churches. How the Christianity changes the European society]*. Moscow, IE RAS, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020, 488 p. (In Russian)

Sardaryan H. T. *Zapadno-hristianskie idejno-teoreticheskie osnovy stanovleniya i razvitiya respublikanizma [Western Christian ideological and theoretical foundations for the formation and development of republicanism]*. Doctoral (Political Science) Dissertation, Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA, Russia, 2019. 435 p. (In Russian)

Shebalina E. O. *Prioritety vneshnej politiki Svyatogo Prestola v period pontifikata papy Franciska (2013–2018 gg.) [Foreign policy priorities of the Holy See during the pontificate of Pope Francis (2013–2018)]*. Cand. Sci. (History) Dissertation, Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA, Russia, 2019. 178 p. (In Russian)

Shebalin D. D. *Rossijskij vektor vneshnej politiki Svyatogo Prestola v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij [The Russian vector of the foreign policy of the Holy See in the context of international relations]*. Cand. Sci. (History) Dissertation, Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA, Russia, 2018. 137 p. (In Russian)

Statistics. Agenzia Fides. Accessed 23.11.2022. URL: <http://www.fides.org/en/stats>

The Oxford Handbook of Global Religions. Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford, Oxford University Press, 2006. 651 p.

The Pope, the Public, and International Relations. Postsecular Transformations. Ed. by M. P. Barbato. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2020. 209 p.

Zurlo G. A., Johnson T. M., and Crossing P. F. World Christianity and Mission 2020: Ongoing Shift to the Global South. *International Bulletin of Mission Research*, 2020, vol. 44 (1), pp. 8–19. DOI: 10.1177/2396939319880074

Zurlo G. A., Johnson T. M., and Crossing P. F. World Christianity and Mission 2021: Questions about the Future. *International Bulletin of Mission Research*, 2021, vol. 45 (1), pp. 15–25. DOI: 10.1177/2396939320966220

Дмитриева Валерия Денисовна, младший научный сотрудник
Социологический институт РАН Федерального научно-
исследовательского социологического центра Российской академии
наук, Санкт-Петербург, Россия. ms.valeria.spb@mail.ru

Dmitrieva, Valeriia D., Junior Researcher, Sociological Institute, Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation. ms.valeria.spb@mail.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2022
Выпуск 18

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 526.
Тел.: +7 (812) 316–24–96
E-mail: si_gas@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *И. Ю. Карпова*
Дизайн обложки *А. А. Нотик*
Оригинал-макет *Е. О. Пучков*

Подписано в печать 05.12.2022. Формат 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Тираж 300 экз.
Заказ № 007.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766–05–66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК